

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Якубова Саида Заидиновна

**ФЕНОМЕН ЭКСТРЕМИЗМА
В АСПЕКТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ
ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ**

09.00.11 – Социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Омарова Загидат Умаргаджиевна

Махачкала - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ	15
1.1. Общественное религиозное сознание: сущность и модификации.....	15
1. 2. Формы трансформаций общественного религиозного сознания	42
Глава 2. ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕСТРУКТИВНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ	65
2.1. Феномен экстремизма в современном теоретическом дискурсе.....	65
2.2. Экстремизм: качественные характеристики и приобретаемые черты.....	89
2.3. Предотвращение экстремизма: влияние информационных технологий на трансформации религиозного сознания.....	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	141

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования может быть обозначена в двух аспектах. С одной стороны, она предопределена всем многообразием современной социальной (политической, правовой, национальной, религиозной, культурной) практики, особенно ее деструктивными формами и проявлениями. С другой стороны, тот сегмент современного теоретического дискурса, в центре которого стоят вопросы экстремизма и общественного религиозного сознания отличается неоднозначностью, дискуссионностью, широким разбросом мнений и взглядов.

Экстремизм как серьезная и реальная опасность прогрессивному социальному развитию обращает на себя внимание не только средств массовой информации и широкой общественности, но и ученых из самых различных областей социально-гуманитарного знания. Во всем мире экстремизм проявляет себя как дестабилизирующий фактор, и несет в себе реальную угрозу для граждан, обретая при этом свои различные формы – религиозную, политическую, националистическую, религиозно-политическую и другие. В любой из своих форм экстремизм препятствует созидательному и прогрессивному развитию и осуществлению социально–политических проектов, препятствует стабильному развитию как отдельных народов, так и стран в целом.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹ обращается внимание на то, что среди важнейших источников угроз национальной безопасности особо выделяется экстремистская деятельность националистических, этнических, религиозных, и других организаций и структур, направленная на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации. Актуальность исследования экстремизма продиктована главным образом, необходимостью нейтрализации источников подобных угроз, потребностью в обеспечении устойчивого развития социума, достижение

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020г. (утв. Указом Президентом РФ 12.05.2009 № 537) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.htm>

которого возможно путем предотвращения возникновения и формирования экстремистских практик на самых ранних этапах. Таким «ранним этапом» является процесс возможной трансформации общественного религиозного сознания в его деструктивную форму, которая и становится, как показано в исследовании, основанием для формирования различных форм экстремизма. Целостное осмысление процесса формирования и сущности экстремизма, непосредственная взаимосвязь этого процесса с деструктивными модификациями религиозного сознания является необходимым теоретическим основанием для выработки реальных действенных мер против любых экстремистских выпадов.

В рамках данной работы представлен анализ соотношения и взаимовлияния экстремизма в целом и особенностей религиозного сознания вообще безотносительно к конкретному месту и времени. Только так, не уходя в бесконечную конкретику многообразных форм проявления экстремизма можно обозначить и понять сущностные и приобретаемые черты этого деструктивного социального явления, выявить возможность превентивных мер предотвращения его возникновения. Эффективная деятельность по нейтрализации экстремизма предполагает интенсивную работу в области изучения основ и природы экстремизма, поскольку исследователи этого явления продолжают сталкиваться с трудностями как теоретического, так и методологического характера.

Степень разработанности проблемы

Тема представленной работы объединяет в себе проблематику на первый взгляд различных, но, как обосновано в диссертации, взаимосвязанных теоретических блоков, отражающих сущность и развитие реальных социальных феноменов. Речь идет о религиозном сознании, различных его трансформациях и об экстремизме как деструктивном и опасном явлении современной социальной жизни. Исследования и первого, и второго достаточно разнообразны, многоплановы, отражают самые различные аспекты и воплощаются в теоретических разработках широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин.

О религиозном сознании и религии в целом писали такие классики философии как А. Аврелий, Ф. Аквинский, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Д. Юм, И. Кант, Л. Фейербах, Г. Гегель. Идеи последнего используются нами непосредственно в исследовании. В конце 19 начале 20 веков сущность религиозного сознания осмысливают Ю. Бохеньский, Р. Отто, П. Тиллих, Ф. Шлейермахер. Русская философия внесла особый вклад в понимание и интерпретацию религиозного сознания, отметим особо труды Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина Н.О. Лосского, В.С. Соловьёва, П. Флоренского, С.Л. Франка, учению о непостижимом которого мы уделили в работе особое внимание. С точки зрения психологии и психоанализа религиозное сознание исследовали У. Джеймс, З. Фрейд, Э. Фромм, Т. Флурнуа, К.Г. Юнг и др. Исторический подход изучения религиозного сознания был реализован в работах Р. Беллы, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера.

Анализу религии как социального феномена были посвящены работы классиков марксизма и сторонников материалистической интерпретации этого феномена К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, В.И. Ленин. Продолжение этой традиции было реализовано в советской религиоведческой мысли, где религиозное сознание изучалось с учетом «идеологической правильности» как иллюзорное, превратное, рудиментарное, или нездоровое (И.А. Кривелев, Б.А. Лобовик, М.П. Мчедлов, Г.А. Суглобов, Д.М. Угринович и др.).

Сущность, содержание религии и религиозного сознания методы и принципы их изучения отражены в трудах: П.В. Алексеева, А.А. Ашхамаховой, В.И. Гараджи, А.А. Лагунова, А.В. Маслихина, С.Э. Крапивенского, И.Н. Яблокова, И.А. Яковенко. Процессы формирования и развития религиозного сознания исследовались О.С. Борисовым, Ю.В. Гавриловой, Л.И. Григорьевой, М.Б. Дандароном, Н.Н. Карпицким.

Различные аспекты трансформации религиозного сознания в условиях современного социума представлены С. Амировым, Г.М. Ахуновой, А.Ф. Гавриленковым, К.Л. Ерофеевой, Т.В. Излученко, А.В. Римским и др.

Структура религиозного сознания изучена в работах Б.М. Омарова, П.В. Ополева, К.И. Политкиной, С.В. Рязановой.

В Республике Дагестан исследование ряда аспектов интересующей нас проблемы можно найти в работах З.С. Арухова, М.И. Билалова, М.В. Вагабова, Н.М. Вагабова, А.Н. Дибирова, О.С. Гаджимирзоевой, К.М. Ханбабаева.

Различные формы социальных деструкций и дезорганизаций, в том числе в контексте религиозного сознания исследуют С.Е. Вершинин, В.В. Гурский, Д.А. Лушников, П.Е. Суслонов. Особый интерес для нашего исследования представляют труды, раскрывающие сущность фанатизма как деструктивного социального явления. Отметим в этой связи диссертационные работы М.Н. Кузнецовой, Т.Н. Санаевой, О.М. Фархитдиновой, А.Э. Шариповой, М.Я. Яхьяева.

Значимость в контексте нашего исследования представляет изучение сущности и особенностей экстремизма как деструктивного социального явления. Его теоретическое осмысление началось сравнительно недавно, после того как в некоторых развитых странах во второй половине прошлого века активно заявили о себе и стали развиваться экстремистские и террористические организации.

Социальные, политические, геополитические аспекты различных видов экстремизма изучались А.М. Верховским, Л. М. Дробижевой, М.И. Лабунцом, Э.А. Паиным, Н.А Романовым, Б.Ф. Славиным, М.П. Телякавовым, Л.Р. Сюкияйнен. Определения экстремизма в целом и религиозного экстремизма в частности, их черты и функции представлены в исследованиях Ю.И. Авдеев, В.Н. Арестова, Л.А. Баширова, И.П. Давыдов, А.И. Долгова, А.С. Киреева, А.Н. Кольева, В.И. Красикова, А.А. Нуруллаева, С.С. Оганесяна, Т.А. Скворцовой, В.Ю. Сокол и др.

Появление и распространение в России новых экстремистских и в целом деструктивных религиозных течений нашло свое отражение в научных изысканиях Е.Г. Балагушкина, Н.А. Трофимчук, и др. Экстремизм как отрицание традиции, проявление нигилизма и в целом антисоциальности конфликтности и

интолерантности изучен в работах Л. В. Баевой, В.А. Бурковской, И.С. Сайфулина, П.Е. Сулонова, Е.Г. Чуганова, С.И. Чудинова.

Особый интерес отечественных исследователей в контексте изучения экстремистских практик и религиозных деформаций обращен на Северный Кавказ. В этой связи выделим особо работы В.Х. Акаева, З.С. Арухова, И.И. Дзусова, Д.И. Имагожевой, М.И. Лабунца, Д.В. Новикова, С.Ш. Муслимова, А.В. Резникова, К.М. Ханбабаева. Обратим специальное внимание на авторов диссертационных исследований последних лет, где проблемы экстремизма изучены в различных аспектах. Это Н.Б. Бааль, В.В. Гурский, А.М. Кадиева, А.С. Киреева, М.И. Лабунец, Н.Д. Махмадиев, П.В. Масычев, И.Л. Морозов, Е.П. Олифиренко, Е.Н. Плужников, С.Е. Пролетенкова, Т.А. Скворцова, А.В. Римский.

Для нашего исследования необходимо было познакомиться с работами, анализирующими влияние современных цифровых технологий и социальных сетей на изменения (позитивные и негативные) различных форм общественного сознания. Отметим разработки И.С. Бакланова, В.В. Буряка, Н.В. Александровой В.Д. Емельяненко, Н.Б. Кирилловой, Е.В. Спириной, М.В. Хруль.

Однако следует отметить, что по-прежнему минимально количество сугубо философских работ, посвященных проблеме экстремизма, использующих философскую методологию и избежавших ухода в политический, правовой или религиозный дискурс. Среди таковых следует выделить вышедшую в 2011 году в Новосибирске монографию «Экстремизм как философская проблема». Существует непроясненность в соотношении понятий религиозное сознание и экстремизм. Еще не раскрыт потенциал информационных технологий, которые с необходимостью должны использоваться как эффективное средство для предотвращения экстремистских практик и деструктивных трансформаций религиозного сознания. Попытку заполнить указанные исследовательские лакуны, отчасти снять проблемный характер некоторых вопросов и реализует представленная работа.

Объект исследования: экстремизм и религиозное сознание как социальные феномены

Предмет исследования: деструктивные трансформации религиозного сознания как детерминанты возникновения экстремизма в современном обществе

Цель исследования: обосновать многообразие форм религиозного сознания, выявив причины деструктивных его трансформаций, с тем, чтобы определить сущностный характер экстремизма и возможности преодоления экстремистских тенденций.

Данная цель реализуется в процессе решения следующих **исследовательских задач:**

1. Выявить основные характеристики религиозного сознания и показать многообразие его модификаций, и их классификации.

2. Обосновать существование деструктивной формы религиозного сознания, доминирование которой является основанием для возникновения экстремизма.

3. Доказать, что религиозный, политический и религиозно-политический экстремизм – предельно выраженные формы последнего и в наибольшей степени отражают реализацию и воплощение деструктивной формы религиозного сознания.

4. Определить экстремизм через выявление его внутренних (качественных) и внешних (изменяющихся) характеристик, обозначив при этом «экстремизм вообще» и многообразие его конкретных форм.

5. Продемонстрировать, что предотвращение появления любых форм экстремизма возможно на уровне возникновения деструктивных трансформаций в религиозном сознании, при использовании всего многообразия современных информационных технологий.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют:

1) Базовым методом исследования является метод восхождения от абстрактного к конкретному, в процессе реализации которого использовались и

другие диалектические методы и принципы: историзм, объективность, конкретность, единство исторического и логического. В процессе работы, в зависимости от целей и задач были использованы сравнительный анализ, системный подход, теоретическое моделирование, приемы общенаучной и философской методологии.

2) Междисциплинарность исследуемой проблемы потребовала использования методов и выводов религиоведения, политологии, истории, экономики, культурологии, теории международных отношений, психологии, конфликтологии и как следствие ряда методов социально-гуманитарного знания – интерпретации, понимания, объяснения.

3) Определение и исследование религиозного сознания опирается на Гегелевскую трактовку последнего. Работы Ф. Шлейермахера и У. Джемса определили авторское понимание «религиозного чувства» и «религиозного переживания», труды С.Л. Франка – осмысление «непостижимого», исследования Н.А. Бердяева и В.Я. Яхьяева – уяснение сущности фанатизма.

4) Понимание экстремизма предопределили диссертационные исследования отечественных ученых последних лет и официальные государственные документы: «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

Научная новизна исследования заключается в следующем.

- выявлены сущностные и вариативные характеристики общественного религиозного сознания, множественность факторов и условий его изменений и модификаций;

- исследована одна из деструктивных форм религиозного общественного сознания, обозначенная как «фанатическая форма религиозного сознания»;

- доказана непосредственная взаимосвязь экстремизма и деструктивной (фанатической) формы религиозного сознания, доминирование которой и предопределяет возникновение экстремизма;

- предложено использовать понятие «экстремизм вообще» для выявления его качественных неизменных характеристик, имеющих место независимо от конкретных социально-политических, экономических, культурных и прочих условий;

- показано, что разрушение основ и структуры деструктивной формы религиозного сознания – путь к подрыванию основ всяких форм экстремизма и наиболее эффективным средством для этого являются современные информационные технологии.

Положения, выносимые на защиту

1. Религиозное сознание характеризуется сущностными чертами, определяющими его как таковое, и вариативными особенностями, позволяющими ему обрести свои конкретные черты. Первые предполагают наличие высшей силы, сверхъестественного, бога (объекта), сознание и познание которого осуществляет субъект через эмоционально окрашенные чувства и переживания. Последние, определяющие веру и определяемые верой, неразложимы на элементы и не могут быть полностью рационализированы, потому что в их основе лежит сверхъестественное, непостижимое (С.Л. Франк). Социальный мир представляет нам вполне конкретные формы, виды, типы религиозного сознания, как следствие воплощения его вариативных особенностей. Последние зависят как от исторических периодов, экономических, политических, духовных событий и процессов, так и от психических и ментальных состояний самого субъекта религиозного сознания. Большое разнообразие внешних и внутренних факторов, влияющих на модификации религиозного сознания, не позволяет дать его исчерпывающую классификацию.

2. Многообразие трансформаций религиозного сознания в общем виде можно классифицировать на позитивные и негативные. Позитивное (или конструктивное) сознание формируется в виде доброжелательных представлений по отношению к социальному миру, в попытках преодоления конфликтов как внешних, в окружающем мире, так и внутренних – в процессах духовных поисков и самоидентификации. Негативное (или деструктивное) религиозное сознание

проявляется в отрицательных чувствах, в выражении ненависти и враждебности к данной реальности, в отречении от существующего порядка вещей. Деструктивную форму религиозного сознания характеризует: 1. Крайний догматизм и партикуляризм, как убежденность в уникальности и единственно возможной правильности собственного переживания, чувства, убеждения и веры. 2. Нетерпимость и недопустимость всякого другого сверхъестественного и способов его трактовки и понимания. 3. Бинарность мира: его деление на своих и чужих, исключаящее многообразие форм, и плюрализм мнений. Чужие воплощают собой весь остальной губительный мир, с которым необходимо вести нетерпимую борьбу. 4. Борьба и агрессия является проявлением неприятия и сопровождаемой ненавистью. В наибольшей степени совокупность этих черт соответствует состоянию фанатизма, а форма религиозного сознания может быть названа фанатической

3. Экстремизм, представляя собой форму социальной деструкции, является следствием целого ряда причин, условий и обстоятельств, как внешних (социально-экономическая нестабильность, кризисы, безработица и т.д.) так и внутренних (наличие особого сознания, на основе которого выстраивается идеология), которые являются первостепенными. Взаимосвязь феномена экстремизма с политическим и религиозным дискурсом является следствием того, что, во-первых, экстремизм как социальный феномен впервые был описан именно в политическом контексте. Во-вторых, религиозный, а также религиозно-политический экстремизм являются предельно выраженными формами последнего, в наибольшей степени вбирают в себя все основные черты экстремизма вообще как деструктивной формы сознания и социального действия; В-третьих, в основе экстремистских практик и действий лежит фанатизм как деструктивная форма религиозного сознания.

4. «Экстремизм вообще», изъятый из реальных социально-политических условий и рассматриваемый как абстракция, предполагает: во-первых, использование крайних и радикальных мер для уничтожения «чужих», что подразумевает насилие и агрессию. Во-вторых, наличие особо

трансформированной деструктивной фанатической формы религиозного сознания, основанием которой может являться любая идея, теория или ценность. Отсутствие хотя бы одной из указанных характеристик лишает экстремизм его качественных оснований. Свои конкретные формы абстрактный экстремизм обретает в реальных социально-политических, экономических, национально-культурных условиях.

5. Современные информационные технологии являются эффективным средством для выявления и противодействия деструктивным трансформациям религиозного сознания. Они позволяют влиять и на сам процесс формирования как деструктивного, так и конструктивного естественного религиозного развития. Такими средствами влияния выступают религиозные тексты в цифровой форме и виртуальные проповеди, специфика которых состоит в возможности критики, обсуждения, сохранения анонимности, а также селекции участников. Одновременно эти же средства используются и теми, кто заинтересован в возникновении самых разнообразных форм экстремизма. В этом случае противодействие реализуется привлечением государственно-правовых, организационных, политических, воспитательных, технических, интеллектуальных, религиозных ресурсов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предложен и обоснован вариант соотношения понятий «религиозное сознание» и «экстремизм», где последний является результатом деструктивных трансформаций общественного религиозного сознания. Обозначены точки соприкосновения указанных понятий и понятия «фанатизм». Религиозный, политический и религиозно-политический экстремизм представлены как предельно выраженные в конкретных исторических и социально-политических условиях формы экстремизма в наибольшей степени отражающие реализацию и воплощение деструктивной формы религиозного сознания.

Практическая значимость выражается в обосновании возможности превентивных мер в процессе генезиса деструктивных форм религиозного сознания, ведущих к возникновению экстремистских практик. Кроме того,

прикладное значение работы состоит в обосновании возможности использования информационных технологий, как для формирования позитивного религиозного развития, так и для предотвращения деструктивных трансформаций религиозного сознания.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отраженные в диссертации научные положения соответствуют области исследования направления подготовки 47.06.01 – Философия, этика и религиоведение, профиля подготовки – социальная философия, особенно в таких его пунктах как

П. 4. Социальная философия в современном мире. Стимулы философской рефлексии в начале XX века.

П. 5. Сущность и существование социальной реальности как предметобразующая проблема социальной философии

П. 9. Проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке. Феномен «свободы воли», роль сознания в праксеологическом отношении человека к миру. Сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей.

П. 14. Формы и механизмы социальной детерминации. Социокультурная причинность. Необходимость, случайность в деятельности людей. Проблема доминант и детерминант общественной жизни.

П. 33. Глобальные проблемы современной цивилизации.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались на кафедре философии и социально-политических наук Дагестанского государственного университета, где работа была рекомендована к публичной защите в диссертационном совете по научной специальности 09.00.11- социальная философия.

Результаты исследования также были представлены и обсуждены на научных форумах различного уровня. На VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород,

2012); на II, IV и VI Всероссийских научно-практических конференциях с международным участием «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве» (Махачкала, 2011, 2012, 2014); на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития общества: поиск путей решения: научные труды» (Махачкала, 2014); на Всероссийской научно-практической конференции «Идеологические и психологические основы профилактики и предупреждения экстремизма и терроризма в современной России» (Махачкала, 2014); на научно-практической конференции «Идеология и практика экстремизма и терроризма на Северном Кавказе: пути, методы и средства их преодоления» (Махачкала, 2013); на Всероссийской научной конференции «Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя и извне» (Махачкала, 2012); на Международной научно-практической конференции «Исламская цивилизация и современный мир» (Махачкала, 2011); на Всероссийской научной конференции «Политические аспекты модернизации Российского общества. (Махачкала, 2010); на Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму» (Махачкала, 2008).

Основные результаты исследования нашли отражение в 23 научных работах, общим объемом 4 п. л., в том числе в 5 изданиях рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, содержащих пять параграфов, заключения и библиографии, содержащей 219 наименований. Общий объем диссертации 160 страниц.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

1.1. Общественное религиозное сознание: сущность и модификации

Проблематика предлагаемого исследования охватывает два ключевых феномена современной социальной жизни, и, соответственно многовекторный дискурс, имеющий место в современном гуманитарном знании. Действительно, религиозное сознание, как и экстремизм – темы актуальные, находящиеся в стадии исследования и разработки и имеющие реальный выход на практические проблемы политического, религиозного, этнического, духовного и в целом социального пространства. Своей непосредственной целью мы считаем показать взаимосвязь и взаимообусловленность обозначенных феноменов, но прежде чем перейти к реализации данной цели обозначим ключевые теоретико-методологические основания предлагаемого исследования.

Прежде всего, обратимся к вынесенному в название работы понятию «общественное религиозное сознание». В ряде хрестоматийных учебных изданий религиозное сознание как таковое рассматривается в контексте общественного сознания, как одна из его форм. Это во многом и обусловило наш приоритет в исследовании – религиозное сознание как форма общественного сознания, и, соответственно несущая на себе черты общественного сознания в целом. В этом смысле мы имеем в виду, что общественное сознание, с одной стороны не сводится к совокупности индивидуальных сознаний членов общества, однако, с другой стороны при его исследовании мы в ряде случаев вынуждены обращаться к наиболее характерным, показательным проявлениям индивидуального сознания, вбирающего в себя и воплощающего в себе ключевые сущностные черты

сознания общественного. При этом мы полагаем, что общественное сознание представляет собой целостное духовное явление, обладающее вполне определенной внутренней структурой, предполагающей наличие различных уровней (о чем в отношении религиозного сознания мы еще будем говорить) и многообразии форм (в том числе и религиозное сознание). Однако в тексте исследования, как правило, мы будем более лаконичны и будем преимущественно использовать сокращенный вариант – «религиозное сознание».

В ставшем классическим учебнике по социальной философии С.И. Крапивенского читаем: «На определенных этапах исторического развития в качестве наиболее массовой формы общественного сознания выступает религия»¹. Или у И.А. Гобозова находим: «под общественным сознанием подразумевается совокупность философских, этических..... религиозных и иных воззрений, взглядов, традиций, обычаев, нравов, так или иначе отражающих жизнь человеческого общества»². Наряду с религиозным сознанием рассматриваются правосознание (право), политическое сознание, моральное сознание и т.д. Обратим внимание на то, что понятия «религия» и «религиозное сознание» в данных случаях используются как синонимы, что, вероятно оправданно в контексте учебника для студентов. Однако, если проявить некоторую строгость в определении понятий становится очевидным, что вряд ли их можно считать синонимами.

Что касается определения и происхождения самого термина религия, то вспомним, что известный римлянин Цицерон определял происхождение термина «религия», связывая его с латинским словом «relegere», которое имеет такие значения как: «возвращаться», «идти назад», «созерцать», «бояться», «обдумывать», «снова читать», «собирать»³. Церковный писатель и преподаватель красноречия поздней античности Лактанций полагал, что термин «религия» имеет происхождение от латинского глагола «religare», основной смысл которого

¹ Крапивенский С.Э. Социальная философия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/krapiv/09.php.

² Гобозов И.А. Социальная философия. М. – Академический проект, 2010. – 352 с. С.303.

³ Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. - М.: ИНФРА-М, 2005. - С. 477.

«вязать», «сковывать», «связывать», «привязывать». Но, в настоящее время наиболее распространенным считается происхождение термина религия от латинского «religio», которое Большой латинско-русский словарь переводит как «совестливость, добросовестность, благочестие..., а также благоговение, благоговейное отношение, набожность, кроме того – богослужение, богослужебные обряды, святость, святыня, священный предмет, предмет культа и т.д.¹ Но это – факты, касающиеся термина религия, что же касается определения самого феномена, то на сегодняшний день религию определяют как мировоззрение и мироощущение, определенное мировосприятие и форму осознания мира, которые сопровождаются соответствующим поведением и специфическими действиями (культ), реализуемыми в ряде случаев в рамках сложившегося социального института. Ключевым фактором в восприятии, осознании мира является вера в существование сверхъестественного. Мы стоим на точке зрения, что по своему существу религия является одним из видов идеалистического мировоззрения, а главным ее признаком выступает вера в высшие силы, стоящие над миром, и, часто миром управляющие. «... Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»². В контексте социально-философского анализа религии мы присоединяемся к мнению А.А. Лагунова и Т.В. Душиной, отмечающих, что «Религии в социально-философском аспекте можно определить как конкретные системы ценностно-целевых связей, которые обуславливают жизнедеятельность обществ»³. Кроме того А.А. Лагунов в работе, посвященной специфике русской религиозной философии указывает на религию, как важнейший *атрибут* (выделено мной – С.Я.) любого социума, «ценностная система того или иного общества

¹ Большой латинско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=38796>

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Маркс К. и Энгельс Ф., Собр.соч., изд. 2. Т. 20. С. 328.

³ Душина Т.В., Лагунов А.А. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни // Философия права. 2009. № 5. С. 107.

обуславливающая цели его развития и опосредующая деятельность индивидов и общества в соответствии с целеполаганием этой системы»¹.

Если быть более лаконичными, то религия с необходимостью включает следующие составляющие: религиозное сознание, религиозные отношения, религиозные действия, социальный институт. Каждая из указанных составляющих – сложный, неоднозначный, развивающийся феномен, изучаемый самым широким спектром социальных и гуманитарных наук.

Таким образом, религия – сложное социальное явление, вбирающее в себя, в том числе, и религиозное сознание (прежде всего как форму общественного сознания), которое в ряде случаев оказывается важнейшей ее составляющей частью. Это во многом и приводит к ситуациям отождествления религии и религиозного сознания и синонимичному использованию данных понятий, не только в учебных изданиях, что нами было показано выше, но и в отечественной исследовательской литературе. Так, А.Г. Агабабян отмечает, что «С этих позиций *религия/религиозное сознание* (выделено мной – С.Я.) – это ключ к социальной солидарности, а религиозные верования важны не по своему собственному праву, а как символы социальных (этносоциальных) групп»². Подобная синонимичность встречается и в статье А.Ф. Гавриленкова³, и в работе А.В. Маслихина⁴. И хотя в некоторых случаях подобное отождествление допустимо, так как не является принципиальным, однако в нашем случае, мы будем разводить эти понятия, определяя их различным образом и понимать религиозное сознание как *составную* часть религии. Однако позволим себе представить и общее понимание и существующие трактовки религии как таковой.

В широком смысле тема религии занимала философов с незапамятных времен в Греции, Древнем Китае и Индии, при этом интерес вызывали вопросы

¹ Лагунов А.А. Специфика русской религиозной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета 2007. № 4 (13) . С. 121.

² Агабабян А.Г. Гибридные формы религиозного сознания в контексте этносоциальных процессов населения западного Кавказа // Вестник южного научного центра. 2013. Т. 9. № 3. С. 15–18.

³ Гавриленков А.Ф. Трансформации религиозного сознания в условиях глобализации // 34 Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. 2008. № 1(9). С.34-38.

⁴ Маслихин А.В. Религиозное и атеистическое сознание. // Вестник Марийского государственного университета. С.5-10.

об условиях и причинах формирования религии, ее глубинных корней. Античные философы Эпикур, Демокрит, Лукреций выдвинули теорию «страха», которая объясняет происхождение религии, исходя из особенностей взаимодействия природы и человека¹. Насчитывают около 260 определений понятия религии, которые могут различаться в зависимости от подхода, аспекта рассмотрения, целей и задач исследователя. Кроме того, как нам представляется, само понятие религия охватывает настолько многомерное предметное поле, что позволяет в ее отношении использовать не слова *термин, понятие, категория*, а слово *концепт*. Однако оставим это предположение на гипотетическом уровне и обратимся к тем определениям религии, которые существуют в настоящее время.

В целом выделяют два подхода при объяснении сущности религии: «внутрирелигиозный» и «внерелигиозный», что объясняется позицией самих исследователей, находящихся либо внутри феномена, исследование которого они проводят, либо вне его. Первый подход называют по-разному: «теологическим, вероучительным или богословским»². Сущность его состоит в том, что он изучает феномен религии как бы изнутри, в рамках соответствующей конфессии или вероисповедания, объясняя религию через признание её сверхъестественного источника: бога, «мирового духа», «абсолюта», «трансцендентного» и т.п. Так, учение столпа религиозной философии Августина Блаженного лежит в основе христианской «теологии религии» в которой последняя определялась как связь человека с богом, установленная самим богом. Человек раскрывает для себя сущность религии только через Божественное Откровение и только тот может понять сущность религии, кто исповедует «истинную веру».

Для внерелигиозного сознания эта сущность навсегда остается недоступной³. Не менее яркий средневековый мыслитель и религиозный философ Фома Аквинский также придерживался теологического подхода к религии, считая, что философия должна служить теологии. В подтверждение этого он сравнивает

¹ Угринович Д.М. Введение в религиоведение. - М.: Мысль, 1985. С. 13.

² Ахунова Г.М. Изменение религиозного сознания в условиях глобальных проблем современности. Автореф. ...кандидата филос.наук. Уфа, 2010. С. 24.

³ Гараджа В.И. Религиоведение. Энциклопедическая статья // Новая философская энциклопедия в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 435 - 436.

божественную премудрость с человеческим разумом и в результате делает вывод об ограниченности мышления человека¹. Б. Спиноза - в своём «Богословско-политическом трактате» развивая, признанную еще в античности теорию страха, объясняет существование религии суеверием, беспомощностью человека перед силами природы и обстоятельств, которые и подталкивают человека к Богу. До тех пор, пока существует страх, существует и религиозная вера². В понимании Дж. Локка религия представляет собой проявление творящей силы Господа и никаким познавательным желанием и устремлениями человека объяснить ее возникновение невозможно. При этом английский мыслитель считал что научная мысль имеет приоритет перед верой, но сама религия важна, поскольку выполняет такие социальные функции, с которыми не справляется мораль и право³. Кант посвятил проблеме религии специальный труд, где обосновывает идею, что началом христианства является не покаяние и вера, а разумное доказательство, а то, что противоречит разуму философ объявляет ложной частью религиозного опыта⁴

Уже наш, отечественный философ-богослов Павел Флоренский (1882 – 1937г.г.), последователь православия рассматривал религию, как возможность и надежду на спасение души человеческой, считая, что онтологически религия это жизнь «Бога в нас и нас в Боге». Сергей Булгаков определял религию как познание бога и переживание связи с ним⁵. Для С.В. Соловьёва религиозное сознание позволяет увидеть религиозный опыт народов. Религиозное развитие это положительный, объективно протекающий процесс, который он назвал «богочеловеческим процессом»⁶.

Определенное соответствие указанному подходу находим в теологических учениях некоторых западных философов. Например у П. Тиллиха (бог – это моя

¹ См.: Аквинский Ф. Сумма теологии. 4.1. Киев: Эльга, 2006. С.576.

² Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. - М.: Государственное издательство политической литературы. Т.2. 1957. С. 8.

³ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Сочинения в 3-х т. Т. 1. М.* Мысль. 1985. – 621 с.

⁴ Кант И. Религия в пределах только разума/ Книжный дом «Либроком». – 2012. 304 с

⁵ Флоренский П. Собр. соч.: В 2-х т. - Т. 1. -М.: Слово, 1994. - С. 426.

⁶ Козлова О.В. Онтологический статус божественного и природного начала в философии В.С. Соловьёва // История философии. № 6. - М.: ИФРАН, 2000. С. 119.

истинная сущность), у Р. Отто (нуминозное, как опыт присутствия тайны), у К. Барта (бог открывает Сам Себя Себе и другим) и некоторых других. Достоинством внутрирелигиозного подхода является то, что исследователь-теолог, будучи компетентным и знающим безусловно, больше, чем сторонний наблюдатель, может понять и объяснить мотивы и причины поведения верующих. Это один из действительных плюсов постижения предмета: испытывая на себе влияние феномена, при этом осмысливать его и делать соответствующие выводы. Однако достоинство подхода одновременно порождает и его недостаток, обусловленный субъективностью, отсутствием критичности в подходе и понимании. Кроме этого очевиден и еще один недостаток – ограниченности и односторонности данного подхода. Исследователь изучает и может понять (часто предвзято) ту религию и вероучение адептом которого он является, а значит, не представляется возможной адекватная оценка другого вероисповедания.

В средние века господствовала теология, и мировоззрение той эпохи справедливо называют религиозным. Поэтому свободный от церковных догматов подход начал развиваться только в последующие периоды истории. Внерелигиозный подход изучает религию как бы снаружи, и исследователь выступает в роли стороннего и достаточно объективного наблюдателя. Оценка данного подхода неоднозначна: одни исследователи называют его светским или философским¹, а другие наряду с последним указывают еще на существование научного подхода. На наш взгляд, с точки зрения развития науки, можно разграничить донаучный и научный подходы. И здесь мы солидарны с основателем позитивизма О. Контом, который в известном «законе трёх стадий» разграничивал религиозную, метафизическую (или философскую) и позитивную (или научную) стадии в духовном развитии человечества.

Новое отношение к религии возникло с развитием философии как «мудрости божественной и человеческой». Религия теперь оценивается с точки зрения разума, при этом религиозные утверждения не принимаются на веру, а

¹ Булгаков С. Православие: очерки учения православной церкви. - М.: Терра: Ассоц. Совмест. Предприятий международных соб-ний и орг., 1991. С. 231.

подвергаются сомнению и требуют обоснования. Философский подход в данном случае называют критическим, а религиозную философию, задачей которой становится рациональное обоснование веры в бога, относят к метафизическому подходу.

Внерелигиозный и в нашей градации – донаучный подход к анализу религии демонстрируют мыслители 16-18 веков. Так, Т. Гоббс, Д. Юм и другие занимались серьезной критикой религии, в частности христианства, внутри которого в то время происходили распри на межконфессиональной почве. Они уже не пытались раскрыть божественную сущность религии, а фиксировали в ней заключены опасные для общества разрушительные силы. Французские просветители, весьма критично относились к религии, сомневаясь в самом факте существования бога. Они обратили внимание на то, что именно религия содействует возникновению неравенства в обществе, а религиозное сознание становится основанием для распространения невежества и малограмотности. Ж.Ж. Руссо в известном политическом трактате «Об общественном договоре» (1762 г.)¹ выступал с критикой христианства, считая, что его используют правители в своих корыстных интересах.

Полностью отказаться от какой бы то ни было религии, еще не представлялось возможным, поэтому изыскивались новые пути трансформации религиозных отношений, а иногда и создание новой, более конструктивной религии. Так, Гельвеций утверждал, что любая религия - это «дело рук человеческих» поэтому она должна базироваться на законах общественной пользы², которым существующие религии не отвечали. Поэтому и возникла необходимость создания совершенно новой религии. Локк предлагает принцип веротерпимости, который, по его мнению не должен распространяться на атеистов, потому что последние разрушают всякое проявление религиозности. Церковь и государство по его мнению не должны разграничить сферы своего влияния и не вмешиваться в дела друг друга. Религиозную нетерпимость

¹ Руссо Жан Жак. Об общественном договоре. Трактаты. М.: «Канон-пресс, 1998. С. 416.

² Гельвеций К.А. О человеке. Раздел 7. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: «Мысль» 1974. С. 345-377.

демонстрировал Л. Фейербах, полагавший, что божественная сущность в действительности является человеческой, сущностью, освобождённой от индивидуальной ограниченности. Однако иногда эта сущность словно обретает полную самостоятельность, более того она противопоставляется самому человеку и становится «идолом»¹. Г. Спенсер, считая бога непознаваемой сущностью и недоказуемой истиной, тем не менее видел необходимость в религиозной вере, которая необходима человеку для объяснения непознаваемого².

Научный подход к объяснению религии окончательно сложился во второй половине XIX века и представляет собой такое научное исследование, которое проводится путем сбора, обобщения и анализа определенных исторических сведений, конкретных эмпирических данных, специальных психологических наблюдений, в той или иной степени относящихся к религии. В рамках именно научного подхода выделяют натуралистический, психосоциальный и социально-философский аспекты анализа. В первом случае религию объясняют через наличие внутренней потребности человеческого организма, его инстинктов, влечений, чувств, религия в этом смысле сопутствует биологической природе человека. Это, прежде всего, фрейдизм в рамках которого религиозные представления человека это иллюзии, созданные для удовлетворения определенных потребностей.

В рамках неопрейдизма реализуется второй подход – синтез психического и социального начал в религии. Одним из последователей этого направления являлся Э. Фромм, для которого религия представляет собой «любую разделяемую группой систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект для преданного служения»³. Человек испытывает потребность в религии, что можно объяснить двойственностью его существования, противоречием между телом и душой. Последнее и является важнейшим отличием человека от животных.

¹Фейербах Л. Избранные философские произведения в 2-х т. Т.1. 1965. – 676 с.

²Философский энциклопедический словарь // Гл. редакция Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. - С. 666.

³Фромм Э. Психоанализ и религия. // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. - М.: Политиздат, 1989. С. 168.

Действительно человеческое тело воплощает собой природу, это природное начало, над которым возвышается его ум. Человек «не может избавиться от разума, даже если бы захотел; он не может избавиться от тела, пока жив, и тело заставляет его желать жизни»¹.

Для Ш. Монтескье религиозное сознание выступало в качестве инструмента государственного управления, потому что вера в Бога содействует установлению гражданского порядка, а религиозность способна умерять деспотизм и жестокость, улучшая при этом нравы как подданных, так и самих правителей. По его мнению, не следует насильственно вмешиваться в верования людей², пытаться поменять религиозное сознание, процесс его изменения должен протекать естественным путём.

Сторонники третьего подхода (К. Маркс, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин и многие другие), представляют религию в качестве социального феномена. Используя структурно-функциональный подход, они рассматривают религию как целое, состоящее из отдельных частей. Для Маркса религия, являясь соответствующей формой общественного сознания, представляет собой лишь духовную надстройку общества³. Это плод человеческой фантазии, которая возникла намного «раньше, чем любая ступень религиозного развития»⁴. По мнению Маркса, именно в религии индивиды превращают свою материальную реальность в фантастический мир, который они же сами воспринимают как некое чуждое и противостоящее им явление⁵. Причиной этому является существующий способ производства и общения. Поэтому все проблемы религиозного характера лишь отражение проблем социально-экономического свойства. Маркс критически относился к религии потому, что она формирует социальный конформизм и пассивность, помогая господствующим классам поддерживать социальную

¹ Фрейд З. Тотем и табу // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. - М.: Изд-во Эксмо, 2006. С. 363 - 528.

² Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 530 - 558.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собр. соч., изд. 2, т. 3. — М.: Политиздат. 1955. - 689 с.

⁴ Там же. С.139.

⁵ Там же.

стабильность¹.

Как отмечает в своей работе по социологии религии В.И. Гараджа, идеи эти были развиты социальными антропологами Б. Малиновским и А.Р. Рэдклифф-Брауном, считавшим, что любой универсальный культурный феномен базируется прежде всего на потребностях². Этот же автор отмечает, что для М. Вебера религия не основа стабильности, а фактор изменения и преобразования социальной системы. Вебер удалил из религиозного поведения человека элементы иррационального, назвав его социальным, осмысленным, целенаправленным поведением. Феноменологи Т. Лукман и П. Бергер обращают внимание, что религия реализует в том числе и легитимирующую функцию. Однако представитель структурного функционализма Р. Мёртон доказал, нельзя определять функции религии в качестве универсального фактора, можно лишь выделять функций религии в соответствующих контекстах.³

Позволим себе сказать особо о разработках касательно религии в советский период (С. И. Иваненко⁴, И.А. Крывелев⁵, М.П. Мчедлов⁶, Г.А. Суглобов⁷, Е.М. Ярославский⁸, и др.), где господствовало критическое отношение и атеизм, но при этом были сделаны интересные выводы в том числе связанные с межконфессиональными отношениями, а также с политизацией религии⁹.

Уже в начале 21 века исследователи заостряют внимание на изучении ценностных аспектов религиозных систем Востока и Запада. Они приходят к выводу, что религиозные ценности, способны оказывать влияние на мировоззрение и менталитет народов целых цивилизаций. С.М. Поздьева замечает, что необходимо отказаться от всякой иерархии культур, в виду плюрализма последних¹⁰. Большинство исследователей религии считают, что

¹ Гараджа В.И. Социология религии. - М.: Аспект Пресс, 1996. С. 101.

² Гараджа В.И. Социология религии. - М.: Аспект Пресс, 1996. - С. 75

³ Гараджа В.И. Социология религии. - М.: Аспект Пресс, 1996. С. 86 – 102.

⁴ Иваненко СИ. Научное знание и кризис православия. - М.:О-во «Знание» РСФСР, 1988. С.48.

⁵ Крывелев И.А. Религии и церкви в современном мире. - М.: Сов. Россия, 1961. С.190.

⁶ Мчедлов М.П. Религия и современность. - М.: Политиздат, 1982. 272 с.

⁷ Суглобов Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война). - М.:Воениздат,1969. С.144.

⁸ Ярославский Е.М. О религии. - М.: Госполитиздат, 1957. С.639.

⁹ Мчедлов М.П. Религия и современность. - М.: Политиздат, 1982. С.272.

¹⁰ Поздьева СМ. Влияние религиозных ценностей на менталитет Запада и Востока //Религия в ценностных измерениях: Материалы научной конференции. - Уфа: Изд-е Башкирского университета, 2000. С. 14 – 15.

протекающие весьма болезненно и конфликтно процессы глобализации могут и должны быть смягчены, прежде всего, религиозным диалогом, который «сегодня приобретает особую важность... в последние десятилетия во многих регионах мира идут бурные процессы религиозного возрождения, секулярные ценности сплошь и рядом терпят поражение и отступают перед религиозным сознанием»¹.

В завершении нашего краткого изложения понимания религии в целом обратим внимание на две различные точки зрения современных итальянцев – Дж. Ваттимо и У. Эко, сравнительный анализ которых провел П.Г. Носачев в своей статье. Дж. Ваттимо считает, что дальнейшая судьба христианства незавидна, оно либо выродится, превратившись в секту, либо «сохранит всё наследие христианской культуры, но в ином осмыслении», оно может превратиться в нечто, что будет похоже на музей. Однако только в этом случае оно сможет стать одновременно «выразителем светской природы западной культуры и её христианских корней»². По мнению У. Эко, светский человек не может и не должен навязывать свои взгляды на христианство, тем более критиковать образ жизни верующих, если он и не ущемляет права других и не противоречит законам государства. Ведь религия сама по себе канонична, в ней нельзя перетолковывать и изменять лишь, «исходя из наших современных представлений и нужд»³. Религия необходима людям, поскольку мы нуждаемся в оправдании и надежде, которые даёт религия. Поэтому со «смертью христианского бога», вследствие неудовлетворённой духовной потребности зародятся новые религиозные или мистические течения⁴. Поэтому, заключает он, человек не может существовать без религии.

В современный период продолжаются споры о месте религии в информационном и глобальном мире, о трансформационных процессах, коснувшихся религии, о поиске новых идеалов и мировоззренческих ориентирах

¹ Матвиенко Е.А., Гордиенко В.В. Межрелигиозный диалог: проблемы и перспективы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2 (13). С.14.

² Носачев П.Г. Постмодернистская философия религии У. Эко и Дж. Ваттимо о месте религии в современном мире // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 170.

³ Там же - С. 175.

⁴ Эко Умберто. О боге. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.umbertoeco.com/id-49/Umberto_Eco_About_God.html Последнее обращение 20.10. 2015.

человека в современном обществе. При анализе как религии, так и религиозного сознания обычно выделяют три подхода – религиоведческий, социально-политический и общеполитический, в рамках которого мы и проводим наше исследование. В ряде случаев можно встретить и еще один подход – литературно-художественный. Практически все они в той или иной мере встречаются в исторической ретроспективе при попытках исследовать сущность религиозного сознания. Однако, в большинстве своем, жестких разграничений в исследовании религии или религиозного сознания в истории мысли не осуществлялось, поскольку даже не артикулируя свое понимание, исследователи рассматривали саму религию как форму общественного сознания. И в силу того, что центральным структурным элементом любой религии выступают мировоззрение, мироощущение, основанные на веровании, то есть так или иначе осознание себя в этом мире и своего к нему отношения, разграничений между религией и религиозным сознанием не осуществлялось.

Далее, стараясь быть строгими в понятиях, попытаемся разобраться, что же представляет собой религиозное сознание в современном мире и каково понимание его сущности, структуры, возможных вариантов модификации и изменения в рамках современного философского дискурса. В наибольшей степени нас интересует именно философский подход, однако в силу значимости именно для данного исследования мы будем обращаться и к дискурсу других социально-гуманитарных отраслей знания.

В нашем дальнейшем исследовании мы исходим из того, что религия представляет собой устойчивую систему особых взглядов, убеждений, верований, объединяющих индивидов в общность и формирующих особую систему ценностей и мировоззрения, обуславливающих цели развития социума и влияющих на весь уклад жизни. Религия требует от своих последователей выполнения определённых действий сакрального характера, выполнения обрядов и ритуалов, позволяющих приобщиться к духовной сущности бытия. Зрелые религии подразумевают наличие строгой организации, воплощенной в институт церкви. Это достаточно стандартное и традиционное понимание религии. Однако

обратим внимание на то, что важнейшей составной частью предлагаемого определения является фраза «устойчивая система особых взглядов, убеждений, верований, формирующих особую систему ценностей и мировоззрение обуславливающих цели развития социума». Именно это и является основой религиозного сознания, которое, как мы отмечали выше, мы не отождествляем с религией, а рассматриваем как значимую составную часть религии в целом. Особенность этой системы убеждений, взглядов и верований состоит в том, что они с необходимостью предполагают наличие некоей высшей силы, сверхъестественного. Его постижение, или хотя бы приближение к его осознанию и познанию осуществляется через религиозные чувства, всегда эмоционально окрашенные и обуславливающие веру.

Предельно общую структуру религиозного сознания, предложил отечественный религиовед И.Н. Яблоков. Им было выделено два уровня религиозного сознания: обыденный и концептуальный. Первый уровень имеет в большей степени фрагментарный вид, включает разобщенные, разрозненные представления и взгляды людей религиозно-мистического характера. Концептуализированное религиозное сознание собственно и представляет собой совокупность «понятий, идей, принципов, рассуждений, аргументаций, концепций»¹, и включает в себя: систематизированное учение о Боге, описание окружающей действительности в контексте религиозного мировоззрения, а также религиозную философию, которая находится на границе богословия и философии².

Несколько иной ракурс предлагает П.В. Алексеев, который различает обыденное как сознание верующих и теоретическое как теологические (богословские) изыскания. Кроме того он выделяет во-первых, религиозную психологию, как сумму и взаимосвязь религиозных чувств и представлений, которые формируются верующими стихийно под влиянием условий окружающей жизни. Во-вторых, религиозную идеологию, как систему идей, которая

¹ Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова. – М.: Высш. шк., 1994. С. 53-54.

² Там же.

сознательно и целенаправленно вырабатывается и пропагандируется профессиональными служителями культа, и которая реализуется в виде различных концепций. Религиозное сознание в зависимости от масштаба охвата может быть индивидуальным, групповым или общественным.¹

Кроме указанных нами исследований И.Н. Яблокова и П.В. Алексеева, имеющих практически хрестоматийную значимость в отношении выявления структуры религиозного сознания, отметим также таких современных отечественных ученых как Г.М. Ахунова, О.С. Борисов, Т.В. Излученко, Б.М. Омаров, П.В. Ополев, К.И. Политкина. Каждый из них вносит свою лепту в понимание изучаемого нами феномена, однако мы позволим себе, используя наработки указанных авторов, продолжить собственное исследование религиозного сознания и определиться с его сущностными особенностями.

Выше мы уже обратили внимание на такие базовые составляющие религиозного сознания, как убеждения, взгляды, верования, обязательно предполагающие наличие сверхъестественного. В данном контексте обратим внимание на структуру религиозного сознания, предложенную Г. Гегелем, и которая, как отмечает Б.М. Омаров «дает возможность представить и постичь религию в системном виде»². В самом общем виде религиозное сознание по мнению немецкого классика включает в себя бога, являющегося объектом, познающего человека (субъект), и объединяющую их связь, воплощенную в культе. Бог в такой триединной схеме является неким основанием, то есть тем самым объектом, исключительно необходимым элементом, на который направлена познающе-сознающая активность человека³. Активность эта со своей стороны, весьма сложная и неоднозначная и проходит, как и подобает теоретическому духу соответствующие ступени: чувство, созерцание, представление, мышление, собственно и позволяющие сформировать взгляды, убеждения, верования, то есть те самые необходимые и важные элементы

¹ См.; Алексеев П.В. Социальная философия. - М.: ООО "ТК Велби", 2003. С. 69.

² Омаров Б.М. Структура религиозного сознания в философском учении Гегеля // Общество и право. 2011. № 3(35). С. 306-310.

³ См. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 1. - М.: Мысль. - 1976. С.271-314.

религиозного сознания в процессе его становления. Культ становится возможен как кристаллизация представления в мышлении, как активность, порожденная самим процессом познания бога. Таким образом, в еще более общем, схематизированном виде религиозное сознание предполагает наличие некоей высшей силы, сверхъестественного, бога, попытки осознания и познания которого осуществляет субъект через чувства, окрашенные эмоционально и обуславливающие веру. Способы реализации веры, чувств, эмоций, формирующихся норм, ценностей, символов могут варьироваться в зависимости от самых разных факторов.

Такой подход позволяет обозначить сущностные составляющие религиозного сознания: то, без чего оно как таковое не будет сознанием религиозным, потеряет свое качество. Кроме того это позволяет увидеть и те составляющие религиозного сознания, которые являются вариативными, которые всегда присутствуют в конкретном религиозном сознании и позволяют ему обрести свое конкретное проявление. Выявляя инвариантные (то есть не допускающие изменений) характеристики религиозного сознания мы тем самым абстрагируемся от конкретных исторических, культурных, социально-политических условий, пытаюсь в определенной степени идеализировать интересующие нас характеристики. Однако, гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному¹ (развитый и переработанный Марксом и Энгельсом) предостерегает от опасности остаться на уровне сущностной абстракции. Реальный мир не имеет абстракций. В мире, в том числе и в мире социальном, мы имеем вполне конкретные социальные явления. Они реализуются в данных вчера или сегодня многообразных условиях социальной жизни, испытывают на себе влияние огромного множества факторов, тем самым видоизменяясь, приобретая вполне конкретные и осязаемые черты и характеристики. Последние могут весьма отличаться друг от друга, что и предопределяет существование многообразных форм (типов, видов) религиозного сознания. Однако если сущностные – инвариантные – характеристики религиозного сознания остаются

¹ См. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в двух томах. Т. 1. – М.: Мысль. – 1976. С.273-274.

неизменными, то мы имеем дело действительно с его различными модификациями, в том или виде и преломлении. Изменение же сущностных характеристик по сути представляет собой утрату явлением своего качественного содержания.

Опираясь на гегелевскую трактовку религиозного сознания, мы определяем, что, есть «бог... абсолютно истинное, в себе и для себя всеобщее, всеохватывающее, всесодержащее и придающее всему устойчивость»¹. Кроме этого есть «Мы, «я».. нечто само по себе очень многообразное»². И это абсолютно истинное есть предмет для нас, есть то, на что направлено наше познание, наша сознательная активность. Таким образом, есть бог, Я, и связь между нами в виде моей познающей деятельности. Активность эта сложна и многообразна. Но в своей сути она представляет собой единство чувств, созерцаний, представлений, и, наконец, мышления, собственно и выражающее религиозное сознание. Это простейшая, предельно упрощенная схематизированная структура религиозного сознания.

Для Гегеля важнейшими составляющими являются чувства, созерцания и представления. Чувства предшествуют остальным процессам, являясь, что вполне естественно, это наиболее личностным актом, однако и оно может быть, как поверхностным, так и длительным, глубоким. Истинное содержание не только может быть в нашем чувстве, но и должно быть в нем. Чувства могут быть различными, в диапазоне от низменных, до высоких и глубоких. «Раньше принято было говорить: надо иметь бога в сердце. Сердце – уже нечто большее, чем чувство. Чувство мгновенно, случайно, преходяще; если же я говорю, что имею бога в сердце, то здесь идет речь о чувстве как длительном, устойчивом характере моего существования. Сердце есть то, что есть я, и не только в это мгновение, но и вообще, мой характер. В этом случае под формой чувства в качестве всеобщего подразумеваются принципы или привычки моего бытия, устойчивый тип моего

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 275-276.

поведения»¹. Чувственная составляющая религиозного сознания сложнейшая и важнейшая его часть, во многом потому, что она характеризуется отсутствием чёткой структуры и направленности, что облегчало бы ее понимание и изучение.

Глубокое и интересное исследование религиозного чувства дал в свое время немецкий философ, теолог и проповедник Ф. Шлейермахер, определявший религиозность как изначально чувствующий тип, как состояние, в котором «вся душа растворяется в непосредственном чувстве бесконечного и вечного и своего общения с ним»². Чувства в совокупности с созерцанием он относил к религиозным переживаниям, «когда человек сливается с вечным в непосредственном единстве созерцания и чувства, он в произвольном единстве сознания остается всегда отдельным от него»³. Религиозное чувство, по мнению Ф.Шлейермахера, - похоже на музыку, которая сопровождает действие, оно должно постоянно сопутствовать деятельной жизни и никогда не исчезать. Согласно Ф. Шлейермахеру, это чувство есть основание для формирования религиозного сознания, которой порой невыразимо в речи, огрубляющей и сужающей его. Но он все же может быть уловимо своеобразным «эмоциональным знанием», умением «вчувствоваться» в образ, уловимо в метафоре, где реализуется принцип антиномического монодуализма.

Ф. Шлейермахер предлагает весьма интересное, образное описание процесса формирования (скорее даже момента, точки, где происходит возникновение) религиозного сознания: «он есть первая встреча всеобщей жизни с частной, он не заполняет времени и не образует ничего осязательного; он есть непосредственное, лежащее за пределами всякого заблуждения и непонимания, священное сочетание всеобщей с воспротивившимся разумом в творческом, зиждительном объятии. Тогда вы непосредственно лежите на груди бесконечного мира, в это мгновение вы – его душа, ибо вы чувствуете, хотя лишь через одну из его частей, все его силы и всю его бесконечную жизнь, как ваши собственные; он в это мгновение

¹ Гегель Г. Философия религии. Издательство «Мысль». 1976. Т. 1. С. 307.

² Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим // Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи. - С.Пб., 1994. С. 75

³ Шлейермахер Ф. Там же. - С. 78.

есть ваше тело, ибо вы проникаете в его мускулы и члены, как в свои собственные, и ваше чувство и чаяние приводит в движение его глубочайшие нервы. Таково первое зачатие всякого живого и первичного момента в вашей жизни, к какой бы области он не принадлежал, и из него вырастает, следовательно, и всякое религиозное возбуждение », «[...] он бегл и прозрачен, как запах, который роса навевает на цветы и плоды, [...] он стыдлив и нежен, как девственный поцелуй, свят и плодотворен, как брачное объятие. И можно сказать, что он не только подобен всему этому, но и действительно есть все это»¹.

Описанный Шлейермахером весьма в поэтической форме процесс рождения религиозного возбуждения, которое и породит религиозное чувство, а потом и представление и в конечном счете сознание, еще раз показывает сложность в постижении этого процесса. Любой иррациональный акт сложен для описания, требует привлечения иных, нежели только логические способы и методы. Недостаточность рационального слова и логики ощущали в своем творчестве все философы-иррационалисты, включая, как представителей философии жизни, так и экзистенциализма (Ф. Ницше, В. Бергсон, Ж.-П. Сартр, А Камю). Они прибегали в своем творчестве к художественному слову и поэтической форме изложения основных идей и теорий. Этот же прием использует и Ф. Шлейермахер, доказывая еще раз невозможность жесткой калькуляции и артикуляции процесса возникновения религиозного сознания.

Чувство, через которое предстает это первичное единство для С.Л. Франка является религиозной интуицией². В работе «Непостижимое» он формулирует ее смысл следующим образом: интуиция предстает как созерцание через переживание внутренне присущего самораскрытия реальности в ее непостижимости. Обратим внимание на многообразие используемых Франком сложных для рационального осмысления понятий в попытке определить интуицию. Это и созерцание, и переживание, и самораскрытие, и непостижимое.

Американец У. Джеймс в своих попытках артикулировать и

¹ Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб. Алетейя, 1994. С. 81.

² Франк С. Личность и мировоззрение Фр.Шлейермахера.// Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. СПб. Алетейя, 1994. С. 23.

рационализировать религиозное переживание, полагает, что последнее распадается на интуитивность и эмоциональность. Переживание, по мнению У. Джеймса, первичнее институтов религии, потому что «основатели каждой церкви всегда черпали свою силу из непосредственного личного общения с божеством. Так было не только с теми, кому, как Христу, Будде или Магомету приписывается сверхчеловеческая природа, но и со всеми основателями христианских сект»¹. При этом следует иметь в виду, что «божество» в данном случае это некое высшее бытие, определенный внутренний порядок, в рамках которого сознание находит себя, созерцая через переживание, и передавая во внешний мир некое особое состояние «просветленности».

У. Джеймс различает переживания сакральные (собственно те, которые лежат в основании религиозности), носящие всепоглощающий характер и обыденные, профанные, связанные с эмпирическим миром. Первые представляют собой не только всеобъемлющие переживания сущей реальности, но прежде всего они предстают в форме некоего вечного и абсолютного блаженства: «Оно отличается от всех видов физического блаженства, от всех житейских радостей присущим ему характером торжественности»². «Торжественное настроение, - говорит У. Джеймс, - никогда не бывает простым и однородным. Оно всегда включает в себе некоторую долю противоположного себе настроения. Торжественная радость содержит некоторую горечь в своей сладости; торжественное горе – единственное горе, пережить которое мы внутренне готовы согласиться»³. Именно сложная структура религиозного сознания позволяет переживать сильную радость, которая соприкасается с определенной долей печали⁴. Религиозные переживания исключительно «богаты с эмоциональной точки зрения»⁵. Например, ожидание и реализация аскетических лишений, страдание или поддержание мысли о страдании и смерти приводят человека к состоянию, радости, которая усиливается пропорционально росту страданий.

¹ Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М. Наука. 1993. С. 40.

² Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М. Наука. 1993. С. 53.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же.

Таким образом, в основе всякого религиозного сознания прежде всего лежат чувства и переживания, возникающие в точке соприкосновения объекта (бога) и субъекта (человека) и приобретающие соответствующую эмоциональную окрашенность, рождающую образы и представления. Однако все же важнейшей неизменной составляющей религиозного сознания является вера в сверхъестественное, которая сама порождает и одновременно порождена чувствами и переживаниями. Этот процесс – формирования чувств, определяющих веру и определяемых верой неразложим на элементы и составные части, потому что в основе лежит то самое сверхъестественное, или, как писал С. Франк непостижимое. Та самая реальность, которая есть нечто большее и нечто иное, чем вся совокупность уже «понятных» и «знакомых» связей и содержаний. Здесь, пожалуй, скрыта та самая сложность познания и изучения религиозного сознания. Сложность, не позволяющая в полной мере его препарировать и разложить на части, не позволяющая его полностью рационализировать и сделать прозрачной и доступной любому рациональному разумению. В опыте, в котором что-то открывается нашему сознанию, по мнению С.Л. Франка иногда возникает нечто, что по большому счету не может быть усмотрено «ясно» и «отчетливо» в понятии (как предполагал Декарт). Это непознаваемое или непостижимое в конечном счете и есть опыт того самого иррационального или трансрационального сознания. Если находиться в рамках самого этого опыта, то оно останется рационально непознаваемым и непостижимым. На эту особенность обращает внимание и А.А. Лагунов, который отмечает, что религиозность «представляет собой, прежде всего, убежденность в правильности и необходимости цели, методов и средств развития, полагающихся конкретной религиозно-ценностной системой, и убежденность эта не может быть полностью рационализирована, поскольку основывается на безусловной вере в те или иные авторитетные источники»¹.

В контексте изучения религиозного сознания учение Франка о

¹ Лагунов А.А. Специфика русской религиозной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета 2007. № 4 (13) . С. 121

непостижимом достаточно подробно рассматривается в исследовании О.С. Борисова¹. По мнению автора С. Франк рассматривает непостижимое «в трех слоях бытия»: во-первых, в окружающем нас мире, во-вторых, в нашем собственном бытии и в-третьих, в том слое реальности, который как первооснова и всеединство объединяет эти разнородные миры. Далее выявляется, что в своей первооснове мир и бытие постичь невозможно и эта непостижимость не является внешней для мира, она оказывается особым свойством, внутренне присущим самой реальности. Последняя может быть дана как священная реальность Божества в непосредственном религиозном восприятии бытия. При этом бытие в том виде, в котором оно открывается религиозному сознанию, дается не со стороны и не извне, оно не предстоит нам. Оно представляет собой такую реальность, которая изнутри открывается одновременно и сама себе и нам, потому что мы к ней причастны. О.С. Борисов отмечает, что бытие именно в такой форме представляет собой мистическую сопричастность, которая свойственна, во-первых, первобытному мышлению, во-вторых, религиозному сознанию в *принципе*. Такое сознание становится явным, когда граница между рациональным способом постижения мира и иррациональным (по Франку трансрациональным) обозначается достаточно четко. О.С. Борисов обращает внимание, что механизм апперцепции и функционирования этого «трансрационального» бытия у С.Л. Франка предстает как «непосредственное самобытие» в соотношении с «непостижимым». «Непостижимое есть тот неприступный Свет, из которого, с одной стороны, вытекает сама «дневная», обыденная зримость мира и перед лицом которого эта *обычная* «светлость» мира оказывается *сама* лишь чем-то темным, непроницаемым, иррациональным»².

Определяя принцип функционирования религиозного сознания, С.Л. Франк называет его фундаментальным онтологическим принципом «трансрационального, антиномического монодуализма».

Исходя из этого, если «*никакое* вообще мышление не может непосредственно

¹ Борисов О.С. Религиозное сознание как объект философского исследования. Дис. ...канд. филос. наук: СПб, 2000. С.183.

² Там же. С. 558.

адекватно выразить созерцательно переживаемое непостижимое», то как же возможно, чтобы мышление «само погрузилось в «атмосферу» трансрационального, вдыхало ее в себя и там в ней ориентировалось?»¹. Не представляется никакой возможности уловить непостижимое мысленно даже если мы будем непосредственно направлять на него свой взор. Это происходит потому, что противоречием является сама попытка определить его в традиционной форме через некий денотат, в форме суждения подобного «*X есть Y*», потому что, определяя его через *Y*, мы тем самым определяем *X как Y*, то есть заполняем все пространство непостижимого неким *Y*. Эта же логика не позволяет нам давать определение и через отрицательное суждение *X не есть Y*, имеющего место в отрицательном богословии, потому что оно что-либо высказывает о самой реальности, тем самым *определяя ее как не Y*. Определение непостижимого в форме *X или есть, или не есть Y (точнее. X есть либо Y, либо не-Y то есть «либо-либо»)* тоже не может быть использовано в отношении непостижимого как абсолютного. Кроме того, «к существу непостижимого мы приближаемся через преодоление этого начала, сначала через посредство принципа «*и то, и другое*», а потом - еще более интимно - через посредство принципа «*ни то, ни другое*» (а наиболее адекватно, впрочем, лишь через *совмещение* обоих этих последних принципов - через *преодоление отрицания*)»².

Непостижимое это такая особая сущность, о которой можно только сказать, что оно в одно и то же время *есть* и, с одновременно с этим, что оно *не* есть. Именно поэтому непостижимое как таковое невозможно уловить ни в каком вообще суждении. Однако если нам все же необходимо употребить его, то это возможно сделать, но только одним способом: в утверждении непостижимого и несказанного, но при этом очевидного - единства отрицательного и утвердительного суждения. И если «отображение непосредственного восприятия непостижимого как самооткрывающейся трансрациональной реальности в измерении судящего познания, т.е. мышления, совершается, следовательно, через

¹ Франк С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М. Издательство «Правда». 1990. С. 309.

² Там же. С. 310.

усмотрение безусловно неразрешимого, непреодолимого никакими новыми, высшими понятиями, антиномизма в существе непостижимого»¹.

Одновременно с этим если учитывать, что онтологический смысл любого – положительного или отрицательного суждения – состоит в утверждении и признании логически уловимого соотношения вещей, в улавливании чего-либо положительного, то с необходимостью можно прийти к выводу, что «соответствующая отвлеченному знанию форма выражения этого трансрационального единства есть двойное утверждение – как положительного, так и отрицательного соотношения, – т. е. имеет форму антиномизма»². Таким образом, заключает О.С. Борисов: «мышление, улавливает отображение непостижимого в форме антиномического познания. Трансрациональная истина лежит именно посередине, в несказанном единстве между двумя суждениями»³. Такое познание через антиномии реализуется в неодолимом и не преодолеваемом нахождении между или *над* этими никак не связанными логически и в принципе несвязуемыми суждениями.

С точки зрения С. Франка та самая – последняя – истина собственно и открывается в процессе свободного парения, витания между двумя противоположностями. В этом процессе мы впадаем в сознательное смирение с отсутствием какого-либо логического соотношения и логической взаимосвязи, какого – либо логического синтеза, который мог бы позволить нашей мысли избавиться от процесса нахождения «между», от неустойчивого состояния между «тезисом» и «антитезисом». Поскольку *«всякий окончательный, сполна овладевающий реальностью и ей адекватный синтез никогда не может быть рациональным, а, напротив, всегда трансрационален»*⁴. Если вспомнить гегелевскую диалектику, то всякое отрицание предполагает разделение, дифференциацию, а вот отрицание отрицания уже предполагает некоторое единство, недифференцированную слитность. В этом случае «металогическое

¹ Там же. С. 311

² Там же.

³ Борисов О.С. «Религиозное сознание как объект философского исследования» Дис. ... канд. филос. наук: СПб, 2000. С. 112.

⁴ Франк С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М. Издательство «Правда». 1990. С. С. 313.

преодоление отрицания ведет к единству разделения и слитности (взаимопроникновению) причем так, что раздельное в этой части образуя двоицу, вместе с тем есть одно, поэтому «для умудренного неведения, поскольку оно выражается в антиномистическом познании, единственно адекватная онтологическая установка есть установка антиномистического монодуализма»¹. Последний предполагает, что, нечто одновременно не есть что-то другое, но вместе с этим оно и есть это другое. Ценный и позитивный смысл подобного религиозного синтеза оказывается доступным нам не в рациональном неподвижном фиксировании синтеза как такового, а в процессе неудержимого и свободном парения над противоположностью непосредственного переживания и проживания истины и тем самым оказаться внутри нее, то есть пребывать, находиться в истине.

По мнению О.С. Борисова это позволяет сделать вывод о том, что именно религиозное сознание выделяя и фильтруя ценности и аффекты дает создать и взрастить в себе абстрактное чувство Бога. Для конкретного религиозного сознания (а именно такое мы всегда имеем в реальности) таковой всегда в единственном числе, он один, при этом все равно во что он воплощен – в тотем, анима, фетиш, или какую-либо персонифицированную силу природы. Это может быть и христианский бог, и иудейский бог, и аллах. Такой бог и открывается перед человеком в своей непостижимой сущности как такая реальность, которая переживается непосредственно и которая всегда сопричастна религиозному сознанию по мистической сути события².

Мы позволили себе так подробно остановиться на понимании непостижимого, представленного С. Франком, поскольку убеждены, что при определении религиозного сознания любые денотаты в своем основании предполагают существование сверхъестественного и непостижимого. Последнее им воплощено в том самом объекте (бог), являющемся инвариантной составной

¹ Там же. С. 315.

² Борисов О.С. «Религиозное сознание как объект философского исследования» Дис. ... канд. филос. наук: СПб, 2000. С. 132.

частью религиозного сознания, наряду с самим познающим субъектом и связью между ними, которая реализуется через чувства, представления, формирующие восприятие этого непостижимого.

Однако выше нами было отмечено (со ссылкой на метод восхождения от абстрактного к конкретному), что выявление сущностных характеристик любого явления – это лишь первый шаг на пути его постижения и познания. Реальный мир представляет нам вполне конкретные формы, виды, типы религиозного сознания, его метаморфозы и преобразования в зависимости от исторических периодов, экономических и политических катаклизмов. Последние можно назвать внешними факторами, влияющими на религиозное сознание. Но есть еще и внутренние факторы – психические и ментальные состояния самого субъекта и носителя религиозного сознания. Многообразие данных факторов и влияний исключительно велико и всегда есть вероятность, что какой-либо из них окажется не учтенным. Именно поэтому вряд ли можно дать исчерпывающую классификацию всех возможных модификаций религиозного сознания, отраженных в многообразных его типах и видах.

Исследуя процессы формирования религиозного сознания, обращаясь к работам отечественных и зарубежных авторов мы стремились выявить инвариантные (постоянные) и меняющиеся (вариативные) черты именно общественного религиозного сознания. Однако, философский анализ требовал, обобщенного рассмотрения, как некоей абстракции, при этом в ряде случаев необходим анализ типичных проявлений индивидуального сознания, отражающего основные сущностные черты общественного религиозного сознания.

Таким образом, подводя некоторый итог, отметим следующее.

1. Некоторые исследователи допускают отождествление понятий религия и религиозное сознание (в контексте их рассмотрения как формы общественного сознания), что может быть отчасти допустимо в обобщающих или хрестоматийных изданиях, однако недопустимо в рамках специальных исследований. В данной диссертационной работе религиозное сознание

- рассматривается исключительно как важнейшая составная часть религии в целом.
2. Анализ феномена религии может быть внутррелигиозным и внерелигиозным, последний в наибольшей степени отвечает научному подходу. Мы исходим из хрестоматийного определения религии, предполагающего, что последняя представляет собой устойчивую систему особых взглядов, убеждений, верований, объединяющих индивидов в общность и формирующих особую систему ценностей и мировоззрения, обуславливающих цели развития социума и влияющих на весь уклад их жизни. Религия требует от своих последователей выполнения определённых действий сакрального характера, выполнения обрядов и ритуалов, позволяющих приобщиться к духовной сущности бытия. Зрелые религии подразумевают наличие строгой организации, воплощенной в институт церкви.
 3. Неотъемлемой и важнейшей частью религии в целом является религиозное сознание, представляющее собой некоторую форму отражения действительности в человеческом сознании в виде «устойчивой системы особых взглядов, убеждений, верований». Религиозное сознание характеризуется с одной стороны, сущностными, инвариантными чертами, определяющими его качество как таковое, с другой стороны – вариативными чертами, которые всегда присутствуют в реальном религиозном сознании и позволяют ему обрести свои конкретные черты.
 4. Инвариантные характеристики религиозного сознания это предельно абстрактные, выраженные в схематизированной форме черты религиозного сознания как такового, безотносительно к месту, времени, социальным условиям его возникновения и существования. К таким характеристикам мы относим - наличие некоей высшей силы, сверхъестественного, бога, - объекта – попытки осознания и познания которого осуществляет субъект через чувства и переживания, окрашенные эмоционально и обуславливающие веру, которая одновременно и порождена и порождает новые чувства и переживания.
 5. Процесс формирования чувств, определяющих веру и определяемых верой неразложим на элементы и составные части, потому что в основе лежит то самое

сверхъестественное, или, как писал С. Франк непостижимое. Та самая реальность, которая есть нечто большее и нечто иное, чем вся совокупность уже «понятных» и «знакомых» связей и содержаний. Здесь, пожалуй, скрыта та самая сложность познания и изучения религиозного сознания, не позволяющая в полной мере его полностью рационализировать и разложить на части, сделать прозрачной и доступной любому рациональному разумению

6. Выявление существенных характеристик религиозного сознания – это первый шаг на пути его постижения и познания. Социальный мир представляет нам вполне конкретные формы, виды, типы религиозного сознания, как следствие его модификаций и метаморфоз. Последние зависят как от исторических периодов, экономических, политических, духовных событий и процессов, так и от психических и ментальных состояний самого субъекта религиозного сознания. Существует большое разнообразие внешних и внутренних факторов, поэтому всегда есть вероятность, что какой-либо из них окажется не учтенным или просто не выявленным. Именно поэтому вряд ли можно дать исчерпывающую классификацию всех возможных модификаций религиозного сознания, отраженных в многообразных его формах и видах.

1. 2. Формы трансформации общественного религиозного сознания

В предыдущем параграфе мы показали, что религиозное сознание как сложный социальный феномен, являющийся неизменной составной частью любой религии, неоднороден, имеет сложное строение. Последнее, также неоднородно, и может характеризоваться с точки зрения наличия в нем внутренних устойчивых постоянных характеристик и внешних, вариативных, зависящих от конкретных условий и различных факторов (внешних (социальных и природных) и внутренних, и т.д.). Изучение самого общественного религиозного сознания,

процесса его формирования и форм проявления может осуществляться как в исторической ретроспективе – когда мы отслеживаем исторические этапы возникновения элементов его структуры, так и в индивидуальном развитии, когда единичное сознание относительно в ограниченное время проходит этапы исторического формирования. Данный принцип с точки зрения диалектической методологии носит название «исторического и логического»¹.

В предыдущем параграфе мы также упоминали о существовании видов религиозного сознания, зависящих от типа субъекта, выделяя общественное, групповое и индивидуальное сознание. В данном исследовании, мы все же будем иметь в виду некую абстрактную идеализированную форму общественного религиозного сознания, понимая при этом, что в реальном мире оно обретает конкретные внешние черты и формы. Хотя еще раз отметим, при изучении такого сложного феномена как религиозное сознание достаточно проблематично находится в строгих рамках выбранных классификаций, потому что реальный мир, как и изучаемые феномены бесконечно богат и разнообразен, формирует самые неожиданные типы и формы религиозного сознания, которые далеко не всегда вписываются даже в самую лучшую идеализацию или классификацию.

Именно поэтому детальные классификации всегда полны допущений и исключений, наиболее приемлемыми оказываются максимально общие, предлагающие глобальное деление, особенно то, которое прошло проверку временем. Мы имеем в виду достаточно традиционную историческую градацию господствовавших в тот или иной период человеческой истории, форм (или типов) религиозного сознания.

Во-первых, это мировоззрение, взгляды, чувства и эмоции, имевшие место в рамках родоплеменной религии. Они сложились в период первобытнообщинного строя, появились стихийно в условиях жизни рода и племени. Особое значение здесь имеет культ предков, что отражает генетическое единство и кровно-родственные связи. Существовал культ племенных вождей с утверждением

¹ Ашхамахова А.А., Яковенко И.А. Основные подходы, принципы и методы исследования религиозного сознания. // Общество и право. 2001. № 5 (37) С. 302.

иерархической целостности группы. Были распространены тотемические, фетишистские, магические и анимические верования, а также культово-обрядовые действия. На этапе развития родоплеменного строя выделяется образ одного духа, который приобретает черты бога всего племени или племенного союза. Следует отметить, что типы религии, в основании которых лежит такое понимание и восприятие мира, продолжают существовать у разных народов в соответствии с характером их мировоззрения и спецификой социальной жизни.

Во-вторых, сознание, формировавшееся народно-национальными религиями, соединившими различные культурные пласты родоплеменных верований, что происходило в период развития классового общества. Эти верования отражали условия жизни отдельных народностей, а впоследствии наций с сакрализацией данных исторических типов этносов и соответствующих государственных образований. Носителями таких религий являлись члены данного этноса, однако лица другой этнической принадлежности способны были также становиться их последователями. Религиозное сознание на данном уровне предполагало расширение ритуализации в общественной жизни, а также оформление системы специальных обрядов, которые затрудняли или полностью исключали общение со сторонниками других верований. На современном этапе развития общества примерами таких верований выступают: индуизм, иудаизм, синтоизм и пр.

В-третьих, религиозное сознание, формирующееся, в рамках той или иной мировой религии (христианство, ислам, буддизм), но при этом связанное с вышеназванными типами, так как включает в себя многие их элементы (например, систему ритуалов и запретов). Данный тип возник на этапе повышения религиозной потребности масс, в условиях формирования государств-империй. Появляется необходимость укрепления и обоснования сформировавшегося имперского политического строя в виде религиозных норм и идей. Эти государства охватили значительные территории, включавшие разные экономические уклады и культуры. Специфика мировых религий выражается в

активной проповеднической деятельности, обращенной на привлечение новых сторонников из разных социально-демографических групп.

Однако трансформации в религиозном сознании могут идти и в других плоскостях. На наш взгляд изменения в религиозном сознании можно дифференцировать по глубине происходящих в религиозном сознании изменений и в той или иной степени, затрагивающих (или не затрагивающих) его сущностные основания. При этом сами сущностные основания не могут меняться принципиально, но могут корректироваться, уточняться, дополняться, в целом оставаясь инвариантными, неизменными.

Первый, так называемый внешний уровень, подразумевает какие-либо перемены в политической жизни и, как следствие, в позициях верующих, религиозных лидеров и целых организаций. Это классический пример влияния внешних факторов (в данном случае – политических) по изменения (трансформации) религиозного сознания. Примером этого выступает изменение за короткий период политических ориентаций Русской православной церкви. До революционных событий 1917 г. церковь была важнейшей формой организации общественного мировоззрения. С появлением советской власти происходит рост светских идей в социуме с сокращением религиозных представлений, которые в современной России снова расширяются, что характеризует обратный процесс.

Второй уровень изменений затрагивает более глубинные характеристики религиозного сознания, однако, все же те, которые мы называли внешними это касается изменения религиозного содержания, обновления религии по тем или иным направлениям, в частности, в виде модернизма или фундаментализма. Как правило, это является следствием приспособления религии к новым внешним условиям и учета, предъявляемых к ней требований (модернизация религиозного осмысления), либо же изменения в духе возрождения идеалов консерватизма и апелляции к первоначальным сакральным ценностям данного конфессионального направления (утверждение экстремистских настроений в христианстве и исламе). В этом случае инвариантные составляющие религиозного сознания остаются

неизменными, определенную модификацию могут претерпевать формы реализации верований, проявлений религиозности.

Третий уровень. Может происходить и значительная морфологическая перестройка, затрагивающая глубокие видоизменения религиозного мировоззрения с качественными и многоплановыми модификациями, затрагивающими сакральную догматику, обрядность и организационную структуру. Подобное произошло в католической церкви, в результате чего возникло новое направление в христианстве - протестантизм. При этом, возник и новый социальный строй в системе которого религия должна была занять место дополнительной опоры и поддержки.

Существует также четвертый уровень полной трансформации религиозного мироощущения, когда пытаются выявить и изменить базовые пласты религиозной веры и идеологии. Здесь уже речь может идти о затрагивании ключевых, внутренних составляющих религиозного сознания. Однако, если все же, они лишь трансформируются, преобразуются, но не уничтожаются или не переходят в свое другое, то можно говорить о глубокой, пусть даже деградирующей трансформации. Это может проявляться в попытках вернуться к первичной мифологии и сакральным нормам поведения, когда даже развитые институты могут уступать место возродившимся мистическим культам с преобладанием суженного религиозного мировоззрения.

Любые изменения религиозного сознания происходят через усвоение различных новых проявлений реального мира и социального опыта, что отражается в трансформациях представлений, психологии, мышлении, сознания в целом. Обратим еще раз внимание, что речь идет о *трансформации* религиозного сознания, при котором оно лишь меняется, причем как в сторону развития и совершенствования, так и в сторону деградации, оставаясь при этом все же религиозным сознанием как таковым.

Религиозное сознание выступает как духовный регулятор человеческой жизнедеятельности. Для ощущения целостности и понимания смысла своей жизни человек очень часто испытывает потребность в религиозной компенсации,

и определенные чувства, эмоции, вера, представления создают у него это чувство успокоенности или же внушают ему уверенность и надежду. Тем самым создается психологический комфорт и ощущение поддержки свыше, а значит религиозное сознание и религия в целом действительно могут выступать (и часто выступают) положительным фактором человеческой жизни, которая обременена многочисленными тревогами и заботами.

Зарождение и развитие религиозного сознания обусловлено совокупной множественностью факторов, которые, по словам Ю.В. Гавриловой, представляют собой «организованную целостность, объединяющую комплекс причин, условий и механизмов»¹. При этом исследователь считает, что религиозное сознание имеет в своем основании и подвержено влиянию как социальных факторов, которые обычно и подразумевают исследователи, так и естественных факторов, не имеющих должного внимания со стороны ученых. Социальные факторы во всем своем многообразии (экономические, политические, внутрисемейные, родовые или сословные, образовательные, национальные, этнические и т.д.) объективно воздействуют на человека и, преломляясь в неповторимой субъективности его сознания. Это и является основанием, на котором закрепляются религиозные установки личности, являющиеся основанием для формирования религиозности общества в целом, несмотря на их вероятную самостоятельность или отвлеченность от материального бытия.

Но не меньшее внимание следует уделять и естественным факторам, к которым, по мнению автора диссертационной работы, следует относить природные условия в целом. Прежде всего, это географический фактор (растительный и животный мир, воды, почва, климат и территория), который оказывает исключительное влияние на процесс зарождения и развития религиозного сознания. Но не менее (а может и более?) важен выделяемый автором внутренний естественный фактор, который собственно обуславливает

¹ Гаврилова Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания. Автореф. ... кандидата философских наук. Чита, 2011. С.14.

био психические процессы в организме человека¹. Ю.В. Гаврилова также отмечает, что, несмотря на сильное воздействие социального, биологические и био психические процессы не следует преуменьшать, в том числе и в процессе формирования религиозного сознания (религиозных чувств, верований и представлений). От себя добавим, что и в процессе изменений, трансформаций религиозного сознания. Ведь, как нами было отмечено в предыдущем параграфе, чувствование, переживание играет в религиозном сознании одну из главенствующих ролей, относится к инвариантным, сущностным характеристикам религиозного сознания: «именно «состояния-переживания» выделяют в качестве особенностей религиозного сознания. Переживание присутствия Бога, или как-то иначе представляемой божественной реальности будет составлять религиозное сознание индивида»²

Очевидно, что процесс изменений и преобразований религиозного сознания взаимообусловлен как внешними, так и внутренними факторами. Автор указанной работы не случайно подчеркивает диалектическую взаимосвязь данных факторов. Однако обратим внимание на то, что именно в религиозном сознании, в отличие от любых других форм общественного сознания (политическое, экономическое, правовое и т.д.) внутренние факторы могут играть *большую* роль и значимость. Это – следствие того, что объектом данной формы сознания является нечто сверхъестественное, непостижимое, иррациональное, что в процессе реализации данной формы сознания существенную роль играют чувства, переживания, эмоциональные состояния. Именно они могут стать причиной и ключевым фактором формирующим изменения представлений, норм, ценностей, даже символов или элементов культа. На наш взгляд, в исследовательской литературе важность внутренних факторов, влияющих на изменения и трансформации религиозного сознания, все еще недооценен. Нашим исследованием мы постараемся показать его *большую* значимость в процессах трансформаций (и особенно трансформаций деструктивных), нежели это принято

¹ Гаврилова Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания. Автореф. ... кандидата философских наук. Чита, 2011. С.7.

² Там же. С. 23.

считать. Влияние внешних факторов может оказаться как толчком к изменению и трансформациям религиозного сознания, так и к укреплению уже существующих его форм. Но это влияние может оказаться и недостаточным для того, чтобы те или иные изменения имели место быть.

Одновременно значимое влияние внешних и внутренних факторов, меняющих религиозное сознание, рождает феномен религиозного синкретизма, обойти который, говоря об исторических этапах развития (исторических формах) религиозного сознания, не представляется возможным. Религиозный синкретизм предполагает соединение в культуре социума привнесённое и традиционное религиозное учение. Данное явление наиболее ярко отражается в обыденной социальной жизни, примером чего выступает православно-языческое мировоззрение по отношению к окружающему миру. Именно таким образом, в церковный православный календарь вошли многие элементы древнеславянского земледельческого и скотоводческого уклада, языческие поминальные обряды и древнеславянский культ хлеба.

Понятие религиозного синкретизма начинает использоваться этнографами и культурологами XIX века с идентификации сущности и специфики первобытной культуры и статуса сформировавшихся первичных религиозных представлений о сложности и устройстве мира. В данном случае имеет место разновидность синкретизма в общекультурном смысле с элементами сакрального созерцания. Для этого мировоззрения характерна нерасчленённость всех проявлений духовной составной части жизни. Возникает психологическое восприятие при тесном переплетении сверх естественных сил с предметами материального бытия. Тем самым проявляется религиозное осмысление изначальной целостности представлений о мире и месте человека в нём.

В процессе исторического развития общественных процессов и социальной психологии формируется «вторичный синкретизм», что представляет собой принципиально другое общественное явление, которое возникает в результате взаимодействия уже сложившихся религиозных систем со специфическими воззрениями на основе контакта различных культур и взглядов. Одним из

важнейших условий появления упомянутого вида синкретизма является обособление религии в относительно самостоятельную сферу духовной практики в системе социального сознания. Этому способствовало развитие социально-экономических и политических отношений при расширении различных контактов между социальными группами в единые территориальные образования, которыми выступили союзы племен и государства¹.

Осуществляется развитие религиозных учений с оформлением специализированной социальной группы в виде духовенства, оформленных сакральных церемоний и норм религиозного поведения. В частности, появляется синкретизация монотеизма с языческими верованиями в рамках отдельных этносов и сформировавшихся мировых религий. Этому способствовало сохранение принципов и идей поклонения небесным и земным сущностям, которые впоследствии трансформируются в образы всевышнего единого Бога и святых персон. На примере распространения ислама усматривается сочетание при принятии мусульманских устоев разными народами норм универсального шариата с соответствующим адатом, то есть традиционным правом, что способствует дальнейшему закреплению исламского мировоззрения. При этом, местные верования и элементы культа наделялись статусом мусульманских, т.е. не только не подавлялись, но приобретали большую значимость².

Третья разновидность религиозного синкретизма появляется на основе современных изменений, представленных в системе глобализации общественной жизни, а также взаимодействием цивилизаций в едином духовном пространстве. Первоначально социальные преобразования в эпоху капитализма повлияли на духовное мировоззрение народов Европы и населения колониальных стран с последующей вестернизацией социальных процессов – происходит рост идей индивидуализма и рационализма общественной жизни. Повышается роль универсальных ценностей общественной свободы действий во всех сферах жизни

¹ Агабабян, А.Г. «Гибридные» формы религиозного сознания в контексте этносоциальных процессов населения Западного Кавказа [Текст] / А.Г. Агабабян // Вестник Южного научного центра. – Т. 9. № 3. 2013. С. 15–18.

² Беляева, Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма [Электронный ресурс] / Е.В. Беляева. - Режим доступа: <http://yandex.ru/clck/jsredir?from>, свободный. – Загл. с экрана

общества с признанием рыночной экономики. Вместе с этим происходит рост влияния восточного мировоззрения на европейскую мысль, что осуществляется на базе социально-экономического развития стран Азии. Утверждается феномен плюрализма и эклектики разных религиозных мировоззрений с хаотичностью и несистематичностью специфических культурных форм. В рамках религиозного осознания происходит взаимное использование элементов отличных друг от друга сакральных идеологий. В сознании верующих снижается четкость осмысления важнейших догматов и ценностей соответствующих вероучений с беспорядочным смешением элементов различных конфессий.

Три рассмотренных формы религиозного синкретизма, по сути дела ставших своеобразными формами трансформаций религиозного сознания, имеют различную природу и не могут оцениваться как этапы в процессе культурно-религиозного мирозерцания. Нерасчленённая первобытная культура соответствовала общему рассмотрению единства мира с тесным переплетением духовных и материальных сил на жизнь людей без определения всеобщего божественного начала. Далее происходит формирование мировых религий с ростом значения экономических процессов и развитием политической власти. На современном этапе эволюции общественных отношений выявляется эффект глобализации с хаотичным смешением фрагментов множества религиозных форм.¹

Таким образом, религиозное сознание может приобретать различные формы, и причины этого кроются как во внешних условиях или факторах, перечисленных выше, так и во внутренних причинах. Основания для выявления тех или иных форм религиозного сознания тоже могут быть разными. Отметим также, что в каких бы особых формах не проявляло себя религиозное сознание, эти формы могут быть охарактеризованы в контексте их ценностной значимости. И именно такая характеристика и градация является важной для нашего исследования.

¹ Агабабян А.Г. Гибридные формы религиозного сознания в контексте этносоциальных процессов населения западного Кавказа.// Вестник Южного научного центра. Том 9. № 3. С.15-18.

Религиозное сознание может быть оценено исходя из во-первых, характера восприятия окружающей действительности с преобладанием соответственно положительных или отрицательных чувств – позитивное и негативное религиозное сознание. Во-вторых, в зависимости от специфики отношения к существующей социальной реальности, с целью ее поддержания и развития или с целью ее разрушения и радикального изменения – соответственно конструктивное и деструктивное религиозное сознание.

Позитивное (или конструктивное) сознание формируется в виде доброжелательных представлений по отношению к социальному миру. В данном случае имеют место попытка преодоления конфликтов в социуме и в сознании самого человека. Прежде всего, это выражается в религиозном страхе (опасение божественного гнева, страх загробной жизни) и любви (явно выраженного благосклонного чувства и признанием величия Бога и готовность оказать всестороннюю помощь другим людям). Негативное (или деструктивное) религиозное сознание проявляется в отрицательных чувствах, таких как выражение неприязни к данной реальности, а также отречение от существующего порядка вещей. Это проявляется например, в ненависти – отвращении и неприятии, а также враждебности по отношению к тому, или иному объекту, а также в гневе – особом виде негативной страсти, направленной против других людей. И гнев, и ненависть не рожают ничего позитивного и в целом ведут к опустошению духовного мира верующего.

Конструктивное религиозное сознание реализует ряд значимых функций религии в процессе преобразования и функционирования общественного сознания. Во-первых, это формирование религиозной картины мира. Во-вторых, это поддержание принадлежности, формирование необходимой идентичности, которая служит выражением сопричастности к соответствующей социальной группе или организации. В-третьих, это социальная интеграция и стабильность, способствующие поддержанию скорее групповой солидарности и коллективной идентичности, а не идентичности индивидуальной. Однако стоит заметить, что в социально дифференцированных и сложных обществах, включая большинство

современных, эта функция религии может не срабатывать или вести к обратному результату – дезинтеграции, разъединению индивидов. И последнее – это сакрализация этических культурных ценностей, предполагающая наделение общественных норм и ценностей, социальных институтов (в первую очередь института власти) особым священным статусом.

Вопрос о подлинном (и прежде всего конструктивном) значении религиозного сознания поднимает в своей работе М.И. Билалов, отмечая, что «вопрос о подлинном значении религиозного сознания в осмыслении людьми явлений мира оказывается не новым и, пожалуй, спорным»¹. По мнению Дагестанского философа существует непосредственное и неоднозначное влияние религиозного сознания на познавательную культуру человечества. «Оно и стимулирует познание, верно отражая закономерности – диалектичность постижения истины, ее самоценности и единства с ценностными аспектами знания... В то же время религия – источник многих гносеологических заблуждений о значимости разума и науки, о невозможности познания человеком сущности вещей... Нравственные и гуманистические мотивы нередко соседствуют в религии с пессимистическими оценками... познавательной способности человека»²

В положительном религиозном сознании в соответствии с данной идеологией усматривается достаточно свободный характер в проявлении своего отношения в окружающей действительности при условии соблюдения важнейших религиозных догматов. Индивидуальное восприятие религиозных требований на основе просветительской деятельности духовенства. Признание абсолютной ценности человеческой личности в системе мироздания. Признание существования иных религиозных учений, особенно с аналогичной идеей божественной сущности. Поддерживается согласие с существующей государственной идеологией и социальными целями развития. Осуществляется адаптация устоявшихся религиозных ценностей к реалиям современности.

¹ Билалов М.И. Суфизм и познавательная культура. – Махачкала: ГУП Даг.кн.изд-во, 2003. С. 15.

² Там же. С. 27.

В конструктивном религиозном сознании происходит сохранение и поддержание исторически сформировавшихся форм политической и общественной жизни с возможностью построения на основе оформившихся социальных порядков новых общественных структур в соответствии с религиозными догматами. Также проявляется терпеливое отношение к сторонникам других религий. Происходит отрицание революционных социальных преобразований с предложением постепенных изменений в обществе на основе признания высших ценностей гуманизма. Признается необходимость обеспечения социальной справедливости и солидарности на основе общественно полезной деятельности.

Таким образом, выражение конструктивного культа в сознании человека позитивно влияет на духовное, психическое, физическое развитие личности (внутренняя конструктивность), а также способствует укреплению созидательных традиций, норм и развитию культуры в обществе (внешняя конструктивность).

Отрицательное религиозное сознание представлено идеями коренного преобразования общества с широким использованием насильственных средств. Стремление преобразования является следствием негативной, отрицательной общей установки, которая, ориентируя на неприятие существующего, формирует убежденность в необходимости его изменения, преобразования, а иногда и уничтожения. Базовым принципом, основанием такого негативного восприятия и желания привести существующее в соответствие с ним, может выступать любая идея или теория. Нередко эта идея сводится к представлениям о превосходстве какой-либо группы (расовой, национальной, социальной) над всеми остальными и стремится любыми законными и незаконными способами закрепить привилегированное положение таких групп по отношению к другим.

Деструктивное сознание порождает и деструктивную религиозную идеологию, и деструктивные объединения и разновидность культа, который является разрушительным. Если деструктивные религиозные объединения «стремятся занять какую-либо нишу в духовном сознании общества... и легализовать свою деятельность... то это неизбежно приводит к определенной

социальной напряженности и формированию на этой основе конфликтов, зачастую принимающих религиозный окрас»¹. Деструктивность по мнению Р.Р. Абдулганеева проявляется во-первых, по отношению к естественному гармоническому состоянию личности: духовному, психическому и физическому (внутренняя деструктивность), а во-вторых, по отношению к созидательным нормам и традициям, уже существующим социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность). Автор называет это внешней и внутренней деструктивностью² и делает вывод о том, что «деструктивные религиозные объединения... представляется возможным рассматривать как источник распространения религиозного экстремизма»³

Чтобы быть строгими в употреблении значимого в данном контексте понятия «деструктивность», обратимся к достаточно полному анализу деструктивности представленному в исследовании В.В. Гурским⁴. Исследователь отмечает, что термины деструкция и деструктивность пришли в различные отрасли знания из психологии, где они определяются как «отрицательное отношение человека к самому себе или к другим и соответствующее этому отношению поведение. При этом под деструкцией понимаются сами действия, а под деструктивностью – атрибутивная способность к ним»⁵. Свое начало, отмечает философ, категория социальной деструкции берет в гегелевской категории негативности, как всеобщего принципа движения. У Ницше – уничтожение – это иррациональная стихийность, отрицающая все, что препятствует проявлению жестокости и неограниченной свободы. Представители Франкфуртской школы (Т.Адорно, М. Хоркхаймер) полагают, что тенденция к самоуничтожению присуща рациональности как таковой, воплощенной в государстве и уничтожающей индивидуальность. Г.Маркузе убежден в полезности разрушения, считая его взаимообусловленным с созиданием.

¹ Абдулганеев Р.Р. Деструктивные культы и тоталитарные секты как источник распространения религиозного экстремизма//Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24). С. 14.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ В.В. Гурский Основания деструктивности религиозного экстремизма // Вестник Челябинского университета Философия. Социология. Культурология. Вып.23. 2012. № 4. С.23-27.

⁵ Там же. С.23.

Отечественный мыслитель И.А. Ильин полагал (вслед за христианскими святыми), что государство напротив, противостоит деструкции, а зло «это душевная склонность человека, присущая каждому из нас»¹.

Исследуя концепцию социальной деструкции Франкфуртской школы, С.Е. Вершинин отмечает, что соответственно деструктивное сознание выражается в необходимости разрушения существующего социального порядка с построением утопической часто идеальной системы общественного благоденствия путем подавления всякого сопротивления данному процессу в социуме. Нередко проявляется нетерпимое отношение к представителям иных конфессиональных позиций и сторонников преобладания светского образа жизни. Достаточно распространенной идеей выступает уверенность в том, что востребован возврат к первоначальному «более простому» и близкому Богу образу религиозной жизни с упразднением усложнений религиозного культа и организации деятельности духовенства. Происходит оправдание террористической деятельности, массового суицида и разжигание межнациональных и межконфессиональных столкновений².

Очевидно, что негативное и деструктивное религиозное сознание, неся в себе разрушительную силу, таит в себе существенную угрозу для общества. Подчеркнем, не всякое религиозное сознание, а только то, которое мы охарактеризовали как деструктивное и негативное. Что же влияет на подобные негативные трансформации религиозного сознания? Как и в какой форме религиозного сознания они проявляются? Какие условия – внешние и внутренние могут формировать его, способствовать его развитию, реализации и распространению? Попробуем ответить на поставленные вопросы, исходя, во-первых, из предложенного нами определения религиозного сознания (см. вывод 3 [первого параграфа]), во-вторых, ряда идей работы Н.А. Бердяева и выводов диссертационного исследования М. Я. Яхьяева.

¹ Там же. С.23-24.

² Вершинин, С. Е. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) [Электронный ресурс] / С. Е. Вершинин. - Режим доступа: <http://www.werschinin.ru/?ml=121>

Ключевыми характеристиками в нашем определении религиозного сознания были бог (сверхъестественное) как объект, эмоционально окрашенные чувства, переживания, образы и представления познающе-сознающего его субъекта. Это является сущностными характеристиками религиозного сознания, на основании которых уже возникают, формируются, развиваются определенные и вполне конкретные взгляды, убеждения, нормы и ценности, символы, соответствующая среда, лексика и т.д.

Религиозное сознание, как мы отмечали выше, трансформируется под воздействием как внешних (экономических, политических, социальных) условий, так и в силу собственных внутренних причин. Например, сверхъестественное как объект веры может стать единственно возможным и только таким, каким его представляет себе и каким он является для данного субъекта. И никакое другое сверхъестественное нашим субъектом уже признаваться не будет. Это может быть результатом воздействия внешнего фактора (неприятие навязываемых извне иных ценностей), однако может быть и результатом длительной внутренней работы сознания и психики, или даже результатом услышанных голосов или видений. В этом контексте особо интересно уже упоминавшееся исследование Ю.В. Гавриловой, которая считает недопустимым игнорировать так называемые естественные внутренние факторы, формирующие религиозное сознание¹.

Хотя следует помнить, что реальные процессы (будь то процессы социальные, или естественно-природные (внешние и внутренние), всегда более сложные и неоднозначные. Их изменение – следствие целой совокупности как ожидаемых, и порой прогнозируемых причин, так и случайных, вероятностных, или просто иррациональных факторов. В моделируемой ситуации можно представить себе, что результатом воздействия множества факторов становится возникшее убеждение в уникальности, неповторимости единственно верной форме восприятия, переживания и трактовки именно так понимаемого образа сверхъестественного как объекта. Ключевыми, в данном случае, выступают

¹ Гаврилова Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов формирования религиозного сознания. Автореф. ... кандидата философских наук. Чита, 2011. 28 с.

понятия «уникальности», «неповторимости», «единственно верной форме». Процессы восприятия, переживания, формирования на их основе тех или иных убеждений и верований – естественный процесс для формирования религиозного сознания. Но конструктивное сознание допускает в определенной мере критичность, признает, как было сказано выше, существование иных пониманий и переживаний образа сверхъестественного. Если мы признаем и убеждены в уникальности и единственно возможной правильности собственного или предлагаемого (как вариант) переживания, чувства, убеждения и веры, то это – первый шаг на пути к **догматизации** некоторого определенного понимания бога или религиозной истины. Сразу оговоримся, что под догмой мы понимаем положение, принимаемое за непреложную истину, признаваемое бесспорным и неизменным без доказательства и учета конкретных условий.

Следствием догматизации становится **нетерпимость** и недопустимость всякого другого сверхъестественного и способов его трактовки и понимания. Более того с этого момента мир начинает четко делиться на своих (тех, кто верит и признает именно так понимаемого бога или любую сверхъестественную сущность) и других. При этом другие недолго остаются в стане других. Достаточно быстро они становятся чужими, диалог с которыми гораздо менее возможен, чем с другими. Свои и чужие. Сознание, в котором присутствует подобная дихотомия, по словам Н.А. Бердяева «Всегда делит мир и человечество на две части, на два враждебных лагеря... не допускает сосуществования разных идей и мирозерцаний. Существует только враг. Силы враждебные унифицируются, представляются единым врагом. Это совершенно подобно тому, как если бы человек производил деление не на я и множество других я, а на я и не-я, причем не-я представлял себе единым существом»¹.

Можно говорить об исключительной **бинарности** мира по принципу свои-чужие, что исключает его многообразие, пестроту красок, плюрализм мнений и т.д.

¹ Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.spasi.ru/biblt/berd1.htm> Последнее обращение 23.09.2015.

Однако здесь можно возразить, напомнив, что всякая религия всегда имеет притязание на исключительное обладание истиной и моралью (*партикуляризм*). Большинство монотеистических религий предполагает разграничение между «чужими» и «своими». Например, идея богоизбранности еврейского народа присуща иудаизму, что позволяет разделять людей не только по вероисповеданию, но и по национальному признаку. По мнению Н.А. Ковальского и И.М. Ивановой Западное христианство, провозглашает папу римского «всемирным пастырем церкви» и называет католическую церковь «всемирной церковью». Православные христиане также считают себя последователями единственно истинной религии¹, полагая, что «обрести блаженство может лишь тот, кто обладает правым учением»². Исламу также свойственно наличие идеи религиозной исключительности. Так, в рамках классического ислама признаётся три особых и отличных друг от друга статуса существования людей. Это прежде всего «правоверные», к которым относятся лишь сами мусульмане. Это так называемые «покровительствуемые», к числу которых принадлежат иудеи и христиане в силу того, что они являются держателями писания, или «людьми книги». И, наконец, существуют многобожники. В их отношении существует только одна политика - обращение в мусульманство.

Однако, отметим особо, в данном случае в монотеистических религиях мы имеем действительно лишь притязание, попытку разграничить своих и чужих, но при этом допускается и признается право другого на истину и обладание ею. Как только на когнитивном уровне это право считается утраченным, возникает религиозная нетерпимость, конфликт и т.д. По мнению В.И. Гараджа, «подобный партикуляризм всегда нуждается в так называемых врагах, с которыми можно сравнивать собственное поведение, представляя его как эталон мудрости и добродетели. Враги нужны... чтобы поддерживать свое влияние, чтобы легче

¹ Ковальский Н.А., Иванова И.М. Католицизм и международные отношения. - М.: Международные отношения. 1989. С. 13.

² Гарнак А. Восточное и западное христианство // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / Сост. В.И. Гараджа, Е.Д. Руткевич. - М.: Наука, 1994. С. 42.

было манипулировать своими сторонниками, чтобы обосновывать свои действия. Если врагов у такой группы не оказывается, их приходится создавать, в том числе - и внутри группы»¹.

Для человека, однозначно поделившего мир на своих и чужих, мир перестает быть многообразным, поскольку в нем есть только свои – хорошие и чужие – плохие, при этом только свое спасает, и ему нужно отдаться. Все остальное губит, поэтому его надо истреблять. Все остальное – а это весь множественный мир, грозит гибелью, которая будет неизбежна при отсутствии борьбы. Возможность гибели – это всегда страх и единственная возможность от него избавиться – бороться с чужим губительным миром. На эту борьбу, которая должна быть жестокой и непримиримой, и направляются все силы, она становится основанием для изменения и преобразования и религиозных переживаний, и представлений, и ценностей, и культов. Нетерпимая борьба с миром это проявление не только неприятия, но и *агрессии*, сопровождаемой ненавистью. Мы получаем «особую интерпретацию религиозного мировоззрения и особый склад религиозных чувств»².

В современной исследовательской литературе подобные чувства носят название фанатизма³. Н.А. Бердяев пишет, что «Человек не может быть фанатиком, когда он поставлен перед Богом, он делается фанатиком лишь когда он поставлен перед другими людьми. Фанатик всегда нуждается во враге, всегда должен кого-либо казнить»⁴. При этом идея (та самая, его собственная, часто выстраданная) оказывается превыше всего – семьи, других людей, родины, даже самой веры. «Фанатик знает лишь идею, но не знает человека, не знает человека и тогда, когда борется за идею человека. Но он не воспринимает и мира идей иных, чем его собственные, неспособен войти в общение идей.... Инквизиторы бывали

¹Гараджа В. Социология религии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/gar/04.php последнее обращение 20.09.2015.

²Яхьяев В.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.dissercat.com/content/religioznyi-fanatizm-kak-sotsialno-istoricheskii-fenomen#ixzz3naFlwtvm> Последнее обращение 21.09.2015.

³ Там же.

⁴ Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.spasi.ru/bibl/berd1.htm> Последнее обращение 23.09.2015.

совершенно убеждены, что совершаемые ими жестокости, пытки, сжигания на кострах и прочее есть проявление человеколюбия. Они боролись против гибели за спасение, охраняли души от соблазна ересей, грозивших гибелью. Лучше причинить краткие страдания в земной жизни, чем гибель для многих в вечности. Торквемада был бескорыстный, отрешенный человек, он ничего не желал для себя, он весь отдавался своей идее, своей вере; истязая людей, он служил *своему* (выделено мной – С.А.) Богу, он все делал исключительно во славу его¹.

Уже упомянутый нами религиозный партикуляризм «тесно связан с религиозными групповыми предубеждениями, нетерпимостью, фанатизмом. У религиозных групп, которым не присущ партикуляризм, не наблюдается враждебного отношения к другим группам и их верованиям. Таким образом, религиозный или теологический партикуляризм вызывает конфликты в религиозной среде по причине религиозных расхождений»². Эта особая форма религиозного сознания становится особой не потому, что меняется догматика, а потому что меняется к ней отношение, ее восприятие и переживание (но они как таковые остаются, являясь основанием религиозного сознания), и, как следствие вся совокупность чувств и действий, норм, правил и культов. «Основное догматическое содержание конкретной религии одинаково и в нормальной форме религии, и в фанатической ее форме. Различие состоит в идеологических акцентах, в мировоззренческих приоритетах, устанавливаемых соответствующей интерпретацией основного догматического содержания»³.

Таким образом, одним из наиболее ярких проявлений деструктивной формы религиозного сознания становится религиозный фанатизм. На это обращает свое внимание и М.Я. Яхьяев, отмечая, что «По своей сути религиозный фанатизм – это особая интерпретация религиозного мировоззрения и особый склад религиозных чувств. Фанатическое религиозное мировоззрение является ядром

¹ Там же.

² Гараджа В. Социология религии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/gar/04.php Последнее обращение 20.09.2015.

³ Яхьяев В.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореферат на соискание уч.степени докт. филос. наук. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.dissercat.com/content/religiozni-fanatizm-kak-sotsialno-istoricheskii-fenomen#ixzz3naFlwtvm> последнее обращение 25.09.2015.

религиозного фанатизма и основой фанатических религиозных чувств. Религиозный фанатизм имеет четкое, простое и ясное мировоззрение, он не может быть слепым. Религиозный фанатизм обращен на видимый мир, нуждающийся, по мнению фанатика, в активном человеческом исправлении, рассматривает его как отклонение от истинного божественного установления, он концентрируется на отношениях верующего с видимым миром. Фанатичная вера беспокойна, агрессивна, она требует исправления видимого мира, проповедует нетерпимость к иноверцам и вражду к видимому миру, не соответствующему фанатическим идеалам»¹.

В нашем дальнейшем исследовании мы будем придерживаться именно такого понимания – акцентируя внимание на том, что религиозный фанатизм это, прежде всего, особая деструктивная форма религиозного сознания основными чертами которого являются: догматизация, нетерпимость, партикуляризм, бинарность мира (свои-чужие), агрессивность. Негативная сущность такого сознания, его отдельные элементы и деструктивные черты проявляют себя уже в разрушительных формах социальности, таких как экстремизм, терроризм, война. В данном случае мы намерено сужаем свое исследовательское поле, говоря о фанатизме как особой деструктивной форме религиозного сознания и будем преимущественно употреблять словосочетание «фанатическая форма религиозного сознания».

Однако, мы понимаем, что словосочетание «религиозный фанатизм» имеет и более широкое значение и употребляется в более широком контексте: «Религиозный фанатизм – это одна из возможных форм или стадий развития религии, исторически обусловленная функционированием религии как особого социального института или подсистемы в социальной системе»². Интерес к феномену фанатизма демонстрирует и современная молодежь, что доказывают результаты социологического опроса, проведенного среди студентов Северо-

¹ Там же.

² Яхьяев В.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Автореферат на соискание уч.степени докт.филос.наук. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.dissercat.com/content/religiozni-fanatizm-kak-sotsialno-istoricheskii-fenomen#ixzz3naFlwtvm>

Кавказского федерального университета¹. Но представить целостный анализ и выявить сущность фанатизма можно только в специальных исследованиях, которые, ведутся в нашей стране², и осуществляются в рамках «фанатологии как новой научной дисциплины»³.

Нашей дальнейшей задачей будет показать, что фанатическая форма трансформации религиозного сознания, является ключевым фактором при возникновении различных деструктивных форм социальности, а также экстремальных форм действия и деятельности. Мы покажем, что религиозный и религиозно-политический экстремизм имеют в своем основании трансформированную форму религиозного сознания, названную нами фанатической.

Подводя итог, следует отметить следующее.

1. Религиозное сознание, претерпевало различные трансформации, как в процессе исторического становления человеческой культуры, так и в горизонтальной плоскости, приобретая различные формы, сосуществующие друг с другом в один исторический отрезок времени.

2. Задачи исследования заставляют особо выделить позитивные и негативные формы религиозного сознания. Позитивное (или конструктивное) сознание формируется в виде доброжелательных представлений по отношению к социальному миру, в проявлениях добра, любви и радости, в попытках преодоления конфликтов как внешних, в окружающем мире, так и внутренних – в процессах духовных поисков и самоидентификации. Негативное (или деструктивное) религиозное сознание проявляется в отрицательных чувствах, в выражении неприязни к данной реальности, а также в отречении от существующего порядка вещей. Это выражается, например, в ненависти –

¹ Лагунов А.А. О результатах социологического опроса «Религия и я» / пространство и время. № 4(10). 2012. С. 126-128.

² Яхьяев М.Я. Фанатизм и ислам: монография. – Махачкала: Лотос, 2011.С. 128. 98. Кузнецова М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления // Диссертация на соискание ученой степени кандидата философ. наук. Омск 2003. 171 с. Санаева Т.Н. Социальный фанатизм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философ. наук. Нижний Новгород, 2002. 125 с. Шарипова А Э. М. Социокультурная специфика религиозного фанатизма. Автореферат ...кандидата социологич.. Наук, Тюмень 2014. 32 с.

³ Там же.

отвращении и неприятии, во враждебности по отношению к тому, или иному объекту, а также в гневе – особом виде негативной страсти, направленной против других людей.

3. Деструктивное сознание порождает и деструктивную религиозную идеологию, и деструктивные объединения и разновидность культа, который является разрушительным. Деструктивность проявляется и по отношению к духовному, психическому и физическому состоянию самой личности, и по отношению к социальным традициям и нормам, социальным структурам и культуре, порядку и обществу в целом.

4. Деструктивная форма религиозного сознания характеризуется его следующими чертами: 1. Крайний догматизм и партикуляризм, как убежденность в уникальности и единственно возможной правильности собственного или предлагаемого (как вариант) переживания, чувства, убеждения и веры. 2. Нетерпимость и недопустимость всякого другого сверхъестественного и способов его трактовки и понимания. (партикуляризм). Мир начинает четко делиться на своих (тех, кто верит и признает именно так понимаемого бога или любую сверхъестественную сущность) и других, что приводит к 3. Бинарности мира, его черно-белому делению на своих и чужих, исключаящему многообразие форм, пестроту красок и плюрализм мнений. Чужие воплощают собой весь остальной мир, который губителен и с которым необходимо вести нетерпимую борьбу. 4. Борьба является проявлением не только неприятия, но и агрессии, сопровождаемой ненавистью.

5. Все указанное приводит к тому что мы получаем особую интерпретацию религиозных чувств и переживаний, совокупность особых черт религиозного сознания, которые соответствуют состоянию фанатизма, а форму религиозного сознания мы предлагаем называть фанатической.

Глава 2. ЭКСТРЕМИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕСТРУКТИВНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

2.1. Феномен экстремизма в современном теоретическом дискурсе

Одной из форм проявления фанатичного религиозного сознания является экстремизм, в самых различных своих модификациях и видах. В современной публицистической и исследовательской литературе понятие «экстремизм» является одним из наиболее часто используемых.

По мнению российских исследователей, современный экстремизм представляет собой усиливающийся в своей динамике и остроте проявлений фактор общественно-политической жизни Российской Федерации; носит масштабный нелегитимно-насильственный характер, прямо или косвенно угрожает многим видам безопасности государства – внутривнутриполитической, экономической, социальной, духовной, общественной, экологической и другим; имеет относительно широкий причинный комплекс возникновения и продолжительную перспективу существования. При определённых условиях рост экстремизма может быть чреват особо тяжёлыми разрушительными последствиями для конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности, политической стабильности и общественной безопасности России¹.

В 2009 г. Институтом социологии РАН был проведён массовый опрос населения России по репрезентативной общенациональной выборке². Одной из задач исследования являлось выявление того, как понимают феномен экстремизма российские граждане. Результаты проведённого исследования

¹ Авдеев Ю. И., Арсеньев В. В., Найденко В. Н. Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 4. С. 101.

² См. Авдеев Ю.И., Арсеньев В.В., Найденко В.Н. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть первая) // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 108-122

свидетельствуют, что среди значительной части российских граждан существует лишь самое общее представление о том, что такое экстремизм.

Большинство опрошенных (64%) отнесли к экстремизму террористическую деятельность. При ответах на вопросы можно было выбирать несколько вариантов, поэтому второе место, по мнению 52% респондентов, экстремизмом является распространение идей национализма, шовинизма, неонацизма, фашизма. Значительное количество подтверждений получило отождествление экстремизма с вандализмом, драками, насилием в отношении отдельных лиц или группы лиц, а также бандитизмом. Так посчитали 50% респондентов, среди которых, как отметили исследователи, большинство имеют незаконченное высшее образование.

Несколько реже опрошенные понимают под экстремизмом открытую вооружённую борьбу (24%) или гражданские беспорядки, нападения на помещения и представителей государственных органов, общественных организаций (15%). Примерно 6-8% опрошенных респондентов отнесли к экстремистской деятельности такие проявления, как: противодействие и попытки срыва проводимых публичных мероприятий государственных органов и общественных организаций; нападения на промышленные предприятия, офисы, должностных лиц; блокада госучреждений, транспортных путей, создание иных помех их деятельности.

Так определяется экстремизм в общественном мнении. Среди специалистов значительное место занимает характеристика экстремизма как явления, которое «представляет собой особое состояние сознания представителей той или иной национальной, религиозной, культурной общности, характеризующееся ощущением сверхценности исповедуемых идей, тотальным безоговорочным подчинением своей жизни их реализации, отрицанием возможности иного отличного видения мира, приверженностью к крайним, иногда насильственным методам достижения избранных целей»¹.

¹ Ответственность за криминальные проявления экстремизма: методические рекомендации НИИ ГП РФ. М.: 2002. С. 38.

В других определениях экстремизма акцент делается, прежде всего, на его деятельностьную сторону. Применительно к политическому экстремизму, например, определяется, что он «предполагает пропаганду и использование насилия и других радикальных средств для достижения любых политических целей, не обязательно националистического характера. Политический экстремизм может иметь разную идеологическую направленность (фашистскую, коммунистическую, сепаратистскую и др.) и проявляться в сферах национальных отношений, религиозных вероучений, межпартийной или внутрипартийной борьбы, внешней и внутренней политики»¹. Иногда экстремизм увязывают с посягательствами на те или иные объекты – определённые формы демократии, элементы политической системы общества и т. п.².

В своей работе В.Ю. Сокол указывает, что под экстремизмом «следует понимать деятельность в политической сфере жизни общества организованной группы (социального слоя, партии и т. п.) или отдельных лиц, направленную на насильственное изменение существующего конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации и (или) возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека или группы лиц по социальному, расовому, национальному, языковому, религиозному или иному признаку»³.

Социолог И.В. Вехов с позиций социологической науки определяет экстремизм следующим образом: «экстремизмом является девиантное поведение, осознанное и идеологически обоснованное, выражающееся в действиях, направленных на полное или частичное отрицание сложившегося общественного устройства (в частности, против таких его сторон, как основные права человека или порядок осуществления властных отношений); а также в призывах к осуществлению таких действий»⁴.

¹ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М.: «Юрлитинформ». 2002. С. 560.

² Долгова А. И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2008. 239 с.

³ Сокол В. Ю. Современный экстремизм: сущность, проблемы противодействия. Краснодар: Краснодарская Академия МВД России. 2005. С. 207.

⁴ Вехов И. В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 111. 2009. С.285.

Существуют и другие определения экстремизма, в том числе интерпретирующие его как определённое, агрессивное поведение личности, отмеченное рядом сущностных признаков: нетерпимость к оппонентам, склонность к принятию крайних решений и т. п. Другая группа определений понимает экстремизм как оппозиционную деятельность организованных структур, с упором на использование деструктивных нелегитимных методов и т.п.¹ Исследуя экстремизм, ученые сталкиваются с необходимостью пересмотра принципов и границ толерантности, которая оказывается невозможна в ситуациях возникновения деструктивных форм социальности²

Что касается оценки экстремизма, как социального явления, то существуют значительные расхождения относительно его характера и структуры. Законодательно признанным является толкование экстремизма как определённого вида деятельности, что находит отражение в Федеральном законе Российской Федерации № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности»³.

Под экстремистской деятельностью понимается достаточно широкий круг форм активности, в который входят не только действия, но и призывы к насильственному изменению основ конституционного строя государства и нарушению целостности Российской Федерации. То есть призывы к изменению политического режима, расчленению территориальной целостности, отсоединению от государства отдельных регионов и местностей.

Экстремизмом считается не только публичное оправдание терроризма, что очевидно, но и возбуждение в том числе религиозной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности по признаку

¹ См. также Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: «Институт экспериментальной социологии». 1996. С.356.; Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М.: ИСПИ РАН. 1997. С.394.; Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним. Материалы конференции (31 марта – 1 апреля 1998 г.). М.: ППО «Известия». 1998. С.135.

² Матвиенко Е.А. О границах толерантности в связи с необходимостью противодействия религиозному экстремизму // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания. Волгоград: Изд-во Волгоградская академия МВД. 2015. С. 210-215. Леонтьева Е.Ю. Толерантность как проблема: добрые чувства или вынужденная мера? / Е.Ю. Леонтьева // Научные труды SWorld. Вып. 2. Т. 6. 2016. С. 66-70.

³ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (по состоянию на 29.04.2012) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc;base=LAW;n=139786> (Дата обращения 20.06.2013).

религиозной принадлежности или отношения к религии. Нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, в зависимости от тех же религиозных оснований, организация и подготовка, а также подстрекательство к их осуществлению характеризуется как экстремистская деятельность. Но это – в рамках законодательного понимания экстремизма.

Наиболее широкое – это определение экстремизма как «приверженности крайним взглядам, мерам и действиям»¹. Далее – в зависимости от контекста и описываемой области определение уточняется: крайние меры – в политике, в экономике, в осуществлении религиозных действий и т.д. Сам латинский корень *extremus* означает всего лишь «крайний». Очевидно, что этого недостаточно, чтобы удовлетворительно раскрыть сущность феномена экстремизма. Как правило не указывается какая-либо количественная или качественная мера «крайности», которая разделяет собственно экстремизм, и то, что им как таковым не является и не относится к экстремизму. Какие критерии могут позволить оценить «крайность» тех или иных мер или действий?

Кроме предельно общего определения понятия экстремизма можно встретить и другой подход, тоже носящий крайний характер. Это определение через единичное перечисление тех явлений или действий, которые можно отнести к экстремизму. Однако если при этом у нас нет достаточно четкого и ясного понимания сущности экстремизма, то подобный подход предполагает, что отнесение или же, наоборот, не отнесение тех или иных действий или явлений в разряд экстремизма является абсолютно произвольным занятием. Общее и туманное определение экстремизма не может выступать в качестве надежного и достоверного критерия квалификации тех или иных действий и явлений как экстремистских. Именно поэтому в ряде случаев исходят из дефиниций, принятых в рамках международных соглашений или организаций.

Экстремизм рассматривают, с одной стороны, как идеологию, с другой стороны, как вытекающую из нее практику, поведение некоторых социальных групп, общественно-политических деятелей, религиозных лидеров и организаций.

¹ Словарь иностранных слов. М., «Русский язык». – 1984. С. 577.

Это идеология извлечения выгоды путем применения крайних методов, система взглядов, проповедующих полярные оценки происходящих социальных процессов и изменение последних любыми способами и при любых условиях. Ключевым словом (что и естественно, исходя из его этимологии) является слово крайний. Мы исходим из того, что это такие взгляды, оценки и действия, которые противоречат общепринятым в данном обществе и идут вразрез с мнением абсолютного большинства членов данного общества. Очевидно, что решающую роль при таком подходе играет система ценностей собственно и определяющая «крайность».

В качестве научного, понятие «экстремизм» впервые было использовано французским юристом М Лероем¹ в отношении политических сил того времени. Экстремистами он называл тех, кто требовал от своих приверженцев неукоснительной веры и абсолютного признания тех или иных политических идеалов. На тот период времени Лерой считал таковыми большевиков, которых называл «красными экстремистами» и монархистов – «белых экстремистов». Экстремизм представляет собой весьма своеобразный, но узнаваемый стиль поведения и сознания. При этом именно последнее, в его особой специфической форме организации является определяющим и ведущим. Экстремизм – это принципиально, а порой и вызывающе другой жизненный стиль некоторых групп людей, крайне отличный от привычных форм и стилей. Вспомним необходимость деления на своих и чужих, характерное для религиозного сознания. Эта инаковость позволяет им создавать свою особую, отличную от всех других субкультуру, «свой собственный мир», значения и ценности которого вступают в резкое осознанное противоречие с общепринятыми и общепризнанными взглядами и моральными ценностями. В этом случае экстремизм проявляет себя как резко негативная деструктивная активность индивида по отношению к общепринятым и признанным в обществе правилам, законам и нормам.

¹ Дворянов, В.А. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекват. ответов : : [Сб. ст.] / Ин-т полит. и воен. анализа; [Отв. редакторы: А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов]. М. : Ин-т полит. и воен. анализа , 2002 - 239 с

Как доказывает историческая практика, экстремизм может существовать в любом обществе и независимо от господствующей в нем на данный момент времени идеологии. То есть сам по себе феномен экстремизма не является порождением только 19-20 веков. Хотя именно в 20 веке экстремизм достигает таких масштабов, что можно говорить о его глобальном характере как проблемы всего человечества. Кроме глобальности и масштабности современный экстремизм, в отличие, например, от экстремизма прошлого, проявляет себя в своих наиболее ярких и выраженных формах – религиозном и политическом экстремизме. Современный экстремизм кроме применения и использования для своих целей тех или иных крайних форм имеет в своем основании деструктивную форму религиозного сознания. В силу этого он отличается от просто крайних действий или мер отдельных людей или групп, имевших место в истории. Хотя, если вспомнить Герострата, сжегшего храм Артемиды в своем родном городе Эфесе, то можно предположить, что предпринятая им крайняя мера, была средством воплощения и реализации, охватившей его идеи – оставить о себе память потомкам. И эта идея вполне могла сформировать элементы фанатизма и как следствие крайних мер ее реализации (не будем в данном случае утверждать, что Герострат обладал деструктивным фанатическим сознанием).

Однако если в обществе появляются острые социальные проблемы и появляются или обостряются те или иные конфликты, то экстремистские настроения становятся повсеместными – именно поэтому как феномен, о котором заговорили, экстремизм и появляется только 20 веке. В социальной психологии экстремизм характеризуется как разновидность агрессии со стороны отдельной личности, направленной против тех или иных социальных групп и против всего общества в целом. В этом смысле подростки часто демонстрируют те или иные виды экстремистского поведения – желая бросить вызов тем или иным устоям, правилам, ценностям.

Для понимания сущности этого явления необходимо рассмотреть детерминанты экстремистского поведения. Исходным положением экстремизма является наличие двух или более противоборствующих субъектов, по крайней

мере один из которых проявляет склонность к крайним взглядам и действиям, ориентирован на противоправное нелегитимное использование насилия. Конфликтное взаимодействие быстро доводится до крайней точки, содержащей реальную угрозу как для конфликтующих сторон, так и для личной безопасности граждан, общества и государства. Столь же крайний характер носит разжигание вражды и ненависти сторон (по национальным, расовым, религиозным и иным основаниям), поскольку оно доводит («распаляет», «раздувает», «усиливает») конфликт до крайней степени напряженности¹.

Количество противоборствующих субъектов может быть и более двух. Достаточно того, что один из них проявляет склонность к экстремистским действиям. Это дает такой стороне преимущество, потому что она готова выйти за рамки сложившегося и признаваемого формата легитимного политического противоборства. Оставшиеся стороны конфликта с необходимостью также берут на вооружение крайние формы противостояния, что приводит к раскручиванию спирали конфликта, и очень быстро экстремистские методы начинают использовать все или большая часть конфликтующих сторон, чтобы компенсировать свое отставание. В результате конфликт приобретает все более и более радикальные формы, запрещенных действий практически не остается. Целью становится не победа, а уничтожение противника.

Некоторые авторы сводят предпосылки возникновения и распространения экстремизма в основном к вопросам низкого материального и культурного уровня жизни лиц, подверженных экстремистским настроениям. Л. М. Дробичева и Э.А. Паин отмечают попытки напрямую увязать экстремизм с бедностью, социальным неблагополучием, низким культурным уровнем определённых региональных, этнических или религиозных групп. Авторы обращают внимание

¹ Чуганов Е. Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2008. С.239.

на односторонность такого подхода и справедливо подчёркивают, что «влияние социальных факторов намного сложнее», а сами они весьма разнообразны¹.

Признано, что вдохновители религиозного экстремизма исходят из весьма благополучных в финансовом отношении регионов, организаторы не принадлежат к беднейшим слоям. Просто они таким образом решают свои возникающие проблемы. Используют те приемы или действуют в такой плоскости, в которой противник слаб или не имеет необходимых ресурсов и навыков. Воздействие на плюралистическое общество с позиций ортодоксальной религиозной идеологии, дает преимущество и парализует ответные действия, выводит аргументацию противоположной стороны за пределы понимания своих сторонников, формируя тем самым нетерпимость. Толерантность проигрывает. Свобода слова с трудом противостоит или сочетается с фундаменталистской пропагандой. Логика рассуждений трудна для тех, кому удобнее пользоваться готовыми шаблонами. А последнее как раз признак невысокого образования, что в свою очередь является характеристикой малообеспеченных слоев населения.

Однако, далеко не все, имеющие низкий культурный уровень и неблагополучные в социальном отношении проявляют склонность к экстремистским действиям. Есть и прямо противоположные примеры, когда образованные и обеспеченные люди проявляют склонность к экстремистскому поведению, в том числе и совершению преступления, и даже убийству.

При этом указанные выше авторы определяют ведущие, коренные факторы. В их числе обосновано выделяются глубокие социальные контрасты в обществе, рост ксенофобии, возрастание влияния идеологии традиционализма, перерастающей в фундаментализм, и некоторые другие².

По мнению ряда ученых, и эта точка зрения является достаточно обоснованной «к числу наиболее значительных факторов, детерминирующих экстремизм в России, могут быть отнесены, в частности, противоречия

¹ Дробижеева Л. М., Паин Э. А. Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом / Под. ред. акад. В. Н. Кудрявцев; сост. Л. В. Брятова. М.: Наука. 2002. С. 39.

² Там же. С. 72-73

модернизации общества, острота политической борьбы в отдельных регионах; глубокие социальные контрасты в стране, резкие различия в размерах доходов богатых и бедных слоёв населения; высокий уровень социальной напряжённости по жизненно важным для значительной части населения вопросам; достигшая больших масштабов ксенофобия; наличие нерешённых социальных, национальных и религиозных проблем, имеющих для определённых групп населения особо важное значение; территориальные претензии и конфликты внутригосударственного и международного характера; социально и исторически детерминированное распространение в обществе, в тех или иных его социальных группах правового нигилизма; активная деятельность ряда зарубежных политических кругов, международных экстремистских структур по дестабилизации политической обстановки, по инициированию или поддержке внутреннего экстремизма со стороны указанных зарубежных экстремистских сил, а также ряд других факторов».¹

Процессы модернизации, охватившие весь мир, носят весьма противоречивый характер. Ускоренное развитие производства, производительных сил порождает потребность в более сложных механизмах государственного управления и политического участия. Потребности опережают в своем развитии как существующие, сложившиеся формы взаимодействия правящих элит, так и реально существующие формы общественного сознания. Рыночная экономика нуждается в сложнейших, демократических институтах согласования интересов. Султанаты и другие, исторически сложившиеся формы организации государственной власти, не поспевают за развитием. Но это совершенно не значит, что они готовы отмереть. В борьбе за свое существование, за самосохранение они переносят острие борьбы в ту плоскость, в которой имеют преимущество, в область традиционного религиозного сознания. Единобожие легко сочетается с единовластием, но плохо с экономической конкуренцией.

¹ Авдеев Ю.И., Арсеньев В.В., Найденко В.Н. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть первая) // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 108-122.

В России также проявляются подобные противоречия модернизации. Наиболее острым является имущественное расслоение, различие в доходах наиболее обеспеченной и наименее обеспеченных частей общества, а также в доходах, уровне жизни, обеспеченности социальными услугами жителей разных регионов страны.

Острая политическая ситуация в отдельных регионах с необходимостью воспроизводит территориальные претензии, ксенофобию, конфликты на национальной и религиозной почве. В сочетании с правовым нигилизмом и активной деятельностью зарубежных экстремистских структур происходят процессы, направленные на дестабилизацию социальной и политической обстановки в некоторых регионах.

Следует также признать обоснованными суждения автора многочисленных учебников, Д.В. Ольшанского о том, что к «экстремизму приводят различные факторы: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня значительной части населения, деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития, тоталитарный характер политического режима, подавление властями оппозиции, преследование инакомыслия, национальный гнёт, стремление отдельных групп ускорить решение своих задач, политические амбиции лидеров и т. д.»¹.

При анализе причин возникновения экстремизма необходимо также учитывать конкретные условия, временные, культурные и географические особенности условий формирования общественных настроений и форм поведения, которые и обуславливают уникальный комплекс детерминант экстремизма. Так, по мнению Б. Ф. Славина, применительно к России 1990-х гг., в качестве важнейших причин экстремизма, прежде всего политического, следует рассматривать: социальную поляризацию в стране, рост обнищания людей; образование маргинальных слоёв; разрушение прежних и несформированность

¹ Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: «Питер». 2002. С. 288.

новых позитивных ценностей; рост идеологической нетерпимости; правовой нигилизм¹.

Н. А. Романов, который работал в тот же период (конец 1990-х), к причинам экстремизма в России относил увеличение диспропорции в уровне доходов незначительной, но богатой части общества и основной массы бедного населения, снижения духовно-нравственного уровня общества, а также недостаточность правового воспитания людей. При этом он подчёркивает серьёзное значение межнациональных противоречий, а также внешнего фактора, а именно деятельности зарубежных экстремистских организаций на территории России².

Пытаясь определить социальные корни экстремизма исследователи находят их в современных – индустриальном и постиндустриальном цивилизационных этапах, которые с одной стороны провоцируют сложности социальной адаптации, с другой стороны – расширяют информационное пространство, а следовательно и количество субъектов, вовлеченных в социальную активность (М.П. Телякавов, Е.Г. Чуганов)³. Во многих случаях экстремизм рассматривается как проявление антисоциальности, нигилизма, уничтожение каких-либо связей с предшествующей традицией и как намеренное проявление и демонстрацию конфликтности и интолерантного отношения (Л.В. Баева, П.Е. Суслонов С.И. Чудинов)⁴. П. Е. Суслонов, подчеркивая, что экстремизм это сложное системное явление, обращает особое внимание на выделение в нем ценностно-

¹ Славин Б. Ф. Проблемы политического экстремизма в политологии // Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним.: материалы конференции (31 марта – 1 апреля 1998 г.). М.: ППО «Известия». 1998. С.135.

² Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М.: ИСПИ РАН. 1997. С.394.

³ Телякавов М. П. Экстремизм в деятельности религиозных объединений на Северном Кавказе как угроза региональной безопасности России. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Москва, 2003. 24 с. Чуганов Е. Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2008. С.236-249.

⁴ Баева, Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л.А. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 3. – С.21-26. Суслонов, П.Е. Антропология деструктивности: коллективная монография / П.Е. Суслонов, А.А. Исаев, А.Г. Кислов и др. – Екатеринбург, Уральский Юридический институт МВД РФ. – 2012. – 214 с. Чудинов С.И. Экстремизм: Симулякр или онтологическая реальность? // Исторические, философские, политические и юридические науки, Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-1 (29). С. 195-199.

мировоззренческих установок¹. А. Н. Кольев усматривает в экстремизме прежде всего отклонение от некоторой нормы, которая определяется традиционными ценностями и национальными интересами и отстаивается господствующей властью². Максимально широко рассматривает экстремизм Н. Н. Афанасьев, относя к нему все социальные процессы и феномены, в основании которых лежит применение насилия³. Хотелось бы также обратить внимание на исследование культурно-экзистенциальных трансформаций экстремизма, предложенное Римским А.В.⁴, его попытку осмыслить онтологию религиозного экстремизма.

Таким образом, в широком смысле экстремизм представляет собой социальное явление, актуализация которого обусловлена современным индустриальным и информационным развитием и особенно периодами кризисов и социально-экономической нестабильности. Экстремизм это отход от традиционных в данном обществе и в данный момент времени ценностей, норм, национальных интересов. Это всегда применение насилия, интолерантность, конфликтность, антисоциальность, нигилизм. Это всегда форма социальной деструкции, что убедительно обосновал в своей работе Гурский В.В.⁵.

Именно как социальное явление экстремизм возникает в условиях социально-экономической нестабильности, или в целом кризисной ситуации. Крайние формы идеологии и поведения в отношении господствующих политической и социально-экономической систем представляются единственно возможными для решения возникающих проблем. Крайние экстремистские меры в свою очередь предполагают буквальное разрушение уже существующей социальной системы, порождая еще больший хаос и смятение в обществе.

Однако, после проведенного анализа, следует признать, что четкого, однозначного и окончательного, всеми признанного определения термина

¹ Сулонов П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма): монография / Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2013. С.160.

² Кольев А.Н. Заметки об экстремизме. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.zlev.ru/345/htm>

³ Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 230-234.

⁴ Римский А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма. Автореферат на соискание уч. Степени кандидата филос.наук. Тула. 2012.С. 27.

⁵ Гурский В.В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений (на примере российского общества) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.филос.наук. Челябинск 2012. С.20.

«экстремизм» пока не существует. Это можно, на наш взгляд, объяснить, во-первых, размытостью и широтой самого понятия, во-вторых, интенсивностью с которой в социальности происходят события, связываемые с проявлением экстремизма в его самых различных формах. В третьих, в попытках определить экстремизм в самых различных социально-гуманитарных науках, каждая из которых выявляет свою специфику и исследует явление под соответствующим данной отрасли знания углом зрения.

В большинстве своем изучение экстремизма осуществляется в социальной, политической, идеологической, правовой, религиозной сферах. Изыскания, ориентированные на поиск глубинных внутренних оснований данного социального явления не многочисленны и в своем дальнейшем исследовании мы постараемся заполнить этот гносеологический пробел и выявить собственно сущностные характеристики экстремизма, проанализировать их непосредственную взаимосвязь с религиозным сознанием.

Понятию «экстремизм» ПАСЕ – Парламентская ассамблея Совета Европы дала определение в 2003 году. В соответствии с этим определением, экстремизм представляет собой такую форму политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии¹. Обратим внимание, что здесь уже экстремизм однозначно определяется через форму политической деятельности, то есть непосредственно связывается с политическим процессом. Действительно, даже на уровне сознания обыденного, данный термин ассоциируется именно с политическим, отчасти с религиозный дискурсом. На наш взгляд, можно указать несколько причин такой ассоциации.

Во-первых, впервые слово экстремизм стали использовать во второй половине 19 века в отношении политических партий, некоторых их действий или взглядов. Как социальный феномен экстремизм был описан уже в первой половине 20 века и тоже именно в политическом контексте.

¹ Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути предотвращения. Научная монография / Под общей ред. Проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011. С.6-7.

Во-вторых, любой экстремизм, и мы постараемся это показать в дальнейшем, несет в себе черты особой формы религиозного сознания, названной нами фанатической. И на интуитивном уровне то или иное проявление экстремизма воспринимается по аналогии с религиозным фанатизмом.

В-третьих, политический, религиозный, а также религиозно-политический экстремизм в наибольшей степени вбирают в себя все основные черты экстремизма как деструктивной формы социальной активности. В данной ситуации уместно вспомнить, что «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»¹. Поэтому изучение более сложной структуры, а именно политического, религиозного, религиозно-политического экстремизма является основанием для понимания и иных его форм, а также позволяет выявить его качественные черты, присутствующие в любой его форме безотносительно к конкретным проявлениям, что и позволяет говорить об «экстремизме вообще».

В современном социально-политическом дискурсе выделяют достаточно много различных форм, видов и типов экстремизма. При этом, в силу указанных выше причин прежде всего экстремизм отождествляют с его религиозными либо политическими формами. Но следует признать, что существует и ряд других форм экстремистского сознания и поведения, многие из которых при этом, редко осознаются таковыми.

Чаще всего важнейшим интегративным фактором классификации и систематизации различных форм экстремизма выступает субъект экстремистской деятельности, который можно рассматривать с чисто формальной, даже количественной точки зрения². Так, экстремизм может реализовываться: во-первых, в деятельности отдельных индивидов; во-вторых, в деятельности более или менее крупных социальных групп; в-третьих, в действиях больших и сверхбольших масс людей. Как следствие, это позволяет говорить об индивидуальной, групповой и массовой экстремистской деятельности. По характеру реализации и последовательности действий экстремизм можно

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 12, с. 731.

² Махмадиев Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане религиозный экстремизм... Автореферат лисс. На соиск. уч. ст. канд. юрид.наук. Душанбе. – 2012.. С.13

классифицировать на спонтанный, носящий неорганизованный, а иногда хаотичный характер, частично организованный, либо полностью спланированный, организованный, а значит и управляемый.

Кроме того, экстремизм может быть насильственным и пропагандистским, криминальным и некриминальным¹. Отечественный ученый А.А. Козлов выявил различия экстремистов по идеологической составляющей, выделив при этом националистов (ксенофобов), неофашистов-неонацистов, радикалов в области социально-экономических вопросов, религиозных экстремистских формирований, экологических и культуросохранных экстремистов и мимикрантов²

В основе классификации может лежать также не количественная, а качественная характеристика субъекта экстремистской деятельности и в этой связи можно говорить о молодежном или подростковом экстремизме. Российский исследователь В.И. Красиков, изучая возможные варианты классификации экстремизма писал, что «различия между разными формами экстремизма лежат, прежде всего, в сфере их ментальных различий»³. Так, существуют формы экстремизма, которые порождаются объективными психофизиологическими состояниями и социальными условиями («экстремизм плоти»). К ним можно отнести расизм и этнонационализм, сексизм, молодежные и криминальные субкультуры. Вместе с тем религиозный экстремизм представляет собой «экстремизм духа», то есть это такие формы экстремистского сознания, которые порождаются идеями. Именно качество проблем и конфликтов, которые становятся основанием для возникновения идеологии экстремизма и на решение которых направлены крайние меры и действия, позволяет выделить такие формы как религиозный, политический, религиозно-политический, националистический экстремизм.

¹ См. об этом: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М. Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. С. 18; Давыдов И.П. Проблемы категориального описания и квалификации, религиозного экстремизма (религиоведческий и правоведческий аспекты) // Религиозный экстремизм и фундаментализм (справочное издание). М., 2008. С. 15.

² Сайфулин И.С. Взаимодействие принципов толерантности и факторов религиозного экстремизма в политической системе современной России // Вестник ПАГС. 2014. С. 114-119.

³ Красиков В.И. Экстремизм. Паттерны и формы. М.: Изд-во «Водолей». 2009. С. 495.

В основании религиозного экстремизма лежат проблемы сущности веры, догматики, вероисповедания, ценностей, норм, культа, традиций, ритуалов и т.д. и т.п. Проблема и конфликт состоят в категорическом неприятии идей другой, какой бы то ни было религиозной конфессии или вероисповедания, пропаганда незыблемости, «истинности» одного вероучения; агрессивное отношение к иноверцам, стремление к искоренению и устранению представителей иной веры, вплоть до физического уничтожения (что очень часто имеет богословское обоснование и оправдание). Сам термин религиозный экстремизм часто употребляется при характеристике противоправных деяний или противоречащих общепринятым нормам (моральным, нравственным) со стороны отдельных групп верующих.

Политический экстремизм вырастает из всей совокупности идей и проблем, носящих политический характер, то есть касающихся власти правящей и оппозиционной. Это негативно-крайние взгляды и действия в отношении всех форм политической активности и деятельности. В отношении политической системы и организации формы управления государством. Политический экстремизм предполагает пропаганду агрессивных и насильственных, прежде всего основанных на страхе и подчинении силе, способов установления желаемой формы власти, вплоть до политического террора.

В ряде случаев выделяют еще религиозно-экономический, религиозно-социальный, а также религиозно-политический экстремизм, исходя, соответственно из целевых установок его субъектов – по удовлетворению имущественных интересов, получению коммерческой прибыли, либо по изменению социальных и политических условий существования¹. Некоторые авторы особо подчеркивают связь религиозного экстремизма с политическими отношениями. По мнению Л.А. Баширова религиозный экстремизм представляет собой «использование религиозного фактора (религиозного лозунга) для

¹ Нуруллаев А.А. Нуруллаев Ал.А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2003. - №4. С. 83-92.

реализации политических интересов методами насилия, игнорирующими государственное и международное право»¹.

С таким подходом можно согласиться, потому что в современном мире в чистом виде таких типов экстремизма как религиозный, сектантский или политический не существует. Например, религиозный экстремизм, как в целом социально-политический феномен, не может иметь чисто религиозный характер, хотя очевидно, что определенные основания зарождения жестких тенденций в самых различных вероучениях существуют. Нельзя отрицать и того, что он включает и социально-экономические и политические составляющие.

Националистический экстремизм предполагает наличие проблем и конфликтов в отношении той или иной нации, народности или этноса. Это радикальные, интолерантные, агрессивные идеи и действия (экономическое и политическое притеснение или насилие, вплоть до физического уничтожения) в отношении представителей иной национальной или этнической группы.

В силу субъективного исследовательского интереса скажем несколько слов о религиозно-экстремистских движениях в исламе. Заметим, что первые религиозно-политические движения в исламе появились уже после смерти пророка Мухаммеда. В этот период началась борьба за духовное и политическое наследие власти. При правлении Аббасидов появляется радикальное и крайне религиозное движение в средневековом исламе (См. И.П. Петрушевский)². Сегодня среди исламоведов идут дискуссии по поводу существования именно «исламского экстремизма, терроризма или фундаментализма». Среди ряда исследователей существует мнение, что экстремизм как таковой присущ исламу и выражение «исламский экстремизм» употреблять в целом правомерно. С другой стороны, есть мнение, где обосновывается, что термин исламский радикализм и экстремизм искусственен, надуман и не принципиален³. С этой точки зрения

¹ Баширов Л.А. Религиозный экстремизм: недооцененная опасность //Национальные интересы. 2008. № 2. С. 45–48.

² Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций) / Отв. редактор В. И. Беляев. — Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1966. — 400 с.

³ Резникова А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма: Роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе. Дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2005. С.160.

исламского экстремизма как такового не существует, но при этом существуют социальные группы, которые стремятся реализовать свои узкоэгоистические интересы, прикрываясь при этом лозунгами исламского экстремизма. Так, В.Х. Акаев и А.Б. Дохаев в своей статье отмечают, что «во многих западных странах предубеждения против ислама и мусульман достигли значительных масштабов. Ценности ислама и его последователи подвергаются клевете, ведется целенаправленная работа по отождествлению ислама и насилия, мусульман и террористов. Такая деятельность осуществляется теми, кто давно лишился моральных принципов, погряз в болоте бездуховности, не может найти иных путей, кроме противостояния исламу»¹. Действительно, существуют те или иные движения, которые при этом по своему реальному содержанию являются нерелигиозными неисламскими, но они выступают под знаменем ислама и прикрываются им.

Мы придерживаемся данной позиции, считая, что исламского экстремизма как такового не существует, потому Ислам представляет собой монолитную религию, внутри которой существуют различные политические, умеренные, но и экстремистские течения и организации, каждая из которых преследует свои собственные цели. Но, с другой стороны, мы согласны и с тем, что существуют в том числе и различные религиозно–экстремистские группировки, которые могут маскироваться исламом, использовать исламскую религию в своих корыстных политических и идеологических целях. Мы придерживаемся той точки зрения, что существует религиозный экстремизм как деструктивное социальное явление и не одна из существующих религий не застрахована от него: «в каждом религиозном тексте, будь он священным для христиан, мусульман или иудеев, имеются прямые или косвенные указания, санкционирующие нетерпимость или освящающие войны»². Мы присоединяемся и к мнению Е.А. Матвиенко, который подчеркивает, что необходимо уважать специфику исламской цивилизации, в рамках которой различного «рода влияние (в том числе и по поводу решения

¹ Акаев В.Х., Дохаева А.Б. Культурный синкретизм: о противоречивом единстве религиозного и светского аспектов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 26.

² Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпин Бизнес Букс. 2007. С. 147.

социально-политических проблем) может и должно осуществляться прежде всего в духовном пространстве, очерченном религией»¹. Это пространство и захватывает ничтожное количество террористов в общей массе мусульман. «Перехватить у них инициативу влияния на общественное сознание рядовых мусульман»² на пропагандистско-идеологическом фронте главная задача борцов с терроризмом и экстремизмом в странах Ближнего Востока.

Что касается попыток определить структуру экстремизма, то, как правило, это делается в отношении его конкретных форм – религиозного, политического и т.д. Однако, пользуясь идеями ряда отечественных исследователей³ обозначим общую для экстремизма в целом структуру.

Экстремизм – особое социальное явление, проявляющее себя в многообразных деструктивных формах *сознания, поведения и деятельности*.

Экстремизм – следствие совокупности внешних и внутренних причин, условий и факторов. При этом, как было показано выше, большинство исследователей признает, что детерминантами экстремизма являются внешние факторы и условия. Однако, позволим себе высказать гипотезу, что важнейшую роль в процессе возникновения экстремистских практик играет сознание и формируемая на его основе идеология. Внешние факторы, такие как условия нестабильности и кризиса (в любой из сфер социальности), падение жизненного уровня, безработица и т.д. являются важным, но недостаточным условием возникновения экстремизма. В истории можно найти множество периодов, когда наличие этих факторов, отнюдь не становилось основанием для развития экстремизма. Например, годы войны, тяжелые послевоенные и послереволюционные периоды. Более того, это может объяснить, почему экстремизм не является уделом только бедных слоев населения, он одинаково

¹ Матвиенко Е. А. Современный исламский терроризм: сущностные признаки и пути противодействия. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009, № 4 (11). С. 138.

² Там же.

³ Авдеев Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты.; См. об этом: Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. С. 18; Давыдов И.П. Проблемы категориального описания и квалификации, религиозного экстремизма (религиоведческий и правоведческий аспекты) // Религиозный экстремизм и фундаментализм (справочное издание). М., 2008. С. 15.

может вовлечь в свои сети всех, не разбирая социальных статусов и материального положения.

Однако большинство современных исследований экстремизма действительно акцентируют свое внимание именно на этих внешних факторах, что очевидно, можно объяснить их наглядной взаимозависимостью и значимостью происходящих социальных событий иногда и лично для исследователей.

В силу особенности и специфики явления экстремизма, необходимым фактором его возникновения и дальнейшей реализации экстремистских действий, на наш взгляд, является *особенное деструктивное сознание*, характеризующееся рядом специфических черт. Это сознание довольно часто являет себя как особая форма сознания религиозного (вопрос о том, что же влияет на возникновения именно такой формы религиозного сознания, был нами рассмотрен в предыдущем параграфе) и было обозначено нами как фанатическая форма религиозного сознания.

Однако, может возникнуть правомерный вопрос – если исходить из формальных признаков, то мы имеем дело именно с религиозным сознанием (в основании которого, его базовой идеей является сверхъестественное начало, бог), а значит и религиозным экстремизмом. Если же абстрагироваться от конкретной идеи последнего, то следует говорить вообще о чертах экстремистского сознания, без привязки к какой-либо конкретной сверхъестественной идее. На наш взгляд таковыми чертами являются перечисленные в предыдущем параграфе догматизм, партикуляризм, нетерпимость, бинарность мира, радикализм. Те черты, которые собственно и позволили нам назвать такую форму сознания фанатической.

Рассмотрим многочисленные другие формы экстремизма, выделяемые по признаку качества проблем, определяющих их сознание и идеологию – политический, национальный, экономический, культурный, и т.д. Очевидно, что они так же предопределяются соответствующими чертами фанатического сознания. Субъекты подобных форм экстремизма также нетерпимы к инакомыслию, считают себя единственными обладателями истины и моральных

норм, всех несогласных относят к «чужим» и свое поведение выстраивают по принципам радикализма и агрессии.

Тем не менее, все эти проявления нетерпения или догматизма порождает отнюдь не вера в *сверхъестественный объект, бога*, формы и способы преклонения перед ней. Таковым объектом выступает любая другая идея, теория или учение, порожденные качеством проблем. Такой доктриной могут выдвигаться чистота нации, уравнительное распределение благ, социальная справедливость, абсолютная свобода в творчестве и самовыражении, монархия/анархия как лучшие формы социального устройства и т.д. и т.п. Подобные и многие другие идеи могут стать объектом для переживаний, для веры, для формирования различных способов преклонения и почитания, а, в конечном счете, основанием для формирования всех, соответствующих фанатическому сознанию черт. Именно доминирование и преобладание указанных черт сознания формирует субъекта (как коллективного, так и индивидуального) способного на экстремистские поступки, на деструктивные социальные действия.

Однако следует ли полностью отказываться от идеи, что экстремизм это следствие трансформации именно религиозного с признаками фанатического сознания, на том основании, что иные виды экстремизма (политический, культурный, экономический и т.д.) в своем основании не содержат идею сверхъестественной, божественной сущности? На наш взгляд, не следует, в силу того, что эта иная идея (теория, учение) не будучи в своем основании сверхъестественной, тем не менее, обретает подобные черты и все атрибуты божественной сущности. Наиболее емко этот процесс отражает понятие сакрализации. Остановимся на нем чуть более подробно.

Само латинское *sacro* означает «освящать, объявлять священным» и предполагает процесс метаморфозы, превращения чего-либо в священное, когда буквально любой объект, произошедшее (или возможное) событие, действие, какой-то образ, человек, символ наделяется особым – сакральным, то есть сверхъестественным, священным смыслом. Обретая тем самым статус высшего,

непостижимого, обожествляемого. Подобная метаморфоза, предполагающая процесс сакрализации может происходить с любой, даже самой безобидной вещью, идеей или явлением, наделенными, при этом порой позитивным и вполне конструктивным смыслом (упоминавшаяся уже идея свободы, или лучшего социального устройства). Процесс сакрализации предполагает превращение чего-либо в предмет поклонения, наделение священными свойствами, то есть даже внерелигиозная сущность начинает обретать черты религиозности. И в этом смысле любая другая идея, или человек ее воплощающий, символ, или событие реальной жизни (идея свободы, революции, идея чистоты нации, независимости и т.д. и т.п.) становится такой же священной, божественной и непостижимой.

Основание, объект (см. предыдущий параграф) религиозного сознания, обретает все свои необходимые черты, становясь исходным пунктом для дальнейших трансформаций религиозного сознания в целом и появления деструктивной его формы, названной нами фанатической. Последняя и является важнейшим и необходимым элементом такой разрушительной формы социальной активности как экстремизм в целом.

Однако обращаем особое внимание на то, что мы все же не склонны отождествлять фанатизм и экстремизм, однако наличие и проявление черт особой фанатической формы сознания считаем необходимым элементом всякого экстремизма. В этом нет противоречия, поскольку фанатизм (как отмечалось нами выше) это самостоятельный и гораздо более сложный социальный феномен, исследование которого осуществляется в рамках «фанатологии как новой научной дисциплины»¹. Однако отдельные черты фанатического сознания, его специфические особенности могут проявлять себя и, например, в религиозном сознании, придавая ему особую форму, а в последствии и в тех или иных формах поведения и деятельности различных социальных групп и отдельных индивидов.

В большинстве случаев фанатизм в своем основании имеет нетрадиционную утопическую идеологическую программу, некие иллюзорные идеалы в

¹ Яхьяев В.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://www.dissercat.com/content/religiozni-fanatizm-kak-sotsialno-istoricheskii-fenomen#ixzz3naFlwtvm>

соответствии с которыми и реализуется попытка радикального (экстремального, деструктивного) преобразования. Главное различие находится в мотивации и целях этих форм деструктивной социальной практики. По сути, и фанатизм, и экстремизм - это по-разному мотивированные способы реакции разных социальных субъектов на критические социальные ситуации. Однако реальность всегда сложнее и многообразней, нахождение и обозначение четких границ тех или иных явлений возможно только в исследовательской практике, предполагающей идеализацию и абстрагирование. В реальности экстремизм и фанатизм такие формы сознания и поведения, которые могут переходить одна в другую, порой сливаться друг с другом, и даже выступать вместе.

Подводя итог данного параграфа, отметим следующее.

1. В широком смысле экстремизм это социальное явление, актуализация которого обусловлена современным индустриальным и информационным развитием и особенно периодами кризисов и социально-экономической нестабильности. Это отход от традиционных в данном обществе и в данный момент времени ценностей, норм, национальных интересов. Это всегда применение насилия, интолерантность, конфликтность, антисоциальность, нигилизм. Это всегда форма социальной деструкции.

2. Взаимосвязь феномена экстремизма с политическим и религиозным дискурсом проявляется в том, что: Во-первых, впервые экстремизм как социальный феномен впервые был описан именно в политическом контексте. Во-вторых, религиозный, а также религиозно-политический экстремизм являются предельно выраженными формами последнего, в наибольшей степени вбирают в себя все основные черты экстремизма вообще как деструктивной формы сознания и социального действия; В третьих, в основе экстремистских практик и действий лежит фанатизм как деструктивная форма религиозного сознания

3. Возникновение экстремизма – следствие наличия целого ряда причин, условий и факторов, которые можно обозначить как внешние (социально-экономическая нестабильность, кризисы, безработица и т.д.) и внутренние (наличие особого сознания, на основе которого выстраивается идеология).

4. Мы склонны не преувеличивать значимость внешних факторов, считая их важной, но недостаточной причиной. Более важным фактором является наличие особой трансформированной формы религиозного сознания, особенности которого позволяют обозначить его как фанатическое религиозное сознание. Необходимость наличия и доминирования особой формы религиозного сознания (фанатической) в наиболее социально-опасных и распространенных типах экстремизма – религиозном и религиозно-политическом, будет показано в следующем параграфе нашего исследования.

2.2. Экстремизм: качественные характеристики и приобретаемые черты

Экстремизм как понятие, имея достаточно широкий смысл, в реальной жизни, обретая черты конкретного феномена, проявляет себя в виде своей определенной формы. О многообразии этих форм было сказано в предыдущем параграфе. Тем не менее, можно говорить о некоторых общих характеристиках для всех форм экстремизма, для так называемого «экстремизма вообще», некоей абстракции, использование которой возможно и оправдано в теоретическом дискурсе. Исследование абстракции позволяет определить сущностные или внутренние черты феномена экстремизма, то, без чего последний перестанет быть самим собой, а, следовательно, и воздействие на которые, изменение которых влечет изменение и самого феномена. При этом следует помнить, что абстракция никогда не воплощается в реальность в чистом виде, она всегда приобретает внешние для ее сущности, вариативные черты, которые и определяют ее тип, вид или форму. Абстракция разворачивается в реальности, воплощается в ней, теряя при этом свою абстрактную сущность, обретая свои конкретные характеристики, которые могут изменяться в зависимости от целого комплекса внешних условий и факторов. Такой метод – восхождение от абстрактной сущности к конкретным явлениям – достаточно распространен в современном анализе социальных

явлений и дает неплохие результаты¹. Опираясь на анализ современного теоретического дискурса относительно экстремизма и его различных форм, используя указанный метод, определим «экстремизм вообще» и развертывание его наиболее распространенных на сегодняшний день форм – религиозного и религиозно-политического.

Как мы уже отмечали, в широком смысле экстремизм представляет собой такой социальный феномен, актуализация которого приходится на периоды кризисов и социально-экономической нестабильности, это важные внешние факторы придающие экстремизму его конкретные формы воплощения. Но как таковой экстремизм предполагает признание иных, нежели традиционные в данном обществе и в данный момент времени, идей, ценностей, норм, интересов. В этом проявляется его деструктивная сущность, его неприятие традиционных устоев, носителями которых чаще всего выступают «чужие», те кто противостоит самим экстремистам. Формулируемые и признаваемые экстремистским сознанием идеи, теории, ценности становятся основанием для догматизации, потом и для сакрализации, и для партикуляризации, превращаясь в объект религиозного сознания и трансформируясь в его деструктивную форму. Последняя дает толчок формированию нетерпимости по отношению ко всем кто эти идеи (теории, ценности) не признает, или допускает нечто отличное от них. Мир делится на своих и чужих, в отношении которых возможны только крайние и радикальные меры и поступки, предполагающие насилие и агрессию, как средство их обезвреживания или уничтожения. Экстремизм не признает какой-либо толерантности и как следствие всегда конфликтен и деструктивен по существу.

Применительно к нашему исследованию отметим особо, что наличие особой трансформированной деструктивной формы религиозного сознания необходимая сущностная черта экстремизма вообще. Любой экстремизм (политический, религиозный, экономический, культурный) с необходимостью

¹ Билалов М.И. Суфизм и познавательная культура. Махачкала, Изд-во, ГУП Даг.кн. 2003. С.120. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы, генезис и эволюция. Автореф... д-ра философ. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 36.; Виноградова Н.Л. Диалогическая сущность социального взаимодействия. Автореф... д-ра философ. наук. Волгоград, 2007.С. 38.

предполагает религиозное сознание в его особой трансформированной форме – фанатической, уточним еще раз – которой присущи черты деструктивности. Такое сознание всегда догматично, интолерантно, партикулярно, бинарно в восприятии и оценке мира, радикально. Это сознание является основанием для формирования радикальной идеологии, реализация которой всегда конфликтна, агрессивна и насильственна.

Мысль о том, что экстремистские практики (деятельное проявление экстремизма как такового) имеют религиозное измерение, звучит не только в научных публикациях, но и в публикациях и документах, освещающих политические и правовые стороны исследуемого нами явления. При этом указанное измерение оказывается доминирующим, «поскольку предполагает способность и устремленность индивида к выходу за рамки обыденности и условностей, «за край»¹. Касается это, как отмечают, не только собственно тех или иных религиозных течений и движений, относительно новых, или имеющих солидный стаж существования и чья конфессиональная принадлежность может быть определена достаточно четко, но и группировок, формально не являющихся религиозными.

Мы согласны, что «структура экстремистского сознания (подчеркнем *любого* экстремистского сознания – С.Я.) во многом соответствует интенциям религиозного сознания, они имеют общее происхождение и природу»². Однако, мы склонны все же добавить – *не всякое* религиозное сознание, а его особая деструктивная форма. Религиозное сознание может выполнять и позитивные, созидающие, конструктивные функции (см. предыдущую главу), поэтому однозначно рассматривать его как инициирующее экстремистские практики будет и не корректно и не верно по существу.

Обратим внимание и еще на один вопрос: существует ли зависимость между распространенным в том или ином обществе религиозным сознанием и уровнем

¹ Противодействие коррупции и экстремизму // Роль новых религиозных движений в генезисе экстремистских практик Электронный ресурс. Режим доступа <http://studygur.ru/doc/1752024/rol.-novyh-religioznyh-dvizhenij-v-genezise-e-kstremistskih>

² См. там же.

конфликтности данного социума. Допустимо ли говорить, что то или иное религиозное сознание или религия в целом провоцируют в силу своих содержательных особенностей конфликты, агрессию, экстремизм? Для этого можно проследить частоту появления этнорелигиозных конфликтов в различных цивилизациях. Обозначим традиционно выделяемые цивилизации: западные (европейская и североамериканская), восточные (индийская, исламская и дальневосточная), так называемая евразийская цивилизация, которая включает Россию и страны СНГ, кроме того иудейская цивилизация и латиноамериканская.

Индийскую цивилизацию можно охарактеризовать, как нейтральную «в отношении к внешним воздействиям, что вызвано явным религиозным уклоном в сторону потусторонних проблем (поиски Абсолюта, забота об улучшении кармы и т.п.)»¹. Она опирается на принцип жизне- и миро-отрицания, который, по словам Альберта Швейцера, «предполагает отсутствие всякого интереса к миру»². С. М. Поздеева называет эту цивилизацию «индо-буддийской», с «традиционалистски пассивной»³ особенностью, поскольку она не стремится к расширению геокультурного ареала. Индуизм исповедует веротерпимость, что позволяет ему мирно сосуществовать с другими религиями. Индуизм включает в себя многочисленные секты, каждая из которых имеет собственного гуру - учителя, имеющему авторитет среди адептов, что является благоприятной почвой для фанатизма. Религиозный запрет на убийство животных, ядовитых змей могут привести к противоречиям с представителями других конфессий. Из-за этого Индия вошла в тройку стран, которые серьезно столкнулись с терроризмом и пострадали от него. При этом в данном случае терроризм, имеет преимущественно этноконфессиональный характер. Первенство в этой тройке принадлежит США и России⁴.

¹ Поздеева СМ. Влияние религиозных ценностей на менталитет Запада и Востока //Религия в ценностных измерениях: Материалы научной конференции. - Уфа: Изд-е Башкирского университета, 2000. С. 18.

² Этика Альберта Швейцера и индийская мысль. Фрагменты из книги «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика» // Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 212.

³ Поздеева СМ. Влияние религиозных ценностей на менталитет Запада и Востока // Религия в ценностных измерениях: Материалы научной конференции. - Уфа: Изд-е Башкирского университета, 2000. С. 18.

⁴ См.: Коммерсант, 13.09. 2004. <http://www.kommersant.ru/daily/2004-9-13>

Сложны и отношения между индуистами и мусульманами, приведшие к отделению мусульманского Пакистана от Индии. Ситуация усугубляется многочисленными терактами, совершаемыми мусульманами против индуистского населения. Известно, что в индийском штате Джамму и Кашмире с 1988 по 2007 гг. произошло шестидесяти тысяч различных терактов и похищено более двух с половиной тысяч человек¹. Там существует известное религиозное противостояние между сикхами и индуистами, которое в 1984 г привело к совершенному сикхами убийству премьер-министра Индии Индиры Ганди. Они же становились виновниками многочисленных погромов в различных городах страны. Существуют и «работают» такие экстремистские организации, как «Тигры освобождения Тамил Элама», сикхские и кашмирские боевики², преимущественно имеющие этнорелигиозный характер.

Японская и китайская (синская) цивилизации объединены в так называемую дальневосточную цивилизацию. В рамках этой цивилизационной системы исповедуются многообразные религиозные верования, такие как конфуцианство, которое скорее является этическим учением, нежели чем религией, синтоизм, религия Японии; махаянистское течение буддизма, тесно связанное с даосизмом, конфуцианством, синтоизмом и прочими местными верованиями, характерными для народов данной цивилизации. В рамках последней также формируются религиозные секты, часто фундаменталистского толка, как, например, «Аум-Синрикё».

Другая восточная цивилизация – мусульманская, которая является наиболее однородной, выступающей как образ жизни. Утверждение единственности и единства бога – Аллаха, часто повторяющиеся в Коране призывы не придавать ему никого в «сотоварищи», прежде всего направлены против старых политеистических верований арабских арабов, а также против христианских

¹ Forces bring down terror in Jammu and Kashmir II // The Economic Times. 16.01.2008. Электронный ресурс. Режим доступа. <http://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/forces-bring-down-terror-in-jammu-kashmir/articleshow/2703331.cms>. Последнее обращение 21.11.2016.

² Дробот Г.А. Международный терроризм как объект изучения // Социально- гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 64.

догматов – «Троицы», «боговоплощения» и «воскресения»¹. В настоящее время в мире действуют такие террористические организации как: созданное в Египте: «Общество братьев-мусульман»; действующая за пределами арабо-мусульманского мира «Джамаат Исламия»; действующая преимущественно на территории Индии и Пакистана «Лашкар-и-тайба», связанная с арабо-израильским противостоянием в Ливане и Палестине «Хезболла»; действующая на территории Палестины «Хамас»; разветвлённая сеть террористических организаций «Аль-Каида», а также ваххабиты², талибы³ и прочие.

Западная цивилизация, в основании которой лежит западный вариант христианства – католицизм и протестантизм породила европейца, западного человека, про которого К. Юнг писал, что он постоянно живёт в ожидании милостей, дарованных за послушание. Но при этом он пребывает в состоянии перманентной борьбы со всем окружающим миром, который он при этом стремится переделать, пытаясь реализовать свои претензии на могущество, богатство, власть и признание⁴. Западный человек ориентирован на действие, на изменение окружающего его мира в соответствии с теми идеальными моделями мира, которые он рисует в своей голове.

Соединённые Штаты Америки и Канада относятся к Североамериканской цивилизации. США представляет собой многонациональное государство, и как следствие имеет на своей территории самые различные вероисповедания. Но уже на протяжении долгого времени, определяющей религией здесь является западное христианство. Помимо религиозных проблем здесь всегда остро стояла проблема расизма, хотя юридически она сравнительно давно была решена. Тем не менее, периодически обозначается по-прежнему ее актуальный характер, о чем свидетельствуют статистические данные преступлений, направленных на

¹ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 224.

² В.Х. Акаев Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом / Исламоведение. 2010. № 4. С.4-17.

³ См.: Нуриев Д.А., Якупов М.Т. Социальное и морально-этическое учение ислама как оппозиция духу экстремизма: Монография. - Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. С. 82 -124.

⁴ Галиуллина Г.С. Восток и Запад в сознании современных башкир или религиозный аспект их национального возрождения // Религия и духовность: Сборник статей. - Уфа: Гилем, 1995. С. 85-87.

представителей другой национальности, другой расы, и, соответственно, вероисповедания.

Европейская цивилизация это государства Западной и частично Восточной Европы, национальный состав которых более однородный. Однако большую озабоченность у населения этих стран вызывает огромное количество иммигрантов, стекающихся, по преимуществу, из Азии и Африки. Данная тема является особенно актуальной и острой в последнее время. Она постоянно звучит с экранов телевизоров, и становится предметом обсуждения различных дискуссий и «круглых столов». Война в Сирии породила огромное количество беженцев, которые пытаются найти спасение в цивилизованной Европе. Решение этого вопроса сложно и неоднозначно, он выходит за рамки проводимого нами исследования, поскольку выводит в политический дискурс. Хотя прикладная значимость нашего исследования находится именно в политическом и религиозном пространстве, пространстве реальной жизни реальных людей. Следствием большого наплыва мигрантов в Европу становится экстремизм и терроризм, имеющие этнический характер. Однако существуют и такие экстремистские и террористические организации, деятельность которых направлена против представителей других религиозных групп, например между католиками и протестантами.

Если католицизм отличается строгой централизацией, запрещает мирянам читать и толковать Библию, заставляя тем самым чувствовать свое от церкви зависимое положение, то протестантизм признаёт право каждого верующего обращаться непосредственно к богу, минуя церковь, как ненужного посредника и рассматривая ее лишь как добровольное объединение индивидов. В этом случае религия представляет собой лишь связующее звено между верующими¹. Отечественный исследователь В.И. Гараджа пишет, что протестантизм в этом случае «превратил мирян в попов», при этом он не только освободил общество от религиозной нетерпимости и проявлений фанатизма, но, скорее наоборот, придал

¹ Гараджа В.И. Протестантизм. - М.: Политиздат, 1971. С. 19-35.

им гораздо большую остроту и размах¹. По мнению М. Вебера протестантизм достаточно быстро осознал, что насилие может выступать средством защиты веры. Война за веру была известна и католицизму ещё в эпоху Средневековья, наиболее ярким доказательством чему являются Крестовые походы. Группировки религиозных террористов можно назвать и в Европе, например, «Народная католическая армия», возникшая на территории Испании².

Для евразийской цивилизации характерно большое разнообразие и вероисповеданий и национальностей. Это все уже упомянутые выше – буддизм, иудаизм, христианство и т.д. Наибольшую опасность и угрозу представляют исламские боевики-сепаратисты, например, такие, как террористическая организация так называемых «ваххабитов». Можно проследить и определенные изменения и среди православных верующих, по крайней мере, тех, кто считает себя с таковыми. Среди них также можно обнаружить экстремистски настроенные религиозные группы³.

В качестве самостоятельной иудейская цивилизация, чаще всего, не выделяется. Как правило она рассматривается в качестве составной части цивилизации Запада, а в религиозно-культурном контексте её называют иудеохристианской религией. Центром иудейской цивилизации является Израиль. Возникновения конфликтности в данном случае связаны с соседствующими исламскими.

Латиноамериканская цивилизация представляет собой смешение католицизма с языческими верованиями аборигенов. Хотя С. Хантингтон полагает, что латиноамериканскую цивилизацию можно считать составной частью западной цивилизации⁴. Однако, следует признать, что Латинская Америка и западный мир во многом различны и прежде всего по своей культуре,

¹ Гараджа В.И. Протестантизм. - М.: Политиздат, 1971. С. 25 - 35.

² Дробот Г.А. Международный терроризм как объект изучения // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 1. С. 66.

³ Переосмысляя современность (Материалы международной конференции) // Политические исследования. 2003. № 3. С. 17.

⁴ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. С. 571.

мировоззрению, менталитету. Исторический путь этих стран был принципиально разным, а в некоторые исторические периоды случалось и их противостояние.

Африканская цивилизация включает в себя страны африканского континента, свободные от исламской религии. У африканских племен нет общей культуры, при этом слабо выражено чувство идентичности с данной цивилизацией. Если случаются экстремистские или террористические выпады, то они носят массовый характер. По мнению А.В. Кива и В.А. Федорова, подобная разновидность вид террора имела место во время различных крупных конфликтов в Уганде, Центрально-Африканской Республике, между различными этносами, например между тутси и хуту, в Руанде и Бурунди¹.

Таким образом, в той или иной степени конфликты на религиозной почве присутствуют во всех культурно-религиозных областях мира, что доказывает невозможность вывода о большей конфликтогенности какой-либо традиционной религии. И именно поэтому у нас есть основания говорить о сущностных чертах экстремизма вообще, не привязывая его ни к каким-либо конкретным формам, ни к какому-либо конкретному религиозному сознанию.

Однако нельзя и не признавать тот факт, что, например, в России наиболее проблемным представляется именно «исламский фактор». И хотя отмечены случаи, когда причиняется вред религиозным зданиям, принадлежащим как Русской православной церкви, так и другим религиозным организациям, однако они не носят организованный характер, мотивируются сатанистскими или неоязычными обрядами. Существующий в России буддизм – толерантен и неагрессивен, иудаизм представляется как исключительно этническая религия. Поэтому когда речь заходит о религиозном экстремизме именно в России, то в первую очередь следует говорить об исламском экстремизме. Этот вывод подтверждается прежде всего тем, что подавляющее большинство экстремистских выпадов в виде террористических актов совершалось исламскими группировками радикального толка северо-кавказского происхождения (взрывы жилых домов в Москве, Норд-Ост, захват школы в Беслане, взрывы транспорта и вокзала в

¹ Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. 2003. №1. С. 132.

Волгограде). Но в отличие от стран Европы, где население мусульманского вероисповедания представлено в основном мигрантами, в России – «это коренное население ряда субъектов федерации, где ислам исторически занимает лидирующее положение»¹

Если говорить об экстремистском сознании, то оно действительно соответствует основным чертам деструктивной формы религиозного сознания, названной нами фанатической. Прежде всего, оно всегда бинарно, двойственно, иногда говорят – «дуалистично». В мире не существует полутонов, а окружающая действительность однозначно делится на «истину» и «ложь», «добро» и «зло», «гармонию» и «хаос», «правоверных» и «иноверцев» и т. п. Борьба между ними неизбежна, поэтому конфликтность, противостояние изначально присущи мирозданию, являются его нормальным состоянием. Партикуляризм (еще одна черта деструктивного религиозного сознания) экстремистского сознания порождает убежденность в правоте своих идей и целей, своей морали, как следствие исключительно высокую самооценку, гордость за себя и ближайшее окружение, которое противопоставляется всему остальному – хаотичному, злему и лживому миру. Вполне очевидной становится невозможность компромисса с таким миром. Только борьба и уничтожение чужих. Последнее и порождает особо агрессивное, конфликтное поведение. Как видим – практически полное соответствие деструктивному религиозному сознанию. Хотя в данном случае не указывается базовая идея (теория, посыл), становящаяся основанием для такого мировоззрения.

Смоделируем дальнейшее развитие ситуации. В первом случае предположим преодоление, слом, разрушение чужого, злого мира (социального порядка) и возможную попытку создания нового общества. «Это путь революции, который возможен только в условиях глубокого социального кризиса и наличия радикальных элементов, готовых к активным публичным действиям»². История

¹ Старостина С.А. Пилявец С.В. Актуальные проблемы противодействия религиозному экстремизму в России. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Государство. Общество. Право С. 106-111.

² Там же.

знает подобные сценарии развития ситуации, и свидетельствует о том, что это всегда сценарий кровопролития, жестокости, ненависти, истребления большого числа людей, большинство из которых являются мирными жителями, часто аполитичными и нерелигиозными.

Возможен и второй вариант, который определяют условия социальной стабильности, но при этом неготовности общества в целом к каким-либо радикальным изменениям. Более того массовая поддержка таких экстремистских групп со стороны широких слоев населения оказывается невозможной и они проявляют активность только в рамках собственной контркультуры (субкультуры), периодически заявляя о себе агрессивными и разрушительными выпадами и действиями. «Такой вариант можно назвать эскапизмом, т. е. бегством от социальной реальности»¹.

Указанные черты экстремистского сознания также универсальны и в полной мере соответствуют «экстремизму вообще», обретая вполне конкретные идейные черты в самых различных исторических эпохах и на разной идейной основе. В качестве примера, но в специфическом конкретно-историческом преломлении могут выступать и иудейское движение зилотов, и средневековые квазихристианские секты, и русские революционеры-разночинцы и современный радикальный исламизм.

Но нельзя оставаться на уровне абстракции, чтобы понять суть конкретного явления. Необходимо рассмотрение процесса воплощения, развертывания различных конкретных форм экстремизма. Как отмечалось ранее, именно религиозный и политический экстремизм вбирают в себя в наибольшей степени все черты и характеристики экстремизма вообще как его наиболее зрелой формы.

В настоящее время экстремизм на религиозной почве или религиозный экстремизм признается его наиболее опасной формой. При его определении исследователи обращают внимание на многие из уже обозначенных нами черт «экстремизма вообще», однако, выделяя и специфические для данной конкретной формы экстремизма черты. Качественный анализ религиозного экстремизма

¹ Там же.

представляет в своей статье Ю.И. Авдеев¹, отмечая, что «с самых ранних этапов существования религиозного экстремизма, его проявления – в различной степени и форме – отмечаются как во внутриконфессиональных, так и внеконфессиональных отношениях, выражаясь в посягательствах на жизнь, здоровье, свободу и собственность физических лиц, здоровье и нравственность населения, гражданский и международный мир, безопасность государства и других².

Е.В. Забарчук при определении религиозного экстремизма обращает особое внимание на деятельность в сфере межрелигиозных отношений, предполагающую «насильственные попытки навязывания обществу определенной системы воззрений, а также обоснование или оправдание такой деятельности»³. С позиции религиоведения религиозный экстремизм определяется как «религиозный тип религиозной идеологии и деятельности, который отличается крайним радикализмом, ориентированным на бескомпромиссную конфронтацию, резким ростом напряженности внутри религиозной группы и в социальном окружении. Целью религиозного экстремизма является реформирование существующей религиозной системы. Следствием экстремизма религиозного в религиозной жизни является конфронтация внутри конфессий, которая приводит либо к подавлению радикального течения, либо к расколу и появлению нового религиозного движения, секты»⁴.

Особое внимание большинство исследователей уделяет именно религиозному сознанию, подчеркивая при этом значимость и структурную необходимость религиозной идеологии, деятельности и организации. Именно состояния особого рода религиозного сознания выступают как предпосылка, мотивационная основа «стихийных и организованных массовых насильственных

¹ Авдеев Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. - 2013. С.7.

² Там же. С.

³ Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // «Журнал российского права», 2008. № 6. С.3-10.

⁴ Забияко А.Л. Экстремизм религиозный // Религиоведение. Энци. словарь. – М.: Академический проект. – 2006.. 1220 с.

экстремистских действий, в том числе преступлений ненависти, массовых беспорядков, мятежей»¹. Кроме того религиозный экстремизм особенно распространен в силу того, что «религия как форма общественного сознания отличается высокой консервативностью и устойчивостью. Религия переживает социальные катаклизмы, сохраняя в неприкосновенности основы вероучения и приспособлявая их с помощью толкования к новым социально-политическим укладам»².

Конкретное проявление экстремизма предполагает какую-либо вполне определенную сферу, по логике это должна быть сфера религиозных отношений. Так, Л.А. Баширов пишет, что «многие эксперты понимают взгляды и действия радикальных, фанатично настроенных религиозных кругов в рамках отдельных конфессий, которые ставят перед собой преимущественно религиозные цели... Предполагается, что религиозный экстремизм проявляется в крайнем религиозном рвении, нарушении законов, неповиновении органам власти, умышленном создании напряженности в отношениях между верующими внутри конфессий, в стремлении к максимальной изоляции единоверцев от инорелигиозной среды, в разжигании религиозного фанатизма и агрессивности в насаждении и отстаивании своих верований»³.

Нередко религиозный экстремизм с политикой и национализмом, образуют религиозно-политический радикализм. Со стороны экстремистских группировок организуются массовые беспорядки и акты гражданского неповиновения с целью дестабилизации и разрушения существующего общественного порядка. Эти действия могут дополняться проведением террористических акций и ведением партизанской войны с отрицанием возможностей применения переговоров и достижением соглашения для преодоления конфликтных ситуаций с

¹ Авдеев Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. - 2013. С.8

² Старостина С.А., Пилявец С.В. Актуальные проблемы противодействия религиозному экстремизму в России. // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Государство. Общество. Право. - Калининград: Изд-во Калининград. филиал СПбУ МВД России, 2014. № 1 (35). С. 106-111.

³ Баширов Л.А. Религиозный экстремизм: недооцененная опасность // Национальные интересы. – 2008. № 2. С. 46.

представителями официального политического режима. Религиозный экстремизм практически всегда проявляет черты агрессивного фанатического сознания, когда возведенный в абсолют этический релятивизм способен оправдывать любые насильственные действия по отношению к инакомыслящим людям, в том числе убийства для достижения клерикальных целей. Это может быть подкреплено тактикой ведения информационного терроризма с получением как можно более полной информации о своих противниках для последующих действий по их устранению.

Внешние условия и факторы придают экстремизму, как отмечалось выше, его конкретные формы. Так, одной из основных причин формирования религиозного экстремизма может оказаться проявление отрицательной реакции консервативных религиозных кругов по отношению к секуляризации и современной трансформации общественной жизни с расширением влияния светской культуры и науки. Со стороны религии осуществляется попытка возврата, якобы, к утраченным первоначальным основам (фундаменту - отчего происходит понятие «фундаментализм») религиозного учения и чистой веры без поздних наслоений со стороны грешного окружения. На современном этапе развития термин «религиозный экстремизм» характерен для мировых авраамических религий – христианства и ислама. Проявляется феномен глобального экстремизма как единой угрозы существующего мирового порядка со стороны различных религиозных течений.

В рамках этих течений происходит апелляция к непоколебимости соответствующих священных текстов (Коран, Библия, Тора) с установкой на буквальное следование им с однозначным пониманием их идей. На практике это проявляется в ориентации сторонников того или иного религиозного течения на версию истолкования священного писания лидеров данного течения. Отрицается всякий плюрализм точек зрения по отношению к сущности Бога и проявления божественной воли. С этим сопряжено представление о преобладании в мире грехов и порочных явлений, что связано с необходимостью разрушения существующего общественного порядка и построением нового, как правило,

совершенного утопического миропорядка. Исходя из религиозной аксиомы, утверждающей греховность человека и его неспособность адекватно воспринять божественный призыв и следовать законам, которые ниспосланы свыше, религиозные экстремисты предлагают восстановить в мире такой порядок, который будет опираться на абсолютный авторитет действующей от имени Бога религиозной власти.

Однако современный социальный мир, многообразные социальные движения, противоборства и противостояния показывают, что религиозные идеи, лозунги, теории, призывы, которые часто мотивируют людей на агрессивные и насильственные действия, активно используются и в других сферах и для достижения совсем других целей. Так он может проявлять себя в этнической или национальной сфере, преобразуясь в этнорелигиозный (национально-религиозный), в политической сфере, обретая черты религиозно-политического экстремизма, или в социальной сфере, становясь, соответственно социальным религиозным экстремизмом¹.

Религиозный экстремизм нередко взаимосвязан с происходящими на территории отдельного государства или международной сфере политическими процессами. И в этом смысле он представляет собой мотивированную или закамуфлированную религиозной идеологией деятельность, направленную на «насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти»². Основу такого экстремизма также составляет деструктивное сознание, которое проявляется в необходимости разрушения существующего общественного строя с построением утопической чисто идеальной системы общественного благоденствия через подавление всякого сопротивления данному процессу в обществе.

¹ Давыдов И.П. Проблемы категориального описания и квалификации, религиозного экстремизма (религиоведческий и правоведческий аспекты) // Религиозный экстремизм и фундаментализм (справочное издание). – М., 2008. С. 15.

² Нуруллаев А.А. Религиозно-политический экстремизм. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.scienceport.ru> Последнее обращение 30.10. 2015.

Особенности именно религиозно-политического экстремизма состоят в направленности его действий и деятельности на насильственную смену государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства. Именно преследование политических целей дает возможность отличить религиозно-политический экстремизм от религиозного экстремизма. По названному признаку он отличается также от различных видов экономического, экологического и духовного экстремизма. При этом религиозно-политический экстремизм камуфлирует свою деятельность и политические цели религиозными идеями или лозунгами, что позволяет именно по этому признаку отличать его от этнонационалистического, экологического и других видов экстремизма, у которых существует иная мотивация.

Как и любой другой, религиозно-политический экстремизм не признает возможность компромиссных и переговорных путей решения социально-политических проблем, при этом его сторонники отличаются особой нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, к таковым они относят и единоверцев. Это – один из факторов, позволяющих выявить именно политическую подоплеку данного вида экстремизма. Для них не существует границ дозволенного и недозволенного, не существует никаких «правил политической игры». Противостояние государственным институтам, постоянная тайная и явная борьба с ними – один из признаков этого экстремизма. Религиозно-политический экстремизм не признает принципа «золотой середины», ему чуждо требование «поступай по отношению к другим так, как ты хотел бы, чтобы они поступали по отношению к тебе». А ведь именно эти принципы являются основополагающими для всех мировых религий. Основными средствами в арсенале их борьбы являются крайняя жестокость, насилие и агрессивность, которые могут сочетаться с некоторой демагогией.

Те лидеры, которые для достижения политических целей используют религиозные идеи и лозунги, прекрасно понимают эффективность таких манипуляций. Именно религиозные учения, образы, символы всегда были

наиболее простым и результативным средством для привлечения людей, убеждения их, мобилизацию на жестокие действия и бескомпромиссную борьбу. Кроме того, люди, связанные религиозными клятвами оказываются в ситуации «невозможности возврата», в безальтернативном будущем. При этом, даже в ситуации осознания неправомерности и несправедности своих действий, в ситуации избавления от иллюзий уже приобщенные к экстремистской идеологии люди не смогут просто покинуть ряды формирования и уйти из него. Страх это сделать будет мотивироваться не предательством политических убеждений, а прежде всего предательством своей исконной религии выступлением против веры и Бога.

По мнению Н. Наматова понятие «религиозно-политический экстремизм» прежде всего, позволяет, «более четко отделить явления, происходящие в религиозной сфере, от действий, совершаемых в мире политики, но имеющих религиозную мотивацию и религиозный камуфляж»¹.

На региональном уровне, примером этого может служить ситуация в России, а именно на территории Северного Кавказа, действия религиозных фундаменталистов происходит в определенном порядке. Под видом обучения истинам ислама с мотивировкой того, что в период существования Российской империи и эпоху СССР ислам в регионе искажен. Осуществляется обучение и пропаганда экстремистской идее с организацией устойчивых групп, призывающих к борьбе за восстановление истинного ислама². В ходе нелегальной борьбы с официальной государственной властью происходит укрепление идеологии ведения «священной войны против неверных», а также искусственно создается имидж борцов за народные интересы в виде отстаивания основ мусульманской веры. Производится установление тесных контактов с последующим объединением с другими экстремистскими организациями. Это сопряжено с поддержанием связи с зарубежными исламскими центрами

¹ Наматов Н. Религиозный экстремизм в центральной Азии. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ca-c.org> Последнее обращение 5.11.2015.

² Битехтина Л.Д. Религиозное сознание — различительные особенности и специфические признаки [Электронный ресурс] / Л.Д. Битехтина. Режим доступа: <http://www.psy-expert.ru/publ/15-1-0-31> Последнее обращение 5.11.2015.

ваххабизма. Спекулируя на религиозных чувствах населения, исламские экстремисты стремятся изменить существующий конституционный порядок самыми разнообразными методами.

Однако следует напомнить, что понятие «общины» является узловым и в русской православной конфессии. В обеих религиях – и в исламе, и в православии приоритет отдается коллективистскому началу, а не индивидуалистскому. Личные интересы оказываются вторичными по сравнению с долгом перед общиной. Именно приоритет последних помогает каждому отдельному человеку и общине в целом выживать в сложных социальных, а порой действительно экстремальных условиях. Это помогает и в процессе осознания членами общины себя, и в процессах поиска собственной идентичности. Особенности же современного исламского модернизма в допустимости пересмотра и реформирования исламского духовного и социального учения в соответствии с требованиями сегодняшнего мира. Становится возможной более широкая трактовка правовых, экономических, политических и социальных принципов ислама (двери Джихада открыты). А в последствии с учетом насущной ситуации и выработка новых моделей развития. Главное отличие фундаментализма в исламе от православного фундаментализма в том, что он ставит целью жизненную важность существования общины (ислам базируется на понятии общины), стремится создать новую общину на всемирном, глобальном уровне с определенной всеобщей социальной идеологией. Не отвлекаясь на дальнейшие рассуждения о различиях и сходных чертах фундаментализма в обеих религиях, заметим только, что для исламского фундаментализма характерно неприятие национализма, призывы к братству всех мусульман, в то время как православный фундаментализм допускает призывы к национальным чувствам¹.

Согласно мнению ряда исследователей религиозно-политический экстремизм характеризуется следующими чертами: «наличием особой миссии, сформированной на основе религиозного опыта или оценки религиозных текстов;

¹ Карпицкий Н. Становление религиозного сознания [Электронный ресурс] / Н. Карпицкий. – Режим доступа: <http://tvfi.narod.ru/soznan.htm>, Последнее обращение 5.11.2015.

культом собственной исключительности и превосходства, радикальным самоотличием религиозной группы по отношению к другим религиозным группам и секулярному обществу в целом, наличие аристократичного кодекса поведения (сопоставление себя с «аристократией духа»); собственной субкультурой, наполненной духом экспансии; высокой групповой сплоченностью и корпоративностью; наличием религиозной доктрины преобразования мира, пусть даже путем его отрицания; активность отличительного противостояния по отношению к «чужим»; агрессивность к обществу и другим религиозным группам»¹.

В контексте нашего исследования экстремизма данная конкретная форма экстремизма с необходимостью включает выделенные нами сущностные черты «экстремизма вообще». Религиозное сознание в его деструктивной форме порождает и особую миссию и культ собственной исключительности и свое противопоставление другим, порождающее экспансию, агрессию, нетерпимость. При этом в данном случае отличительной чертой выступает корпоративная сплоченность, субкультура, отличительный кодекс поведения. Все последнее можно назвать теми самыми конкретными формами воплощения и проявления экстремизма.

Таким образом, кроме прикрытия политических целей религиозными убеждениями, для религиозно-политического экстремизма характерна особая организация деятельности собственно экстремистских организаций и структур. Они носят подпольный характер, они четко структурированы, иерархизированы, в них господствует дисциплина, действует система поощрений и наказаний, реализуется максимальный контроль над личностью, сознание которой претерпевает катастрофические изменения. Группы лиц с измененным и подвластным манипуляции сознанием – главная опора экстремистских организаций. В них господствует полный контроль за окружающей обстановкой,

¹ Муминов А.И. Религиозный экстремизм как социальная угроза // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. 2007. № 2. С. 57–62. См. также Сайфулин И.С. Взаимодействие принципов толерантности и факторов религиозного экстремизма в политической системе современной России // Вестник ПАГС. 2014. № 5. С. 114-119

где общение регулируется, а допуск к информации строго контролируется. Догма данной организации объявляется абсолютной, полной и вечной истиной. Любая информация, которая противоречит этой абсолютной истине, считается ложной и эта ложь находится по ту сторону организации. Доктрина и идея организации находятся выше отдельной личности, границы которой стараются стереть всеми известными способами. При этом распространяют специальный внутригрупповой клишированный язык с целью устранения самой основы для самостоятельного и критического мышления.

Сторонники религиозно-политической экстремистской идеологии могут быть настолько одержимы сознанием правоты и законности предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к видению мира через призму этой идеологии. Исторические прецеденты достижения целей непопулярными средствами позволяют лидерам экстремизма создавать аналогичные прецеденты, надеясь, что история их оправдает.

В завершении параграфа подведем итог.

1. «Экстремизм вообще», изъятый из реальных социально-политических условий и рассматриваемый как абстракция подразумевает, во-первых, наличие особо трансформированной деструктивной фанатической формы религиозного сознания, основанием которой может являться любая идея, теория или ценность. Во-вторых, использование крайних и радикальных мер для уничтожения «чужих», что подразумевает насилие и агрессию. Отсутствие хотя бы одной из указанных характеристик лишает экстремизм его сущностных оснований.

2. Свои конкретные формы абстрактный экстремизм обретает в реальных социально-политических, экономических, национально-культурных условиях. Религиозный и религиозно-политический экстремизм – предельно выраженные формы последнего и в наибольшей степени отражают реализацию и воплощение деструктивной формы религиозного сознания.

3. Предотвращение любых форм экстремизма возможно на уровне возникновения деструктивных трансформаций в религиозном сознании,

Возможность разрушить, подорвать основы и структуру этой особо преобразованной формы религиозного сознания – путь к подрыванию основ всяких форм экстремизма.

В заключительном параграфе мы покажем, что современные информационные технологии могут быть рассмотрены как эффективное средство для предотвращения указанных деструктивных трансформаций религиозного сознания. Кроме того, указанные технологии позволяют влиять и на формирование конструктивного естественного религиозного развития. Но одновременно они же используются и теми, кто заинтересован в возникновении самых разнообразных форм экстремизма.

2.3. Предотвращение экстремизма: влияние информационных технологий на трансформации религиозного сознания

Современная эпоха характеризуется как время формирования, так называемого, информационного общества, общества в котором основным видом деятельности становится производство знания. Концепцию информационного общества можно понимать как развитие парадигмы постиндустриального общества, в которой признается, что вектор экономической деятельности смещается в сторону развития услуг, так как развитие производства уже практически достигло своего предела.

Теорию постиндустриального общества сформулировал Д. Белл¹, который в настоящее время выступает в качестве сторонника концепции информационного общества, как своеобразного этапа развития постиндустриального общества. Наиболее значимыми представляются работы Т. Стоуньера, Дж. Нисбета,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. Академия, 2004. С. 788.

П. Эбурдина¹. Полученные выводы предполагают, что наиболее вероятное направление и результат развития общества – это интеграция существующей политической и экономической систем с новейшими информационными технологиями массовой коммуникации.

Развитие нового вида социальных связей, нового информационного порядка, отнюдь не означает немедленного исчезновения элементов индустриального общества и его бюрократической системы. Однако, возникает вероятность установления тотального контроля, путем контроля за банками информации, производством и распространением информации². Развитие и модернизация собственно производственных мощностей нацелены на экономию ресурсов, в том числе трудовых, энергосбережение и устранению экологической опасности.

Теоретики информационного общества ставят на первое место производство и распространение знаний, что, по сути, конкретизирует многообразные услуги, в том числе медицинские, образовательные, государственные и другие, в один вид услуг – информационные услуги. Информационная услуга – это «предоставление пользователю информационных продуктов в соответствии с поступившим запросом или выявленной информационной потребностью».³

Информационные услуги – это предоставление ответа на волнующие вопросы. Точнее предоставление вариантов ответов на актуальные вопросы. Современные информационные технологии позволяют предоставить все или почти все выработанные варианты решения осознаваемых проблем. Круг этих проблем предельно широк, они охватывают практически все сферы деятельности человека – и социальные и технические и естественно-природные. Охваченные

¹ Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. L., 1983. P. 114. Нейсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М. Республика. 1992. — 416 с.

² Информационное общество // Новейший философский словарь. — Минск: Книжный Дом. А. А. Грицанов. 1999. .1280 с.

³ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно- библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. <http://lib2.podelise.ru/docs/9476/index-57454.html> Последнее обращение 6.10.216.

пристальным вниманием информационных технологий стали и сфера религии и прежде всего область религиозного сознания.

В контексте нашего исследования и для реализации намеченных целей покажем, что современные информационные технологии могут быть рассмотрены, как эффективное средство влияния на формирование и трансформации религиозного сознания, при этом влияние может быть и позитивным и негативным. Они могут формировать конструктивное естественное религиозное развитие, но их с не меньшей эффективностью могут использовать и те, кто заинтересован в деструктивных трансформациях религиозного сознания и дальнейшем возникновении самых разнообразных форм экстремизма. Мы постараемся продемонстрировать, что можно в той или иной степени контролировать (предупреждать, прекращать) процесс деструктивных трансформаций религиозного сознания и предотвращать закрепление таких его черт как догматизм, сакрализацию тех или иных идей, нетерпимость, партикуляризм, бинарность мира (свои-чужие), радикализм.

Информационные технологии, как и любые другие новые технологии имеют две стороны: благо и опасность. Изобретение автомобиля породило свободу передвижения и, одновременно, новую угрозу жизни, аграрные технологии (ГМО) сформировали обилие еды, но одновременно и угрозу здоровью, в том числе и от избыточного веса. Если посмотреть в исторической перспективе любое изобретение таит в себе благо и опасность.

Информационные технологии в предельно широком понимании, как способы информационного обмена и коммуникации, возникли еще в древности, на этапе выделения человека из животного мира. Возникновение языка, членораздельной речи, явилось качественным скачком в развитии человека как вида, дало неоспоримое преимущество перед остальными существами. Речь позволила координировать действия на охоте, управлять сообществом, передавать знания от поколения к поколению. Постепенно способы коммуникации и передачи информации развивались и совершенствовались. Следующим качественным скачком следует назвать возникновение письменности, которую

часто характеризуют как первую информационную революцию. Второй такой революцией называют появление книгопечатания, возникшее в эпоху Возрождения, повлекшее за собой взрывоподобное в исторических масштабах развитие и распространение теорий, идей и технологий, в том числе и в религиозной сфере. Священные тексты стали доступны для значительной части жителей, что вызвало как позитивные, так и негативные последствия.

Доступность священных текстов породила возможность множественного толкования и конфликтов на этой почве. Единая структура единственной церкви раскололась, выделились множественные доктринальные течения, получившие обобщенное наименование – протестантизм. Духовный раскол воплотился в религиозные войны, сотрясавшие Европу почти 150 лет. Примирение произошло путем формирования и признания идеологии толерантности, веротерпимости, в конечном счете, отделением церкви от государства. Так общество адаптировало негативные последствия очередного скачка развития информационных технологий¹.

Средства массовой информации, возникли в начале как несовершенные, в форме неперидических изданий, как различного рода воззвания, манифесты и памфлеты. Без них нельзя представить и понять все войны, восстания, бунты XVI-XVIII веков, вплоть до дворцовых переворотов. Информирование, но прежде всего, формирование отношения населения к происходящим изменениям являлось важнейшим инструментом социальной трансформации.

Более совершенные формы распространения информации и формирования общественного мнения, такие как периодические издания (газеты), имели своим негативным последствием уже социальные революции: Английскую буржуазную, Великую Французскую, Октябрьскую социалистическую. Так или иначе, все революционные события в Европе XIX века, в том числе политические преобразования в Северной и Южной Америках XVIII-XIX веков, Первая

¹ Веджвуд, С. В. Тридцатилетняя война. М.: АСТ, 2013. С. 533.

мировая война, связаны с технологией периодической печати, средствами массовой информации.¹

Информационные технологии, возникшие в XX веке, а именно радио и телевидение, пока еще не получили окончательной оценки. Если с феноменом радио иногда просматривают связь с формированием тоталитарных политических режимов, то эта зависимость не имеет универсального подтверждения. Телевидение еще не имеет исторической оценки, так как пока продолжает быть основным СМИ для большинства населения планеты, хотя и находится на нисходящей траектории своего развития. Телевидение вытесняют интернет-технологии. Но чаще они все же повторяют телевидение, дополняя сиюминутность телепередачи доступностью сюжетов по времени.

Однако, качественное отличие телевидения и интернет-технологий уже определилось и выразилось в отличии СМИ и СМК, средств массовой информации и средств массовой коммуникации. Это – двунаправленность информационного потока, стирание грани между созданием информационного сообщения и его потреблением. Обратная связь перестает быть обратной, становится прямой. Если раньше, в газетах существовал раздел «Письма читателей», материалы которого проходили редакционный отбор, и были разнесены по времени с основным материалом, то сейчас – это поле комментариев читателей на сайте газеты, где отклики появляются мгновенно, практически одновременно с публикуемым материалом. И анонимные комментарии становятся не менее важными, чем основной материал.

Более того, читатели (потребители информации) все чаще становятся авторами (источниками информации). Практически в каждом выпуске новостей есть сюжеты, сделанные с помощью камеры сотового телефона, голосовое сообщение участника или очевидца событий. Журналисты из «властителей дум» превращаются в координаторов, диспетчеров информационных потоков.

¹ История государства и права зарубежных стран. В 2-х ч. Под ред. Крашенинниковой Н.А. и Жидкова О.А. 2 -е изд., стереотип. - М.: НОРМА, 2004. 624 с.

На современном этапе развития информационного общества можно выделить следующие его характерные черты. Во-первых, стирается грань между автором и читателем. Во-вторых, информационные материалы становятся обезличенными. Даже, если материал подписан, то это не важно. Это может быть выдуманное имя, псевдоним или ник. В-третьих, доступность технологии распространения: любой человек, технически и юридически может создать средство массовой информации, обладающее всеми техническими возможностями газеты, радио и телевидения, что было совершенно непредставимо буквально 15-20 лет назад. В четвертых, вездесущность источника информации. Человек с сотовым телефоном может оказаться в любом месте и в любое время. И пятое. Глобальный характер потребления информации: аудитория возникает мгновенно и в глобальном масштабе¹.

Всемирная сеть Интернет во всемирном сообществе выполняет ряд функций. Прежде всего это расширение социальных контактов с образованием новых форм коммуникативного поведения в среде с преобладанием горизонтальных связей и отсутствием территориальных, иерархических и временных границ. Во-вторых, это обеспечение непрерывного движения информации в режиме общедоступности между индивидами и общественными группами для поиска и обработки востребованных сведений.²

На основе реализации этих функций формируется полноценное информационное общество, ключевой единицей которого выступает владелец компьютера, подключенного к глобальной сети Интернет. На современном этапе создаются широчайшие массивы информации в электронном пространстве, что выражается в возникновении цифровой формы общения в социуме. Всеобщий характер такой формы взаимодействия с помощью различных переносных средств (планшетники, коммуникаторы, мобильные телефоны) определяет начало

¹ Леонтьев А.Н. Социальные сети как политический ресурс / Д.В. Куц, А.Н. Леонтьев // Социокультурные исследования : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 18/19 / редкол. : Н.В. Дулина (отв. ред.) [и др.] ; ФГБОУ ВПО "ВолгГТУ", Администрация Волгоградской области. - Волгоград, 2013. - С. 130-133.

² Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации [Текст] / Н.Б. Кириллова. – М.: Академический Проект, 2005.138 с.

так называемой цифровой эры с информационно-цифровым выражением всех явлений происходящих в социуме.

Современные технические средства позволяют производить миллиарды операций в секунду, что значительно ускоряет развитие интеллектуальных технологий с укреплением коммуникативных взаимосвязей между отдельными людьми и целыми сообществами. Разновидностями последних являются религиозные группы, использующие тотальную информатизацию, чему способствует постиндустриальный аксиологический сдвиг в сторону общественного закрепления «постматериалистических ценностей»¹. Это представляется в виде утверждения идеи об истощении природных ресурсов, что в свою очередь может быть использовано религиозными фундаменталистами в подтверждении своих настроений о близком «конце Света». Утверждается необходимость духовно возрождающимся людям вступить в «истинное» вероучение с почитанием высших сакральных сущностей и лидеров указанных религиозных групп (честолюбивые интересы которых сохраняются в тайне от остальных адептов).

Однако, возможности интернета по созданию средств доставки сообщений (контента), серьезно ограничены возможностями его потребления. Если в недавнем прошлом число авторов составляло незначительную часть общества, они занимались своим делом профессионально, а качество было высоким, что находило спрос (общества или власти), то сейчас писать могут все, обо всем и, как правило, неинтересное большинству общества, недостоверное и примитивного качества. Но именно такая информация востребована, составляет абсолютную величину от всего объема информации в интернете.

В рамках информационных технологий, путем проб и ошибок нащупывается и определяется форма обмена информацией, в том числе низкого качества. Это социальные сети, которые возникли примерно 10-12 лет назад, в 2003-2004 годах, но продолжающие развиваться и настоящее время. Социальная

¹ Хабибулин Р.К., Дейнека О.С. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. 0 № 1. – Ч.1. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17300>

сеть – форма коммуникации, позволяющая не только поддерживать связь с собственным кругом общения вне зависимости от расстояния, но и одновременно проводить селекцию информации, выделять только ту, которая вызывает в данном круге общения интерес.¹ Осмысление и оценка социальных сетей как особого феномена только набирает силу, имея как негативные коннотации², так и позитивные отзывы³.

Проблема избытка информации находит свое решение в форме аккаунта социальной сети. Аккаунт – это регистрационная запись участника социальной сети, а также выбранные им и доступные ему ресурсы определенной социальной сети. В целом аккаунт можно определить как область общения и, одновременно, средство взаимодействия (активного и пассивного). Можно влиять на других и получать влияние на себя. Формируя круг общения, пользователь одновременно определяет свои ценностные ориентации. Материалы, созданные или выбранные другими из своего круга общения (поставлен лайк), становятся доступными ему и формируют собственный информационный поток, который уникален. Как отмечают И.С. Бакланов и А.С. Яценко «именно социальные сети являются подлинными локомотивами процессов глобализации»⁴.

Что касается интересующей нас темы формирования и трансформаций религиозного сознания, то социальные сети позволяют на качественно новом уровне реализовать многие формы религиозной деятельности и осуществлять влияние на пользователя. Информационное пространство Интернета сделало доступными тексты любой религии, практически на любом языке, который представлен в Сети. Таких языков десятки. Этот ресурс не позволяет допускать откровенные вольности в интерпретации вероучений, к тому же пользоваться им обычному человеку достаточно тяжело.

¹ Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества / отв. ред. Верченков Л. Н., Ефременко Д. В., Тищенко В. И. — М: ИНИОН РАН, 2013. 360 с.

² Вред социальных сетей: влияние на психику. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://nperov.ru/soznanie/vred-socialnyx-setej-vliyanie-na-psixiku/> Последнее обращение 25.09.2016

³ Бакланов И.С., Яценко А.Л. Роль социальных сетей в процессах глобализации. / Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII Вып. 4 .С. 311-315.

⁴ Там же. С. 314.

Социальным сетям доступны практически все формы религиозной деятельности, кроме связанных с церковными таинствами. Так, в рамках социальных сетей возможны проповеди – изложение догматики священных текстов в приложении к актуальной реальности. При этом информационные технологии позволяют размещать проповедь в различных модальностях (письменный текст, звукозапись, видеозапись), но также хранить ее во времени. В то же время проповедь в традиционном понимании существует только здесь и сейчас. Для ее оценки необходимо учитывать контекст, обстановку.

Особенность любой проповеди – выход за пределы собственно веры, определение и формирование оценок ситуации, определение допустимых форм поведения, применительно к реальному событию. В данном случае, благодаря риторическим приемам, можно прийти до полного отрицания сущностных основ веры в угоду политической необходимости или целесообразности. Особенно возможно такое для малограмотной аудитории, не обладающей навыками критического мышления.

Именно в проповедях, реальных или виртуальных, возможна реализация всех значимых признаков деструктивного религиозного сознания, а именно догматизация мышления, сакрализация тех или иных идей, формирование нетерпимости, партикуляризма, навязывания бинарности восприятия мира, радикальности в мыслях и действиях.

Связывая фрагменты священных текстов и несправедливость глобального миропорядка, легко все определить как происки сил зла, противостоящих божественной справедливости. Далее легко перейти на божественную определённость борьбы за восстановление справедливости при этом исключительно решительными мерами. Какие-либо формы согласования интересов или поисков компромиссов не только не упоминаются, но иногда и прямо запрещаются, так как подобное не указывается в священных писаниях. А если и указывается, то замалчивается. Тем самым формируется *догматизация* мышления.

В качестве приема может использоваться и постоянное одновременное упоминание божественной субстанции или политического (неорелигиозного, национального и т.д.) лидера, а также какой-либо идеи или теории. В результате этого происходит сакрализация (обожествление) персоны той или иной фигуры, возведение в ранг сакральной той или иной идеи или учения и наделения ее сверхъестественными качествами. Это не обязательно реализуется буквально, это может быть медленными процессами а в глубинных недрах сознания. Подобный эффект дает множественность и вездесущность портретов лидеров государств, размещенных в общественных местах, на самом видном месте. Портрет главы государства – обязательная принадлежность кабинета чиновника любого ранга. Аналогично демонстрация портретов лидеров протестных движений на демонстрациях и других актах протеста. Это размножение и повсеместное присутствие и использование лозунгов и девизов. Так идет процесс сакрализация идей и людей: через связывание с высшей сущностью, либо через отождествление.

Проповеди в виртуальном пространстве позволяют формировать и чувство солидарности со своими и стойкую нетерпимость к противникам. Своим надо помогать и содействовать, чужим – противостоять и противодействовать. Места для серых оттенков нет. Таким образом, все характерные черты взаимообусловлены и взаимодополняют друг друга. Догматизация связана с сакрализацией. Бинарная (двухцветная) картина мира формирует нетерпимость, которая, в свою очередь является условием возникновения и развития радикальных устремлений, формирующих благодатную почву для радикальных идей и действий.

При этом нет существенных различий между реальным и виртуальным пространством. Реальный контакт проповедника и слушателя весьма эффективен, так как помимо смыслового потока информации присутствует и эмоциональное воздействие в непосредственном живом общении. В виртуальном мире эмоциональность сглаживается, хотя тоже может присутствовать, но участник коммуникации в любой момент может прервать ее. Это, в свою очередь,

компенсируется дистанционностью воздействия и практически безграничной аудиторией, когда слушателем может выступать весь мир.

Вторичный информационный поток, такой как обсуждение (поддержание) и комментирование (развитие) выводов проповеди является новшеством в случае использования информационных технологий. В рамках всех традиционных религий обсуждать, а тем более критиковать профанам (обычным верующим) священные тексты, в том числе комментировать публично выводы проповеди, недозволительно. Информационные технологии преодолевают этот запрет легко, при этом дают возможность сохранить инкогнито.

Одновременно, с другой стороны, возможностей для критики и осуждения тех, кто не согласен, противостоит или назван врагом – сколько угодно. Информационные технологии с одинаковой степенью позволяют реализовать как конструктивные так и деструктивные процессы. Таким образом, информационные технологии могут использовать и те, кто заинтересован в возникновении самых разнообразных форм экстремизма.

Еще одной немаловажной особенностью социальных сетей является возможность селекции круга получателей информации, тех кому адресовано то или иное послание. Сообщения делятся на открытые и закрытые, последние – только для посвящённых, доверенных. Принадлежность к кругу избранных во все времена считалась важным фактором для стимулирования действий, путем наделения особым статусом или посвящением. Закрытость общения в социальных сетях усложняет контроль как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны общества, со стороны других участников группы участников социальной сети. Но закрывать информацию полностью нельзя. Так подрывается возможность распространения идеологии и рекрутинг новых членов сообщества.

Сеть Интернет и информационные технологии – в настоящее время выгодное средство для распространения экстремистской идеологии, формирования негативных форм религиозного сознания: быстро, дешево, надежно, в глобальном масштабе и с сохранением конспирации. Обратная сторона подобной технологии это наличие и обилие другой информации, в

окружении которой сообщение может легко потеряться. Подобное можно наблюдать и в отношении участия в тех или иных группах: в любую группу можно легко войти, и также легко выйти, прекратив общение. Единственным средством поддержания целостности остается личностное воздействие – авторитетом, позитивными или негативными санкциям, вплоть до запугивания.

Определенная проблема при использовании современных информационных технологий – возрастные ограничения. Старшее поколение имеет мало времени, много обязательств, а также большой жизненный опыт, говорящий о том, что простых и быстрых решений не существует. Оно весьма консервативно, при этом не очень интенсивно пользуется всемирной паутиной, отдавая предпочтение другим, более традиционным средствам массовой информации. Молодежь же не критична, имеет больше свободного времени и навыков общения с информационными технологиями, молодые люди находятся за пределами влияния традиционных СМИ. К тому же молодежь более подвержена влиянию, поэтому именно в молодежной среде находят поддержку радикальные и экстремистки взгляды, предлагающие простые и быстрые решения всех проблем. Именно поэтому, говоря о воздействии современных информационных технологий на пользователя мы имеем в виду прежде всего молодое поколение.

Через Сеть лидеры тех или иных деструктивных движений и организаций формируют контекст проблематики, определяют вопросы, требующие решений, предлагают возможность радикального решения социальных проблем. Длительное, красочное, умело оформленное воздействие и позволяет осуществлять манипулирование сознанием молодежи, в том числе и в сторону экстремизма. Сначала необходимо убедить отказаться от ценностей естественного антропологического прогресса, с последовательным развитием естественных (физических) и психических потребностей и способностей по их реализации. Далее утверждается сакральный вариант общественной структуры, новых форм трудовой деятельности, науки и быта. С помощью ресурсов Интернета оказывается воздействие и формируется деструктивное религиозное сознание приветствующее призывы полного изменения и разрушения существующих

традиционных форм общежития с построением общественных форм покорности и полного подчинения воли тех или иных лидеров.

Трансформация религиозного сознания нередко происходит вследствие действия специфических факторов, например, политических. В деструктивном смысле новая религиозная идеология формируется как основа дискредитации существующего социально-политического строя с обоснованием новых общественных преобразований для построения идеального государства при господстве священных догматов в социуме. Устоявшиеся традиционные религиозные учения могут не всегда соответствовать изменяющимся общественно-культурным условиям и запросам общественности, и в частности, молодежи, представители которой осуществляют поиск новых объяснений закономерностей развития существующей действительности. В результате происходит попытка создать качественно новые формы сакрального объяснения сущности мироздания.

Рост социально-экономической напряженности со свойственной ей безработицей и падением уровня жизни граждан заставляет искать варианты преодоления данных кризисов посредством утверждения священной нравственности и норм жизни на основе современных религиозных представлений. Указанным причинам способствует неудовлетворенность духовной атмосферой в социуме, что в значительной степени обостряется под влиянием различных средств массовой информации и ресурсов всемирной сети Интернет. Тем самым происходит формирование индивидуальных и групповых представлений, а также формирование общественного мнения о том, что одним из важнейших путей социального реформирования выступает «религиозное возрождение» с акцентом на активизацию роли норм морали и духовного воспитания.

Нередко такое мировоззрение дополняет сложившуюся систему молодежной идеологии, на основе которой возникли многие современные нетрадиционные религии, секты и культы. Примером этого могут служить

переплетение идей дзэн-буддизма и молодежного нонконформизма, сатанизм, различные магические культы¹.

В данном случае, понятие «деструктивное религиозное сознание» можно связать с феноменом контркультуры как формой протеста против существующего порядка вещей в социуме. Однако здесь могут тесно переплетаться призывы к социальной пассивности с лозунгами о начале активной борьбы в форме осуществления террора и вандализма. Указанная конфронтация с существующим общественным устройством способна происходить при поиске альтернативного образа жизни с призывами к общественности двигаться вспять поступательному социально-историческому развитию, или пытаться искусственно его превзойти в форме резкого и полного изменения общественного строя.

Духовно-религиозный возврат к первоначальному сакральному состоянию проявляется в попытке восстановить тесную взаимосвязь человека и природы с отрицанием глобальных противоречий современности, угрожающих существованию человечества. В этом проявляется стремление упразднить сложность и широчайший спектр социальных взаимодействий, что сформировались на протяжении истории. Лидеры молодежных религиозных групп идеализируют ранний этап общественного развития и призывают вернуться в первобытное состояние, что проявляется в распространении языческих культов и магии.

Вместе с деструктивными формами религиозного мирозерцания следует назвать конструктивные (созидательные) формы сакрального восприятия общественной жизни в гуманистических настроениях с утверждением элементов демократии. Осуществляется защита личной индивидуальности с поддержанием ценностей доброты, бережного отношения к окружающей природной среде и любви ко всему живому. Данные верования характеризуются стремлением выявить в существующем мире позитивный смысл с поиском возможностей прогрессивного изменения общественной жизни. Эти позитивные религиозные

¹ Донцова Г.Г., Рудаков М.Г. Новые нетрадиционные религии. Угроза распространения религиозного экстремизма в молодежной среде // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 9. – С.19-31.

настроения тесно связаны с различными политическими идеями, допускающими в той или иной степени модернизацию социального строя в форме либерализма и социализма с достижением цели всеобщего благосостояния при высшей ценности свободы и справедливости.

Религиозные чувства и мировоззрение нередко тесно связаны с иллюзиями в виде извращенного понимания и толкования проблем общества в абстрактно-умозрительном духе с упованием на божественное вмешательство в их разрешение. Такие иллюзии могут формироваться под влиянием элементов информационного пространства, создающего искусственную матрицу воображаемого существования с полным отвлечением от реального бытия социума. Сакральный мистицизм препятствует адекватному восприятию действительности, замыкая индивидуальное сознание в рамках проповедуемого духовного обновления и религиозного спасения.

Одним из важнейших средств преодоления негативного влияния религиозного мистицизма выступает активная просветительская деятельность представителей общепризнанных религий (например, духовенства православной церкви и традиционных форм ислама). Указанная деятельность выступает основой укрепления гуманных настроений с сохранением стабильности сложившейся социально-политической системы.

Можно выдвинуть предположение о том, что усиление многих религиозных настроений является ответной реакцией на идеологию атеизма, существовавшего в эпоху СССР. Во многом идеи советского атеизма, направленного на разрушение религиозных вероучений сами являются абсурдными, так как с отрицанием христианских и других религиозных идеалов образуется общественно-духовный «вакуум», который заполняется культом новых сверхавторитетных партийно-политических персон. Эти персоны становятся новыми богами, их сочинения – священным писанием, их изображения – иконами, господствующая политическая партия – новоявленной церковью. Такая бессмысленная и принявшая крайние формы духовно-атеистическая организация советского строя во многом породила извращенное представление о религиозных нормах жизни с поиском новых

вероучений, часто извращенно толкующих ценности общественной жизни. Либерализм постсоветских времен открыл широчайшие возможности для создания самых разных вероучений, в том числе абсурдного, общественно опасного и бессмысленного характера.

При выявлении причин распространения каких-либо нетрадиционных вероучений следует указать на активность распространения самими религиозными организациями своих идей путем использования средств Интернет. Данная активность выступает достаточно эффективной, так как этому способствуют индивидуальные инициативы по поиску идентичности представителями молодого поколения в современных общественных условиях. Вместе с этим остаются актуальными извечные философские вопросы об определении общего смысла и целей существования личности и всего социума. Ответы на эти вопросы молодежь также пытается в информационном пространстве, чем привлекает к себе внимание тех, кто ищет людей с несостоявшейся идентичностью, не имеющих четкие мировоззренческие принципы.

В связи с этим возникает потребность в ответной реакции именно традиционных вероучений с целью морально-нравственного спасения лиц, незнающих, или стремящихся обрести, находящихся в поиске, истинный смысл гуманистических начал жизни с приложением своих сил в подкреплении названных начал. Активность традиционных религий, формирующих конструктивное естественное религиозное развитие также необходима как важнейшая форма «перехвата инициативы». Ее представители с необходимостью могут и должны использовать проповеди в их современном виде, размещать и комментировать традиционные тексты, вести беседы и вступать с диалоги со всеми желающими услышать что-либо, или быть услышанными. В конструктивных вероучениях происходит обретение личностью позитивных установок, суть которых заключается в терпеливом отношении к негативным событиям в окружающем мире с условием непрерывного нравственного самосовершенствования.

На современном этапе развития науки и техники существующие средства передачи информации предоставляют своим пользователям, в том числе и религиозным объединениям (как имеющим конструктивные, так и негативные цели) ряд возможностей по распространению своих идей. Во-первых, в небольшие промежутки времени можно передавать большие объемы информации достаточно широкому кругу лиц, и прежде всего тем, кто выступает активными пользователями ресурсов Интернет. Во-вторых, предоставлять потенциальным сторонникам сведения о своих догматах в наглядной форме с демонстрацией своих церемоний, выставляя на сайтах в сети Интернет загадочные символы и знаки, что часто привлекает романтическую молодежь и пробуждает желание больше узнать об этих верованиях. В-третьих, многие деятели от религии имеют широкие возможности для длительного психологического воздействия на молодежь с помощью информационных технологий. Это может происходить и с целью искажения индивидуального сознания для манипулирования поведением своих последователей. Последнему условию способствует постоянное стремление (особенно молодежи) общаться друг с другом по всем вопросам своей жизни (как связанным с работой и учебой, так и вопросами интимных отношений).

Однако будучи широким полем для реализации самых разных видов деятельности, ресурсы тех же самых информационных технологий возможно и необходимо использовать для контроля процессов деструктивных трансформаций религиозного сознания. Во-первых, Интернет технологии позволяют осуществлять контроль за степенью распространения, востребованностью, популярностью того или иного ресурса, причем как во временном, так и пространственном как в исчисляемом, аспектах. Компьютерные технологии также затрудняют ликвидацию, уничтожение следов какой-либо информационной активности, в том числе и деструктивной деятельности. Так, удаленный файл на самом деле не исчезает безвозвратно, при разоблачении или раскрытии каких-либо преступлений или форм деструктивной социальной активности полностью изымают компьютерную технику, которая, оказавшись в руках специалистов, способна «выдать все секреты», и доступ к стертым, удаленным ресурсам будет

восстановлен. Возможности Интернета позволяют с легкостью и без особых затрат, наблюдать за содержанием, в том числе и степенью радикальности, уровнем экстремизма в публичной деятельности того или иного религиозного лидера и даже обычного пользователя.

Информационные технологии дают возможность разрабатывать средства и аргументацию контрпропаганды, включаться в процесс обсуждения, предлагать альтернативные точки зрения и варианты решений. А также предупреждать об угрозах при фанатичном следовании указаниям радикального лидера, особенно если он сам находится за рубежом.

Наиболее сложна реализация подобных угроз именно в молодежной среде. Поскольку специалист, цель которого выявить и предотвратить ту или иную негативную активность, должен владеть сразу несколькими специальностями. Требуется квалификация специалиста-«компьютерщика», знание религиозной догматики и особенностей современного конфессионального развития, кроме того необходимо быть знакомым с молодежным сленгом, мировосприятием молодежи, ее нонконформизмом и склонностью к радикализму.

Значительно проще технические средства противодействия. Но они менее продуктивны. Блокировка доступа к сайту экстремистской направленности легко обходится созданием копии сайта на другом доменном имени. Эпоха легкости контроля за печатными СМИ в форме цензуры ушли в далекое прошлое и новые условия требуют новых решений.

В качестве основных инструментов противодействия распространению деструктивных форм религиозного сознания и экстремистской идеологии в виртуальном пространстве Интернета выделим следующие.

Технические – блокирование доменных имен и адресов сайтов экстремистской направленности, контроль активности переписки по электронной почте и в социальных сетях, отслеживание скрытых форм коммуникаций в сети Интернет, определение склонности к экстремистским действиям, источников распространения экстремистских взглядов, носителей радикальных идей и т.п..

Организационные ресурсы представляют собой объединение усилий государства, религиозных организаций и других институтов гражданского общества. Например, организация и поддержка телевизионных каналов и телепередач религиозной направленности, поддержка различных форм межнационального общения, религиозных и национально-культурных общественных организаций. К этим же ресурсам можно отнести работу блоггеров и других активистов, которые задают тон обсуждениям и комментариям к материалам популярных сайтов, в том числе экстремисткой направленности, определяют контекст обсуждения.

Политические ресурсы – это возможности государства и органов местного самоуправления по ликвидации условий возникновения экстремистских настроений, информирование и привлечению населения к решению стоящих насущных проблем, в том числе и борьбе с коррупцией.

Воспитательные ресурсы раскрываются, в том числе на уровне семьи, при формировании чувства патриотизма, гордости, любви и уважения к своей большой и малой Родине, обычаям предков, уважения чувств верующих, знания обычаев и традиций народов, проживающих по соседству.

Интеллектуальные ресурсы привлекаются для повышения общего образовательного и культурного уровня населения, его сознательности, а также при реализации всех остальных выделенных нами ресурсов, в том числе религиозных.

Религиозные ресурсы – это привлечение деятелей и возможностей религиозных организаций традиционных исповеданий для ведения разъяснительных бесед, в том числе и в виртуальном пространстве Интернета.

Государственно-правовые ресурсы представляют собой не только возможность применения насилия в форме административного понуждения или уголовного преследования, но предоставления возможностей по проведению культурных мероприятий и праздников, охраны правопорядка на них. Но на первом месте стоит именно принуждение, когда определяются и запрещаются организации экстремисткой направленности. Следует признать, что все это

осуществляется в правовом пространстве и обязательно через суд. На основании подобных судебных решений ведется Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности¹.

Обратим особое внимание в свете нашего исследования, что в настоящее время из пятидесяти трех запрещенных экстремистских организаций большую часть, а именно двадцать две, можно признать религиозными или религиозно-политическими, в том числе такими, которые заявляют о своей связи с исламом – семь, из которых три международных. К последним относятся такие религиозные объединения как «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Нурджулар», «Таблиги Джамаат». Остальные организации относятся к региональным и имеют местное значение. К ним можно отнести группу «Джамаат мувахидов» (г.Астрахань), молельный дом «Мечеть Мирмаммеда» (г.Самара) и местную религиозную организацию «Мусульманская религиозная организация п. Боровский Тюменского района Тюменской области». Особо выделяют, так называемый, «Объединенный Вилаят Кабарды, Балкарии и Карачая».

Другие религиозные организации, которые признаются экстремистскими, заявляют в своих наименованиях о принадлежности к иным религиозным верованиям. Одна относится к православию – Краснодарская Православная Славянская община «ВЕК РА» (Ведической Культуры Российских Ариев) Скифской Веси Рассении). Пять следует отнести к протестантской церкви Свидетелей Иегова, остальные запрещенные религиозные организации можно отнести к языческим культам. Число политических организаций (партий) признанных экстремистскими без религиозного признака в наименовании – восемь, националистических, маскирующихся под патриотические, - восемнадцать.

¹ Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

Приведенные цифры позволяют сделать обобщение о том, что именно религиозный характер экстремистской идеологии является наиболее доступной для распространения формой. Однако четко прослеживается тот факт, что заявлять об однозначной связи мусульманской религии с экстремизмом нельзя. Религиозные организации исламского направления составляют лишь небольшую часть организаций, деятельность которых остановлена.

Следует признать, что на место запрещенных организаций приходят другие, в том числе и международного значения. Особую группу риска в настоящее время образует деятельность Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ), которое стремится к глобальному влиянию. В настоящее время эту организацию все чаще сокращают до ИГ – Исламское государство. Своей стратегической целью эта группировка или квазигосударство считает создание «шариатского государства», на территории целого ряда стран. К таким странам они относят Ирак, Сирию, Ливан, Израиль, Палестину, Иорданию, Турцию, Кипр, Египет, а также ряд российских регионов¹.

Идеологи ИГИЛ предлагают буквальное толкование тех или иных религиозных предписаний, считая такую интерпретацию одним из средств успешного способа решения социальных и экономических проблем. Столь упрощенная трактовка вероучения притягивает последователей, в первую очередь, среди молодежи. Следует отметить, что молодежь в исламском мире с его очень высоким уровнем рождаемости, самая многочисленная и наименее защищенная часть населения. Не имея возможности получить хорошее образование и перспектив устройства, исламская молодежь в наибольшей степени подтверждена экстремистской пропаганде и оценивает участие в подобных группировках как способ обустройства своей жизни.

В своей пропагандистской работе, которая разворачивается и в информационном пространстве Интернета, ИГИЛ заявляет о стремлении к созданию наднационального государства, агитирует за «джихад против

¹ «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожать терроризм»: методическое пособие.

[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf.

безбожной власти», оправдывает нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, ко всей современной цивилизации. «Врагами ислама» объявляют всех несогласных, в том числе и мусульман. Все указанные черты – конкретное воплощение идей «экстремизма вообще» (догматизм, партикуляризм, бинарность мира, нетерпимость, агрессия и ненависть), о которых мы говорили в предыдущем параграфе.

Информационные технологии, в сфере которых проявляются определенные закономерности выступают важнейшим средством для понимания и проведения эффективного противодействия. Именно в этом пространстве сейчас идет тотальная информационная война, на которой буквально ежедневно создаются и испытываются новые средства и формы информационного оружия.

Во-первых, особо обозначим линию проповедь – пропаганда – вербовка. От простого распространения истинного знания, проповеди, целью которой является помощь ближнему в познании истинной веры, переходят к сначала мягкому а потом и более жесткому навязыванию «правильной» точки зрения и суждений, «правильного» мировосприятия, понимания места человека в нем. Конечная цель такой проповеди не приближение к истинной вере, а вполне исчисляемое количество тех, кто готов пожертвовать своими интересами, а часто и своей жизнью и интересами своих ближних ради интересов организаторов подобных проповедей и тех кто спонсирует самих организаторов. Вопрос о вере вообще перестает быть самоцелью, деятельность направлена на достижение количественного результата, цель которого оправдать финансовые затраты.

Выстраивается четкая последовательность этапов: проповедь – пропаганда – побуждение к согласию – вербовка – принуждение к присоединению. Преодолев этапы проповеди и пропаганды, экстремистские организации больше всего нуждаются не в сочувствующих, которые не имеют реальной силы и не могут считаться таковой, а в реальных участниках, живых сторонниках, боевиках. Радикалы настроили против себя все мировое сообщество, которое оценивает их как наиболее опасную угрозу миропорядку и стабильности. Против них ведутся активные боевые действия, поэтому они остро нуждаются в новых кадрах. За

каждого привлеченного вербовщик получает вознаграждение. Сумма «комиссионных» колеблется в зависимости от «ценности» завербованного¹.

Для Российского общества и его граждан противостояние вербовке наиболее актуальным становится именно в виртуальном пространстве, которое не знает географических границ и расстояний. Вербовщики круглосуточно присутствуют в сети Интернет. Под их воздействием может оказаться любой пользователь популярных сайтов и социальных сетей Facebook, Twitter, Instagram, «ВКонтакте» и «Одноклассники». Методы вербовки новых сторонников совершенствуются, приемы идеологической обработки становятся все более изощренными, но можно наблюдать определенную стандартизацию, отработанные приемы². Последнее позволяет понять логику вербовки и более эффективно вырабатывать средства противостояния.

Вербовщик постоянно ищет в сети свою жертву, для этого он становится активным участником наиболее популярных интернет-сообществ.

Изучение профиля и информации аккаунта потенциальной жертвы позволяет вербовщику без труда вступить в контакт, затем подружиться и стать приятным и интересным собеседником. На этом этапе усыпляется бдительность, а следующий шаг – уже применение различных средств и методов воздействия на сознание с целью трансформировать его в необходимом направлении. Очень важным моментом является убеждение в том, что человек находится в противостоянии всем остальным (формирование бинарности), при этом остальные – это худшие, не дающие ответов на интересующие вопросы и не позволяющие чувствовать себя комфортно в окружающем мире. Параллельно с этим рисуется картина другой идеологии, другого мировоззрения, того самого, которое является единственно верным и правильным. Причем в той единственной форме и формулировке, которая предлагается вербовщиком (догматизм и партикуляризм).

¹ «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм»: методическое пособие.

[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf

² Там же.

Как указывают авторы уже упоминавшихся методических указаний¹ - поворотным моментом, окончанием вербовки является выполнение некоего безобидного задания, которое потом оказывается компрометирующим. Исполнение невинной просьбы вдруг оказывается соучастием в серьезном преступлении. Проверить истинность невозможно, но жертва уже во власти вербовщика, который из приятного собеседника превращается в требовательного наставника. И каждое следующее указание все сильнее затягивает в сеть экстремистской организации.

Для противостояния подобным рискам и опасностям, необходимо принимать самые разнообразные меры обеспечения общественной безопасности, в том числе и в информационной сфере. На общегосударственном, федеральном уровне комплекс мероприятий изложен в Стратегии противодействия экстремизму. В этом акте указывается, что «экстремистские организации стремятся использовать религию как инструмент для вовлечения в свои ряды новых членов, средство для разжигания и обострения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, которые создают угрозу территориальной целостности Российской Федерации»².

Целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму является защита общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз. Основными задачами определяются создание системы мониторинга; совершенствование законодательства; консолидация и организация информационного сопровождения усилий органов власти, институтов гражданского общества в целях противодействия проявлениям экстремизма; другие профилактические мероприятия.

Основные направления по противодействию экстремизму реализуются в различных сферах: законодательной и правоохранительной деятельности,

¹ «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм»: методическое пособие.

[Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: URL: [http:// www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html](http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html)

национальной и миграционной политики, в сфере образования и молодежной политики, а также в сфере международного сотрудничества. Особый интерес для настоящего исследования представляет характеристика направлений противодействия экстремизму в сфере государственной информационной политики. Здесь разработан и применяется широкий комплекс мер, что подчеркивает высокую значимость данного направления для обеспечения национальной безопасности.

Все направления противодействия экстремизму в сфере государственной информационной политики, указанные в Стратегии противодействия экстремизму, можно разделить на три группы: наблюдение, сдерживание и противодействие. Наблюдение представляет собой мониторинг сети «Интернет», электронных средств массовой информации на предмет выявления фактов распространения экстремистских материалов, идеологии экстремизма с целью незамедлительного реагирования. Именно на этом уровне могут быть использованы выявленные нами особенности и этапы трансформации религиозного сознания, которое через догматизацию, партикуляризацию, неприятие других, претерпевает деструктивные изменения, превращаясь в форму фанатического сознания. Предотвращение подобной трансформации может стать эффективной превентивной мерой формирования экстремистского сознания, а в последствии и экстремистских действий.

Формами пресечения подобных трансформаций являются и ограничение доступа к информационным ресурсам и пресечение распространения в сети экстремистской символики и атрибутики.

Кроме технических средств противодействия не меньшее значение имеют воспитательные технологии, реализация которых также успешно проходит в информационном пространстве сети. Ориентация на сохранение традиционных нравственных ориентиров, межнационального и межконфессионального согласия, формирование в обществе нетерпимого отношения к распространению экстремизма, воспитание у граждан чувства заинтересованности и сопричастности деятельности государства. Признается актуальных и

необходимым приобщение молодежи к ценностям российской культуры, создание социальной рекламы, направленной на патриотическое воспитание молодежи. Особую группу образует проведение тематических встреч с привлечением видных деятелей культуры, науки, авторитетных представителей конфессий и национальных общин по разъяснению сути деятельности экстремистских организаций. Важным признается информирование граждан о работе субъектов противодействия экстремизму, о выявлении организаций, которые способствуют возникновению конфликтов между традиционными конфессиями.

При этом скорость дальнейшего обновления информационных технологий продолжает расти с увеличением спектра методов обработки и передачи сведений по всем аспектам жизни современного человека. Формируется, более того, становится общепризнанным сетевое общество, представляющее собой «объединение неограниченного числа взаимосвязанных пользователей различными информационными массивами, для которого характерна виртуальная форма общения без особого действия фактора времени и расстояния между пользователями»¹.

Значимые религиозные фрагменты жизни людей и особенно молодежи в рамках сетевого общества концентрируются в виде образа. Этот образ способен приобретать самостоятельную «материальную» форму в зависимости от того, в каком значении он будет использован (в конструктивном смысле – для созидания общественной действительности на принципах гуманизма, или в деструктивном аспекте – разрушение сложившегося порядка в социуме).²

В жизни современного общества происходит всестороннее развитие элементов электронной виртуальной культуры. Она выступает «новой реальностью», потому что реализуется как актуальная фундаментальная действительность, с опорой на которую члены социума планируют свою жизнь, организуют участие в трудовом процессе, устанавливают взаимосвязь с другими

¹ Буряк В. В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции [Текст] / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. - С.45.

² Спирина Е.В. Информационные ресурсы как институт гражданского общества [Текст] / Е.В. Спирина // Информационное право и становление основ гражданского общества в России. Материалы теоретического семинара по информационному праву . - М., 2008. - С. 29.

лицами, осуществляют поиск необходимой информации. Через виртуальность происходит творение смысла социального бытия. Компьютеризация и информатизация вызывает излишнюю драматизацию негативных социальных явлений (разрушение «традиционных форм» социализации и индивидуализации, унификация культурных различий). В данных условиях возможно возникновение положительного религиозного настроения, направленного на построение позитивной системы общественных отношений.

Фактор актуальности современного информационного социума заставляет максимально тесно соприкасаться виртуальному миру с происходящей действительностью. При этом, это происходит так, что на определенном этапе разница между названными сферами жизни личности практически исчезает. Реальность растворяется в «гиперреальности» с переплетением сущностей субъектов производящего, передающего и получающего информацию. Религиозное сознание человека замыкается в мире вторичных символов, что дает дополнительную возможность для манипуляции им¹.

Подведем итог всему сказанному.

1. Для формирования современного религиозного сознания информационные технологии имеют как положительное, так и отрицательное значение – в зависимости от того, в каких целях и на основе каких идей используются широчайшие возможности цифрового пространства.
2. Средствами влияния на процесс формирования религиозного сознания в Интернет пространстве (в социальных сетях, в блогах и т.д.) могут выступать религиозные тексты на электронных носителях и виртуальные проповеди. Их специфика состоит в возможности критики, обсуждения, сохранения анонимности, а также селекции слушателей. Умелое использование данных средств может формировать как позитивное естественное религиозное развитие, так и развивать элементы деструктивного религиозного сознания.

¹ Кириллова Н.Б. Медиа среда российской модернизации [Текст] / Н.Б. Кириллов. – М.: Академический Проект, 2005. С.138.

3. Основными механизмами противодействия распространению негативных идей и деструктивных теорий выступают: технические, организационные, правовые; политические; воспитательные; интеллектуальные; религиозные ресурсы. Все эти механизмы активно используют государственные органы для борьбы с экстремизмом и противодействия ему, сознавая опасность и придавая особое внимание именно информационным технологиям, средствам виртуального общения и коммуникации.

4. Информационные ресурсы и технологии их обработки могут оказывать положительное влияние на религиозное сознание в том случае, когда в виде названных ресурсов оформлены самостоятельные созидательные инициативы в построении общественных отношений на принципах гуманизма. Для предотвращения чрезмерного замыкания молодежи в виртуальном пространстве необходимо популяризация ценности непосредственного реального контакта между людьми, при котором различные цифровые технологии будут иметь вспомогательный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противоречивость и напряженность в развитии современного глобального мира, сопряженная с экстенсивным распространением информационных технологий обуславливает актуальность темы проведенного исследования. Многообразные деструктивные формы социальности, такие как война, терроризм, экстремизм находят своих адептов, используя все возможности, предоставляемые современными технологиями, поэтому методы борьбы с ними и предотвращение их возникновения также должны быть ориентированы на знание и всестороннее использование возможностей, представляемых цифровым миром. Однако кроме овладения современными методами борьбы, нам необходимо знать сущность, основные черты и особенности явлений, разрушающих социальность и подрывающих основы созидательного и прогрессивного развития.

Объектом нашего внимания был экстремизм, сущностные черты которого мы стремились понять в контексте рассмотрения метаморфоз религиозного сознания. Именно поэтому особое внимание было уделено самому религиозному сознанию, обоснованию недопустимости отождествления понятий «религия» и «религиозное сознание» в специальных научных исследованиях. Это и предопределило логику исследования: только определив и обосновав особенность избранного контекста, аспекта исследования экстремизма мы перешли к анализу самого изучаемого феномена. В этой связи нашей задачей было показать, что всякая форма экстремизма в качестве важнейшей своей неизменной характеристики содержит особо трансформированную форму религиозного сознания, которая одновременно выступает основанием для реализации самых различных экстремистских практик. Свои наиболее яркие черты, действительные конкретные формы экстремизм приобретает в реальных многообразных социальных, экономических, политических, религиозных, культурных условиях, развивая и укрепляя при этом свою деструктивную и разрушительную сущность.

В широком смысле экстремизм представляет собой такой социальный феномен, актуализация которого приходится на периоды кризисов и социально-экономической нестабильности. Это важные внешние факторы придающие

экстремизму его конкретные формы воплощения, но на наш взгляд, это недостаточные причины для возникновения экстремизма. Необходимым условием возникновения идеологии экстремизма и идеологических практик является особое сознание, формирование которого начинается с признания иных, нежели традиционные в данном обществе и в данный момент времени, идей, ценностей, норм, интересов. Именно эти идеи, теории, ценности становятся основанием для догматизации, потом и для сакрализации, партикуляризации, превращаясь в объект религиозного сознания и трансформируясь в его деструктивную форму. Последняя дает толчок формированию нетерпимости по отношению ко всем кто эти идеи (теории, ценности) не признает, или допускает нечто отличное от них. Мир делится на своих и чужих, в отношении которых возможны только крайние и радикальные меры и поступки, предполагающие насилие и агрессию, как средство их обезвреживания или уничтожения. Экстремизм не признает какой-либо толерантности и как следствие всегда конфликтен и деструктивен по существу.

Применительно к нашему исследованию мы особо отмечали, что наличие особой трансформированной деструктивной формы религиозного сознания (названной нами фанатической) – необходимая сущностная черта экстремизма вообще. Любой экстремизм (политический, религиозный, экономический, культурный) обязательно предполагает религиозное сознание в его особой трансформированной форме, обретающей черты деструктивности. Такое сознание всегда догматично, интолерантно, партикулярно, бинарно в восприятии и оценке мира, радикально. Это сознание является основанием для формирования радикальной идеологии, реализация которой всегда конфликтна, агрессивна и насильственна.

Мы особо подчеркиваем, что экстремизм и религиозное сознание непосредственно взаимосвязаны, структура экстремистского сознания во многом соответствует интенциям религиозного сознания, однако *не всякого* религиозного сознания, а его особой деструктивной формы. Религиозное сознание может выполнять и позитивные, созидающие, конструктивные функции, поэтому

однозначно рассматривать его как иницилирующее экстремистские практики будет и не корректно и не верно по существу.

Ключевой задачей изучения подобных социальных явлений является возможность найти эффективные методы борьбы с ними, а в лучшем случае – методы недопущения их возникновения. Поскольку необходимым элементом экстремизма мы назвали деструктивную фанатическую форму религиозного сознания. Полагаем, что возможно предотвращение формирования экстремистских практик путем недопустимости или предупреждения подобных трансформаций. Нам представляется, что современные информационные технологии являются эффективным средством для выявления, предотвращения и противодействия деструктивным трансформациям религиозного сознания. Кроме того, они позволяют влиять и на сам процесс формирования как деструктивного, так и конструктивного естественного религиозного развития. Средствами влияния на процесс формирования религиозного сознания в Интернет пространстве (в социальных сетях, в блогах и т.д.) могут выступать религиозные тексты на электронных носителях и виртуальные проповеди. Их специфика состоит в возможности критики, обсуждения, сохранения анонимности, а также селекции участников. Умелое использование данных средств может формировать как позитивное естественное религиозное развитие, так и развивать элементы деструктивного религиозного сознания. Механизмами противодействия распространению негативных идей и деструктивных теорий выступают технические, организационные, правовые; политические; воспитательные; интеллектуальные; религиозные.

Ценность любой гипотезы, как и любого теоретического исследования – широта перспектив развития темы, многообразие возможных выводов. Развитие идей данной работы может идти сразу по нескольким направлениям. Во-первых, дальнейшее исследование различных трансформаций религиозного сознания, прежде всего деструктивных, ведущих к возникновению разрушительных социальных практик, таких как экстремизм и терроризм. Во-вторых, проработка вопросов соотношения деструктивного религиозного сознания, фанатизма,

экстремизма. В третьих, детальная разработка технологий предотвращения формирования деструктивных форм религиозного сознания через известные виртуальные формы общения – социальные сети, блоги, и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулганеев, Р.Р. Деструктивные культы и тоталитарные секты как источник распространения религиозного экстремизма / Р.Р. Абдулганеев // Грамота. – 2012. – № 10 (24). – в 2-х ч. Ч. I. – С. 14-16.
2. Августин, А. Исповедь / А. Августин. – М.: Ренессанс, СП ИВО-СиД, 1991. – 488 с.
3. Авдеев, Ю.И. Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации / Ю.И. Авдеев, В.В. Арсеньев, В.Н. Найденко // Вестник Московского университета: Серия 11. Право. – 2010. – № 4. – С.70-84.
4. Авдеев, Ю.И. Экстремизм в современной России: истоки, содержание, типология (часть первая) / Ю.И. Авдеев, В.В. Арсеньев, В.Н. Найденко // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 2. – С. 108-122.
5. Авдеев, Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты / Ю.И. Авдеев // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: История, философия, политология, право. – 2013. – № 2. – С.7-14.
6. Агабабян, А.Г. «Гибридные» формы религиозного сознания в контексте этносоциальных процессов населения Западного Кавказа / А.Г. Агабабян // Вестник Южного научного центра. – 2013. – Т. 9. – № 3. – С. 15-18.
7. Акаев, В.Х. Религиозно-политические особенности «северокавказского ваххабизма» и конфликт с суфизмом / В.Х. Акаев // Исламоведение. – 2010. – № 4. – С.4-17.
8. Акаев, В.Х. Культурный синкретизм: о противоречивом единстве религиозного и светского аспектов / В.Х. Акаев, А.Б. Дохаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 26-30.
9. Аквинский, Ф. Сумма теологии / Ф. Аквинский. – Киев: Эльга, 2006. – 576 с.
10. Алексеев, П.В. Социальная философия / П.В. Алексеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 238 с.

11. Амиров, С. Эволюция религиозного сознания в условиях экономического и политического кризиса / С. Амиров // Развитие личности. – 2004. – № 2. – С. 80-96.
12. Арестов, В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06 / Арестов Василий Николаевич. – Киев, 1984. – 190 с.
13. Астахова, Л.С. Динамика современных религиозных практик в структурах повседневности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.14 / Астахова Лариса Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2013. – 39 с.
14. Ахмедова, К.Б. Религиозный фактор в политическом контексте противодействия терроризму: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ахмедова Кульсум Байтаевна. – Ростов-на-Дону, 2014. – 24 с.
15. Афанасьев, Н.Н. Идеология терроризма / Н.Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 230-234.
16. Ахунова, Г.М. Изменение религиозного сознания в условиях глобальных проблем современности: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ахунова Гюльшат Маратовна. – Уфа, 2010. – 19. С.
17. Арухов, З. Ислам и политический экстремизм на Северном Кавказе / З. Арухов // Мусульмане. – 2000. – № 1. – С. 25-30.
18. Ашхамахова, А.А. Основные подходы, принципы и методы исследования религиозного сознания / А.А. Ашхамахова, И.А. Яковенко // Общество и право. – 2001. – №. 5 (37). – 302 с.
19. Бааль, Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Бааль Наталья Борисовна. – Нижний Новгород, 2012. – 43 с.
20. Баева, Л.В. Экстремизм: природа и формы проявления / Л.А. Баева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 3. – С.21-26.
21. Бакланов, И.С. Роль социальных сетей в процессах глобализации / И.С. Бакланов, А.Л. Яценко // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Том XII. – Вып. 4 (NoNo 59–60). – С. 311-315.

22. Балагушкин, Е.Г. Религиозные искания и социальный протест (вторая половина XX века): очерки марксистского религиоведения. Нетрадиционные религии и молодежное движение протеста. Аспекты изучения новых религиозных движений / Е.Г. Балагушкин. – М.: Ленан., 2016. – 320 с.
23. Барт, К. Церковная догматика / К. Барт. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – Т.1. – 576 с.
24. Баширов, Л.А. Религиозный экстремизм: недооцененная опасность / Л.А. Баширова // Национальные интересы. – 2008. – № 2. – С. 45-48.
25. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М.: Академия, 2004. – 788с.
26. Белла, Р. Социология религии / Р. Белла // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. – 1972.– С. 265-282.
27. Беляева, Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма [Электронный ресурс] / Е.В. Беляева // Вестник Брестского университета. – 2008. – №4 (35). – Режим доступа: http://forum.brsu.by/sites/default/files/vesnik_gum/2008/4_35_2008.pdf
28. Бердяев, Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине [Электронный ресурс] \ Н.А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.spasi.ru/biblt/berd1.htm>
29. Билалов, М.И. Суфизм и познавательная культура / М.И. Билалов. – Махачкала: ГУП Даг. кн. изд-во, 2003. – 120 с.
30. Битехтина, Л.Д. Религиозное сознание – различительные особенности и специфические признаки [Электронный ресурс] / Л.Д. Битехтина. – Режим доступа: <http://www.psy-expert.ru/publ/15-1-0-31> Последнее обращение 22.11.2016.
31. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=38796>
32. Борисов, О.С. Религиозное сознание как объект философского исследования: дис. ...канд. филос. наук: 09.00.06 / Борисов Олег Сергеевич. – СПб, 2000. – 183 с.
33. Бохенский, Ю.М. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков / Ю.М. Бохенский. – М.: Прогресс, 1993. – 187 с.

34. Булгаков, С. Православие: очерки учения православной церкви / С. Булгаков. – М.: Terra, 1991. – 231 с.
35. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России / В.А. Бурковская. – М.: Институт правовых и сравнительных исследований, 2005. – 268 с.
36. Буряк, В. В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции / В.В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 150 с.
37. Вагабов, М.В. Ислам в истории и глобализирующемся мире: монография / М.В. Вагабов, Н.М. Вагабов. – Махачкала, 2009. – 640 с.
38. Вебер, М. Работы М. Вебера по социологии, религии и культуре / М. Вебер. – М.: ИНИОН, 1991. – 301 с.
39. Веджвуд, С.В. Тридцатилетняя война / С.В. Веджвуд. – Москва: АСТ, 2013. – 533 с.
40. Верховский, А. Политический экстремизм в России / А. Верховский, А. Паап, В. Прибыловский. – М.: «Институт экспериментальной социологии», 1996. – 356 с.
41. Вершинин, С.Е. Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ) [Электронный ресурс] / С.Е. Вершинин. – Режим доступа: <http://www.werschinin.ru/?ml=121>
42. Вехов, И.В. Экстремизм как объект социологического исследования / И.В. Вехов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С.284-290.
43. Виноградова, Н.Л. Диалогическая сущность социального взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Виноградова Надежда Леонидовна. – Волгоград, 2007. – 38 с.
44. Вред социальных сетей: влияние на психику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nperov.ru/soznanie/vred-socialnyx-setej-vliyanie-na-psixiku/>
45. Гавриленков, А.Ф. Трансформации религиозного сознания в условиях глобализации / А.Ф. Гавриленков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки. – 2008. – № 1(9). – С.34-38.
46. Гаврилова, Ю.В. Диалектика естественных и социальных факторов

- формирования религиозного сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Гаврилова Юлия Викторовна. – Чита, 2011. – 28 с.
47. Гаджимирзоева, О.С. Религиозно-нравственные основания этнокультуры Дагестана: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Гаджимирзоева Олеся Сабировна. – Санкт-Петербург, 2013. – 24 с.
48. Галиуллина, Г.С. Восток и Запад в сознании современных башкир или религиозный аспект их национального возрождения / Г.С. Галиуллина // Религия и духовность: сборник статей. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 85-87.
49. Гараджа, В.И. Религиоведение. Энциклопедическая статья / В.И. Гараджа // Новая философская энциклопедия. В 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 435 - 436.
50. Гараджа, В.И. Социология религии [Электронный ресурс] / В.И. Гараджа. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/gar/04.php
51. Гараджа, В.И. Протестантизм / В.И. Гараджа. – М.: Политиздат, 1971. – С. 19-35.
52. Гарнак, А. Восточное и западное христианство / А. Гарнак // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. – М.: Наука, 1994. – С. 32-56.
53. Гегель, Г. Философия религии / Г. Гегель – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 534 с.
54. Гельвеций, К.А. О человеке. Раздел 7 / К.А. Гельвеций // Сочинения в 2-х т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 2. – С. 345-377.
55. Гоббс, Т. Избранные сочинения / Т. Гоббс – М.: Мысль, 1964. – Т. 1-2. – 723-734 с.
56. Гобозов, И.А. Социальная философия / И.С. Гобозов – М.: Академический проект, 2010. – 352 с.
57. Григорьева, Л.И. Религии «Нового века» и современное государство (Соц.-филос. очерк): монография / Л.И. Григорьева. – Красноярск: СибГТУ, 2002. – 399 с.
58. Гурский, В.В. Основания деструктивности религиозного экстремизма / В.В. Гурский // Вестник Челябинского университета. Философия. Социология. Культурология. – 2012. – № 4. – С.23-27.

59. Гурский, В.В. Религиозный экстремизм как форма социальных отношений (на примере российского общества): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Гурский Валентин Владимирович. – Челябинск, 2012. – 25 с.
60. Давыдов, И.П. Проблемы категориального описания и квалификации, религиозного экстремизма (религиоведческий и правоведческий аспекты) / И.П. Давыдов // Религиозный экстремизм и фундаментализм (справочное издание). – М., 2008. – 15 с.
61. Дандарон, М.Б. Социальное конструирование религиозного сознания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Дандарон Мэдэгма Бидяевна. – Улан-Удэ, 2009. – 42 с.
62. Дворянов, В.А. Политический экстремизм в Центральной Европе / В.А. Дворянинов // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов: сборник статей. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2002. – 239 с.
63. Джемс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джемс – М.: Наука, 1993. – 432 с.
64. Дзусов, И.И. Религиозная ситуация в республиках Северо-Кавказского федерального округа: социокультурный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Дзусов Ирбек Игоревич. – Майкоп, 2013. – 24 с.
65. Дибиров, А.Н.З. Легитимность власти и политический экстремизм / А.Н.З. Дибирова // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2015. – № 1 (24). – С. 209-212.
66. Долгова, А.И. Экстремизм и терроризм, террористические и иные экстремистские преступления: понятие, анализ, динамика / А.И. Долгова // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация. – 2008. – С. 21-30.
67. Донцова, Г.Г. Новые нетрадиционные религии. Угроза распространения религиозного экстремизма в молодежной среде / Г.Г. Донцова, М.Г. Рудаков // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 9. – С.19-31.
68. Дробижева, Л.М. Социальные предпосылки распространения экстремизма и

- терроризма / Л.М. Дробужева, Э.А. Паин // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. – М.: Наука, 2002. – С. 33-48.
69. Дробот, Г.А. Международный терроризм как объект изучения / Г.А. Дробот // Социально- гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 62-67.
70. Душина, Т.В. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни / Т.В. Душина, А.А. Лагунов // Философия права. – 2009. – № 5. – С.107-112.
71. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии (Введение, Глава 1.) / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М., 1998. – С. 174-230.
72. Емельяненко, В.Д. Интернет и мировоззренческие основания религиозного сознания / В.Д. Емельяненко, Н.В. Александрова // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 2 (92). – С. 28-33.
73. Ерофеева, Е.К. Религиозное сознание эпохи глобализации: некоторые противоречия / Е.К. Ерофеева // Вестник ИГЭУ. – 2009. – Вып.1. – С. 1-4.
74. Забарчук, Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е.Л. Забарчук // Журнал российского права. – 2008. – № 6 (138). – С. 3-10.
75. Забияко, А.П. Экстремизм религиозный / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – 1220 с.
76. Заиченко, Г.А. Джон Локк / Г.А. Заиченко. – М.: Мысль, 1973. – 208 с.
77. Иваненко, С.И. Научное знание и кризис православия / С.И. Иваненко. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1988. – 48 с.
78. «ИГИЛ – угроза человечеству. Почему необходимо уничтожить терроризм»: методическое пособие / [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/broshyura_IGIL_ugroza07092016.pdf
79. Излученко, Т.В. Глобализация религиозного сознания: факторы и тенденции развития / Т.В. Излученко // Социодинамика. – 2015. – № 6. – С. 69-79.

80. Излученко, Т.В. Социально-философский анализ диалогичности религиозного сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Излученко Татьяна Владимировна. – Красноярск, 2014. – 26 с.
81. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование в 2-х томах. [Электронный ресурс] / И.А. Ильин. – Режим доступа: <http://www.psylib.org.ua/books/iljii01/index.htm>
82. Информационное общество / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом., 1999. – 274 с.
83. История государства и права зарубежных стран в 2-х ч.: учебник. – М.: НОРМА, 2004. – 624с.
84. Кадиева, А.М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Кадиева Аминат Магомедовна. – Махачкала, 2008. – 28 с.
85. Кант, И. Религия в пределах только разума / И. Кант. – Книжный дом «Либроком», 2012. – 304 с.
86. Карпицкий, Н. Становление религиозного сознания [Электронный ресурс] / Н. Карпицкий. – Режим доступа: <http://tvfi.narod.ru/soznan.htm>
87. Кива, А.В. Анатомия терроризма / А.В. Кива, В.А. Федоров // Общественные науки и современность. – 2003. – №1. – С. 131-136.
88. Киреев, А.С. Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Киреев Алан Саидович. – М., 2003. – 170 с
89. Кириллова, Н.Б. Медиасреда российской модернизации / Н.Б. Кириллова. – М.: Академический Проект, 2005. – 400 с.
90. Ковальский, Н.А. Католицизм и международные отношения / Н.А. Ковальский, И.М. Иванова. – М.: Международные отношения, 1989. – С. 12-21.
91. Козлова, О.В. Онтологический статус божественного и природного начала в философии В.С. Соловьева / О.В. Козлова // История философии. № 6: сборник трудов. – М.: ИФРАН, 2000. – С. 108-118.

92. Кольев, А.Н. Заметки об экстремизме [Электронный ресурс] / А.Н. Кольев. – Режим доступа: <http://www.zlev.ru/345/htm>
93. Крапивенский, С.Э. Социальная философия [Электронный ресурс] / С.Э. Крапивенский. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/krapiv/09.php.
94. Красиков, В.И. Экстремизм. Паттерны и формы / В.И. Красиков. – М.: Водолей, 2009. – 495 с.
95. Кривелев, И.А. Религии и церкви в современном мире / И.А. Кривелев. – М.: Сов. Россия, 1961. – 209 с.
96. Кузнецова, М.Н. Религиозный фанатизм: понятие, сущность и пути преодоления: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Кузнецова Марина Николаевна. – Омск, 2003. – 171 с.
97. Лабунец, М.И. Политический экстремизм (этнонациональная регионализация: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Лабунец Михаил Иванович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 141 с.
98. Лагунов, А.А. О результатах социологического опроса «Религия и я» / А.А. Лагунов // Пространство и время. – 2012. – № 4(10). – С. 126-128
99. Лагунов, А.А. Социально-философское определение религии / А.А. Лагунов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 62. – С. 7-13.
100. Лагунов, А.А. Специфика русской религиозной философии / А.А. Лагунов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2007. – № 4 (13). – С. 121-124.
101. Ленин, В.И. Социализм и религия [Электронный ресурс] / В.И. Ленин. – Режим доступа: http://revolucia.ru/soc_relg.htm
102. Леонтьев, А.Н. Социальные сети как политический ресурс / Д.В. Куц, А.Н. Леонтьев // Социокультурные исследования: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 18/19. – Волгоград, 2013. – С. 130-133.
103. Леонтьева, Е.Ю. Рациональность и ее типы, генезис и эволюция: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / Леонтьева Елена Юрьевна. – Ростов-на-Дону,

2003. – 36 с.

104. Леонтьева, Е.Ю. Толерантность как проблема: добрые чувства или вынужденная мера? / Е.Ю. Леонтьева // Научные труды SWorld. – 2016. – Вып. 2. – Т. 6. – С. 66-70.

105. Лобовик, Б.А. Религиозное сознание и его особенности / Б.А. Лобовик – Киев: Наук. думка, 1986. – 247 с.

106. Лосский, Н.О. Ценность и бытие. Бог и царство божие как основа ценностей [Электронный ресурс] Н.О. Лосский. – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/d7e/Cennost%20i%20bytye.pdf>

107. Лушников, Д.А. Социализации как угроза: инверсия в механизм социальных изменений и дезорганизации / Д.А. Лушников // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2015. – № 2 (47). – С. 260-263.

108. Лушников, Д.А. Структура ритуала интеракции как маркер дезорганизационного поведения / Д.А. Лушников // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2006. – № 1 (5). – С. 77-80.

109. Маркс К, Собр. соч., изд. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1954-57. – Т. 20. – 858 с.

110. Маркс К, Собр. соч., изд. 2./ К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1954-57. – Т. 12. – 910 с.

111. Маслихин, А.В. Религиозное и атеистическое сознание / А.В Маслихин // Вестник Марийского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 5-10.

112. Масычев, П.В. Конструирование этнокультурной толерантности в контексте противодействия экстремизму: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. / Масычев Павел Владимирович. – Саратов, 2012. – 23 с.

113. Матвиенко, Е.А. О границах толерантности в связи с необходимостью противодействия религиозному экстремизму / Е.А. Матвиенко // Социально-политическое развитие России как комплексная проблема гуманитарного знания: сборник трудов. – Волгоград: Изд-во Волгоградская академия МВД, 2015. – С. 210-215

114. Матвиенко, Е. А. Современный исламский терроризм: сущностные признаки и пути противодействия / Е.А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 4 (11). – С. 137-143.
115. Матвиенко, Е.А. Межрелигиозный диалог: проблемы и перспективы / Е.А. Матвиенко, В.В. Гордиенко // Вестник волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С.14.
116. Махмадиев, Н.Д. Социальные корни религиозного экстремизма в Таджикистане: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Махмадиев Нозим Давлатмуродович. – Душанбе, 2012. – 24 с.
117. Монтескье, Ш. О духе законов / Ш. Монтескье // Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 530-558.
118. Морозов, И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX – начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Морозов Илья Леонидович. – Саратов, 2010. – 409 с.
119. Муминов, А.И. Религиозный экстремизм как социальная угроза / А.И Муминов // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. – 2007. – № 2. – С. 57–62.
120. Муслимов, С.Ш. Идеологические основы религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе / С.Ш. Муслимов // Исламоведение. – 2012. – № 4. – С. 41-45.
121. Мчедлов, М.П. Религия и современность / М.П. Мчедлов. – М.: Политиздат, 1982. – 272 с.
122. Наматов, Н. Религиозный экстремизм в центральной Азии [Электронный ресурс] / Н. Наматов. – Режим доступа: <http://www.ca-c.org>.
123. Нейсбитт, Дж. Что нас ждет в 90-е годы / Дж. Нейсбитт, П. Эбурдин // Мегатенденции. Год 2000. – М.: Республика, 1992. – 416 с.
124. Новиков, Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия (политико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Новиков Дмитрий Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 167 с.

125. Носачев, П.Г. Постмодернистская философия религии У. Эко и Дж. Ваттимо о месте религии в современном мире / А.Г. Носачев // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 170-178.
126. Нуриев, Д.А. Социальное и морально-этическое учения ислама как оппозиция духу экстремизма: монография / Д.А. Нуриев, М.Т. Якупов. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. – С. 82 -124.
127. Нуруллаев, А.А. Религиозно-политический экстремизм / А.А. Нуруллаев, А.А. Нуруллаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2003. – №4. – С. 83-92.
128. Нуруллаев, А.А. Религиозно-политический экстремизм [Электронный ресурс] / А.А. Нуруллаев. – Режим доступа: <http://www.scienceport.ru>
129. О противодействии экстремистской деятельности: [федер. Закон: принят 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: по состоянию на 29.04.2012] [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» – Режим доступа: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139786>
130. Оганесян, С.С. О понятии «религиозный экстремизм» / С.С. Оганесян // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 8-13.
131. Олбрайт, М. Религия и мировая политика / М. Олдбрайт. – М.: Альпин Бизнес Букс, 2007. – 352 с.
132. Олифириенко, Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления: дис. ... канд. полит. наук: 32.00.02 / Олифиренко Екатерина Павловна. – Черкесск, 2012. – 224 с.
133. Ольшанский, Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. – СПб.: «Питер», 2002. – 288 с.
134. Омаров, Б.М. Структура религиозного сознания в философском учении Гегеля / Б.М. Омаров // Общество и право. – 2011. – № 3(35). – С. 306-310.
135. Омарова, З.У. Трансформация религиозного сознания: современный аспект / З.У. Омарова // Философская мысль. – 2012. – № 3. – С. 160-183.

136. Ополев, П.В. Сложность как предмет религиозного сознания / П.В. Ополев // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1 (67). – С.157-159.
137. Ответственность за криминальные проявления экстремизма: методические рекомендации НИИ ГП РФ. – М., 2002. – 38 с.
138. Отто, Р. Священное [Электронный ресурс] / Р. Отто. – Режим доступа: <http://predanie.ru/otto-rudolf-rudolf-otto/book/216242-svyaschennoe/>
139. Переосмысляя современность (Материалы международной конференции) // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С.14-26.
140. Петрушевский, И.П. Ислам в Иране в VII—XV веках (курс лекций) / И.П. Петрушевский // Отв. редактор В. И. Беляев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – 400 с.
141. Плужников, Е.Н. Религиозный экстремизм в современной России: проблемы теоретической интерпретации и политической практики: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Плужников Евгений Николаевич. – Москва, 2010. – 34 с.
142. Поздьева, СМ. Влияние религиозных ценностей на менталитет Запада и Востока / С.М. Поздьева / Религия в ценностных измерениях: материалы научной конференции. – Уфа: Изд. Башкирского университета, 2000. – С. 14-18.
143. Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним: материалы конференции (Москва, 31 марта – 1 апреля 1998 г.). – М.: ППО «Известия», 1998. – 135 с.
144. Политкина, К.И. Свойства и формы проявлений религиозных отношений в духовной жизни социума / К.И. Политкина // Дискуссия. – 2014. – № 4 (45). – С. 29-35.
145. Пролетенкова, С.Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Пролетенкова Светлана Евгеньевна. – Москва, 2013. – 46 с.

146. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография. – Симферополь: Изд-во Краснодарского университета МВД России (Крымский филиал), 2015. – 328 с.
147. Резникова, А.В. Структурные и динамические характеристики современного религиозного экстремизма: Роль «исламского» фактора в Северокавказском регионе: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Резникова Анна Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2005. – 160 с.
148. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути предотвращения: научная монография. – М.: Парнас, 2011. – С. 6-7.
149. Римский, А.В. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14 / Римский Алексей Викторович. – Тула, 2012. – 27 с.
150. Роль новых религиозных движений в генезисе экстремистских практик [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://studygur.ru/doc/1752024/rol._-novyh-religioznyh-dvizhenij-v-genezise-e-kstremistskih
151. Романов, Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны / Н.А. Романов. – М.: ИСПИ РАН, 1997. – 394 с.
152. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо. – М.: «Канон-пресс, 1998. – 416 с.
153. Рязанов, Д.С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное [Электронный ресурс] / Д.С. Рязанов. – Режим доступа <file:///C:/Users/1/Downloads/3948475378277971361.pdf>.
154. Рязанова, С.В. Структура современного религиозного сознания: общее и особенное / С.В. Рязанова // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2012. – Т.10. – Вып. 3. – С. 197-204.
155. Сайфулин, И.С. Взаимодействие принципов толерантности и факторов религиозного экстремизма в политической системе современной России / И.С. Сайфулин // Вестник ПАГС. – 2014. – № 5. – С. 114-119.

156. Санаева, Т.Н. Социальный фанатизм: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Санаева Татьяна Николаевна. – Нижний Новгород, 2002. – 125 с.
157. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно- библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib2.podelise.ru/docs/9476/index-57454.html>
158. Скворцова, Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Скворцова Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 22 с.
159. Славин, Б.Ф. Проблемы политического экстремизма в политологии / Б.Ф. Славин / Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним: материалы конференции (Москва, 31 марта – 1 апреля 1998). – М.: ППО «Известия».1998. – 135 с.
160. Словарь иностранных слов. – М.: «Русский язык», 1984. – 577 с.
161. Словарь философских терминов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 786 с.
162. Сокол, В.Ю. Современный экстремизм: сущность, проблемы противодействия / Ю.В. Сокол. – Краснодар: Краснодарская Академия МВД России, 2005. – 207 с.
163. Соловьев, В.С. Духовные основы жизни [Электронный ресурс] / В.С. Соловьев. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/soloviev_3/7
164. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
165. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сборник статей. – М: ИНИОН РАН, 2013. – 360 с.
166. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза // Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т.2. – 656 с.
167. Спирина, Е.В. Информационные ресурсы как институт гражданского общества / Е.В. Спирина / Информационное право и становление основ

гражданского общества в России: материалы теоретического семинара по информационному праву. – М., 2008. – С. 26-30.

168. Старостина, С.А. Актуальные проблемы противодействия религиозному экстремизму в России / С.А. Старостина, С.В. Пилявец // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Государство. Общество. Право. – 2014. – № 1. – (35). – С. 106-111.

169. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020г. (утв. Указом Президентом РФ 12.05.2009 № 537) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.htm>

170. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html>

171. Суглобов, Г.А. Союз креста и меча (Церковь и война) / Г.А. Суглобов. – М.: Воениздат, 1969. – С.144.

172. Суслонов, П.Е. Антропология деструктивности: коллективная монография / П.Е. Суслонов, А.А. Исаев, А.Г. Кислов и др. – Екатеринбург, Уральский Юридический институт МВД РФ, 2012. – 214 с.

173. Суслонов, П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма): монография / П.Е. Суслонов. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2013. – 92 с.

174. Сюкияйнен, Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – № 3. – С. 7-28.

175. Тайлор Э. Первобытная культура [Электронный ресурс] / Э. Тайлор. – Режим доступа: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000015/>

176. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 352 с.

177. Угринович, Д.М. Введение в религиоведение / Д.М. Угринович. – М.:

Мысль, 1985. – 13 с.

178. Устинов, В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика / В.В. Устинов. – М.: «Юрлитинформ», 2002. – 560 с.

179. Фархитдинова, О.М. Фанатизм и экстремизм / О.М. Фархитдинова // Человек. Религия. Право. Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2011. – С. 100-105.

180. Фейербах, Л. Избранные философские произведения в 3-х т. / Л. Фейербах. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. – 676 с.

181. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, Ковалев С.М., Панов В.Г. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

182. Флоренский, П. Собр. соч.: В 2-х т. / П. Флоренский. – М.: Слово, 1994. – Т. 1. – 426 с.

183. Флурнуа, Т. Принципы религиозной психологии [Электронный ресурс] / Т. Флурнуа. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3348295/>.

184. Франк, С. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера / С. Франк // Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи. – СПб.: Алетейя, 1994. – С 7-34.

185. Франк, С. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С. Франк. – М.: «Правда», 1990. – 506 с.

186. Фрейд, З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. – Харьков: Фолио, 2009. – 287 с.

187. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 143-221.

188. Фрэнгер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрэнгер. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.

189. Ханбабаев, К.М. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: общее и особенное / К.М. Ханбабаев // Исламоведение. – 2010. – №2. – С. 79-89.

190. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.

191. Хруль, М.В. Религиозное сознание аудитории СМИ: тексты самовыражения массы как объект анализа / М.В. Хруль // Вестник Моск. университета. Серия 10. Журналистика. – 2011. – № 1. – С.99-113.
192. Чуганов, Е.Г. Экстремизм: проблемы уголовной политики / Е.Г. Чуганов // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – С.236-249.
193. Чудинов, С.И. Религиозный экстремизм и проблема духовно-нравственного воспитания и противодействия / С.И. Чудинов // Философия образования. – 2010. – № 3. – С.339-347.
194. Чудинов, С.И. Экстремизм: Симулякр или онтологическая реальность? / С.И. Чудинов // Исторические, философские, политические и юридические науки, Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. – 2013. – № 3(29). – Ч. 1. – С. 195-199.
195. Шарипова, Э.М. Социокультурная специфика религиозного фанатизма: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Шарипова Эльвира Маннуловна. – Тюмень, 2014. – 32 с.
196. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презирающим. Монологи / Шлейермахер Ф. – СПб.: АО «Алетейя», 1994. – 432 с.
197. Эко, У. О божестве. Электронный ресурс [Электронный ресурс] / У. Эко. – Режим доступа: http://www.umbertoeco.com/id-49/Umberto_Eco_About_God.html
198. Экстремизм как философская проблема: коллективная монография / науч. ред. В. Ш. Сабиров. – Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2011. – 404 с.
199. Этика Альберта Швейцера и индийская мысль. Фрагменты из книги «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика» // Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 201- 235 .
200. Юм, Д. Естественная история религии [Электронный ресурс] / Д. Юм. – Режим доступа: http://samlib.ru/e/epshtejn_s_d/yumestestist.shtml
201. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. – М.: «Прогресс-Универс», 1995. – 718 с

202. Яблоков, И.Н. Основы религиоведения [Электронный ресурс] / И.Н. Яблоков. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Jablok/04.php
203. Яковенко, И.А. Тенденции развития религиозного сознания в современной России [Электронный ресурс] / И.А. Яковенко. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-religioznogo-soznaniya-v-sovremennoy-rossii>
204. Ярославский, Е.М. О религии / Е.М. Ярославский. – М.: Госполитиздат, 1957. – 639 с.
205. Яхьяев, В.Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен. [Электронный ресурс] / В.Я. Яхьяев. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/religiozni-fanatizm-kak-sotsialno-istoricheskii-fenomen#ixzz3naFlwtvm> Последнее обращение 21.09.2015.
206. Backes, U. Vergleichende Extremismusforschung / U. Backes, E. Jesse // Politische Vierteljahresschrift. – 2005. – Vol. 46. – Issue 3. – 495 p.
207. Bertovna, B.B. Problems of counteraction to religious extremism in the Russian Federation / B.B. Bertovna, A.C. Sultanovna, G.E. Eminovna, M.S. Shakhidovich, D.H. Mamutovich // Social Sciences (Pakistan). – 2016. – №11(10). – P. 2439-2445.
208. Borisov, R.V. Islamic identity of the Russian North Caucasus modern challenges (Article) / R.V. Borisov, N.S. Akaeva, N.N. Kazieva // European Journal of Science and Theology. – 2016. – Vol. 12. – Issue 2. – P. 165-175.
209. Boyer, Pascal The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion / Pascal Boyer. – Berkeley: University of California Press, 1994. – 342 p.
210. Extremismusprävention im Frühstadium. Initiative 180 Grad Wende als innovativer Lösungsansatz und Modellprojekt // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik – 2014. – Vol. 7. – Issue 3. – P. 389-401.
211. Fischer, Gärtner C. Religiöse Identität und Wertbindungen von Jugendlichen in Deutschland / Gärtner C. Fischer // KZfSS Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 2013. – Vol. 65. – Issue 1. – P. 211-233.

212. Forces bring down terror in Jammu and Kashmir II // The Economic Times. 16.01.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <http://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/forces-bring-down-terror-in-jammu-kashmir/articleshow/2703331.cms>
213. Kailitz, S. Extremismusforschung in der Vergleichenden Politikwissenschaft / S. Kailitz, T. Mannewitz // [Электронный ресурс]. – Режим доступа. http://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-658-02338-6_44
214. Rehse, S. Vergleichende Extremismusforschung / S. Rehse // Zeitschrift für Parlamentsfragen. – 2006. – Vol. 37. – Issue 2. – P. 435-437.
215. Stonier, T. The Wealf of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy / T. Stonier. – London., 1983. – 114 p.
216. Ushama, T. The phenomenon of extremism in religion in Muslim life: An analysis of its roots, causes and nature / T. Ushama // Asian Social Science. – 2014. – Vol. 10. – Issue 14. – P. 239-253.
217. Fischer, K. Antiextremismus als Strategie streitbarer Demokratie Zwischenbilanz nach einem Jahrzehnt Jahrbuch Extremismus & Demokratie / K. Fischer // Politische Vierteljahresschrift. – 2001. – Vol. 42. – Issue 1. – P.126-135.